67

Я ПО УСТРОЙСТВУ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ

Материалы, собранные во время летних экскурсий студентами Этнографического Факультета бывшего Географического Института, ныне Этнографического Отделения Географического Факультета Ленинградского Государственного Университета (1923—1926 г.)

НАУЧНАЯ СЕРИЯ

Под редакцией проф. В. Г. Богораза и проф. Л. Я. Штернберга

DT
30
M34

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО СВАДЬБЕ И СЕМЕЙНО-РОДОВОМУ СТРОЮ НАРОДОВ СССР

С вводной статьей проф. Л. Я. Штернберга

ЛЕНИНГРАД

Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий

1926

КОМИССИЯ ПО УСТРОЙСТВУ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ

Материалы, собранные во время летних экскурсий студентами Этнографического Факультета бывшего Географического Института, ныне Этнографического Отделения Географического Факультета Ленинградского Государственного Университета (1923—1926 г.)

НАУЧНАЯ СЕРИЯ

Под редакцией проф. В. Г. Богораза и проф. Л. Я. Штернберга

695
29

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

DT
30
M34.

МАТЕРИАЛЫ
ПО
СВАДЬБЕ и СЕМЕЙНО-РОДОВОМУ СТРОЮ
НАРОДОВ СССР

...УНИВЕРСИТЕТ
...ТЕКА
...СВЕРДЛОВА

С вводной статьей проф. Л. Я. Штернберга

ЛЕНИНГРАД
1926

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
531531

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ленинградский Гублит № 19333 Заказ № 5388. Тираж 1.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемый „Свадебный сборник" является началом новой серии изданий Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий.

Комиссия существует уже четыре года (1923 — 1926) при Этнографическом Факультете Ленинградского Географического Института, ныне Этнографическом Отделении Геофака Л.Г.У. Она была организована проф. Л. Я. Штернбергом и проф. В. Г. Богоразом и отвечала настоятельной необходимости устроить для студентов-этнографов полевую учебно-исследовательскую работу [1]).

Экскурсии начались еще в конце периода разрухи в трудных условиях и при самых скудных средствах. Особенно вначале Комиссия не могла обеспечить студентам самого скромного прожиточного минимума, и они существовали отчасти на счет гостеприимства крестьян, а отчасти продавая захваченное из города носильное платье и белье, которое в то время очень ценилось деревней.

Тем не менее работа Комиссии из году в год расширялась и захватывала больший район. Начав с исследования Северо-Западной Области, она перешла на Волгу, в Украину и в южную степь, после того в Сибирь и на Кавказ. В последнее время экскурсиями захвачены такие отдаленные области, как устья Енисея и Амура, Камчатка, Сахалин и даже намечены экскурсии на Чукотский мыс.

[1]) Ранее того, в течение двух лет, 1921 — 23, этнографические экскурсии студентов устраивались Этнографическим Отделом Северной Научно-Промысловой Экспедиции, ныне Научно-Исследовательского Института по изучению Севера. Заведующим отделом состоит проф. В. Г. Богораз, и некоторая часть студенческих этнографических экскурсий до сих пор проходит по Институту Севера.

Это расширение работ Комиссии соответствует расширению внутренней учебной работы Этнографического Отделения. В своем новом виде, перейдя в Университет и превратившись из факультета в отделение, оно, тем не менее, расширилось и ныне имеет 8 параллельных циклов, а именно: Восточно-Славянский, Финно-Угро-Самоедский, Тюркский, Монгольский, Тунгусский, Иранский, Яфетический и Палеоазиатский. Экскурсии организуются ныне соответственно указанным циклам и, таким образом, кроме основных восточнославянских племен, охватывает также и другие народности Союза от самых многочисленных, каковы узбеки и казаки (киргизы) до самых малочисленных, каковы лопари, енисейские остяки, гиляки.

Точно также и денежные средства, поступающие в распоряжение Комиссии, постоянно увеличивались, хотя, к сожалению, совершенно не соответствовали ее реальным потребностям и нуждам. Первые денежные средства поступали время от времени от разных учреждений, например, от Московского Центросоюза, от Акц. О-ва „Аркос“ и проч. Только благодаря содействию А. И. Рыкова, были ассигнованы первые денежные суммы Совнаркомом РСФСР, которые дали возможность расширить это полезное дело. В настоящее время Комиссия вошла в смету Главпрофобра и уже два года получает, хотя и скромную, но установленную сумму.

Печатание работ производилось до последнего времени по соглашению с ГИЗ'ом и Ленгиз'ом. Настоящий сборник печатается впервые иждивением самой Комиссии на средства, полученные в разное время от Главпрофобра и Главнауки и, таким образом, ныне соединенные вместе.

В дальнейшем Комиссия стремится превратиться в Этнографический Исследовательский Институт и фактически она таковым уже является, но это положение до сих пор по разным причинам не могло быть оформлено.

Научные материалы, собранные Комиссией, имеют разнообразный характер и значительный объем. Они относятся к старому и новому быту деревни, к культуре материальной и духовной, социальной и экономической, к пережиткам и остаткам древнейших верований и институтов, а также к новейшим явлениям и формам, возникающим на наших глазах.

Некоторая часть этих материалов, которая относится преимущественно к новому быту, была опубликована, по вышеуказанному соглашению, ГИЗ'ом и Ленгиз'ом в виде шести сборников (50 печатных листов).

Основное же ядро материалов, к сожалению, до сих пор остается без опубликования. Предлагаемый сборник является первым почином по изданию материалов собственно-научных. Он относится к свадьбе и семейно-родовому строю у русских и туземцев.

Вслед за этим сборником последует второй, относящийся к религиозным верованиям русской деревни. Издание этого сборника устраивается по соглашению с ГИЗ'ом. Комиссия выражает надежду, что ей удастся в дальнейшем издать и другие отделы материалов, постоянно возрастающие в объеме и сложности.

Комиссия считает своим долгом выразить благодарность А. И. Рыкову, давшему возможность развернуть работу экскурсий, также Ф. Н. Петрову, председателю Главнауки, и А. И. Некрасову, заместителю заведующего Главпрофобром, содействовавшим изданию настоящего сборника.

В заключение Редакция считает долгом выразить свою признательность ассистенту Геофака Л. Г. У., П. А. Хохолко, за его помощь при приготовлении к печати и корректировании настоящего сборника.

Новые материалы по свадьбе.

Настоящий сборник заключает в себе часть этнографических материалов, собранных во время летних экскурсий студентов-этнографов б. Ленинградского Географического Института и Государственного Ленинградского Университета.

По характеру своему материалы — двоякого рода. Одни представляют собою ответ на специальное задание по тому или другому вопросу, другие — сведения, собранные попутно со специальными заданиями. Материалы первого рода обрабатываются каждым участником в отдельности, материалы второго рода, собранные многими десятками экскурсантов и заключающие в себе очень много ценных и редких фактов, классифицируются по темам, и каждая тема обрабатывается одним или несколькими из участников, как результат коллективной работы.

По содержанию своему собранные материалы в целом охватывают все области этнологии, материальную культуру, экономику, социальную жизнь, верования, брак и, в частности, свадьбу.

Для первого нашего сборника мы остановили свой выбор на материалах по свадьбе, как на институте особенно поучительном в научном и учебном отношениях.

Институт брака и ритуал свадьбы один из самых сложных культурных институтов. На низших ступенях, в том числе и в быту нашего крестьянства, брак отнюдь не дело частного порядка, но акт социальный, санкционируемый коллективом — родом у народов с родовой организацией, а в нашем крестьянстве группой родственников и отчасти и целым обществом. Это и акт социально-экономический. Коллектив участвует не только своей санкцией и своим участием в брачных церемониях, но и материальной

помощью — при родовом строе помощью жениху в уплате калыма, в позднейшей стадии — разными видами одаривания, трудовой помощью в приготовлениях к свадьбе и т. п. С другой стороны, свадебные пиршества отнюдь не пиршества брачущихся, а пиршества общественные, опять таки имеющие глубокие корни в родовом строе.

Далее, для самих участников брака это, с одной стороны, институт правовой и хозяйственный, обставляемый целым рядом гарантий юридических и имущественных, с другой — институт религиозно-магический, призванный охранять новобрачных от разных колдовских влияний, грозящих им в этот важный момент жизни, равно как гарантировать им плодовитость и благополучие на всю жизнь.

Наконец, свадебные церемонии сами по себе являются подлинной драмой, в которой роль каждого участника до мельчайших деталей регламентирована исконными, веками установленными обычаями.

Во всем этом сложном комплексе, заключающем множество обрядов—социальных, правовых, экономических, религиозных, магических и т. д., соединены в одном едином ритуале черты множества наслоений, идущих от самой глубокой древности и сложившихся под самыми различными историко-культурными влияниями.

Важность изучения этого комплекса для этнологии уже давно признана в науке, и, тем не менее, далеко не все стороны этого комплекса не только в деталях, но в общетеоретическом аспекте могут считаться окончательно выясненными и удовлетворительно объясненными. Даже вопрос об общей эволюции брачных норм еще до сих пор не вышел окончательно из области споров. Одной из главных причин этого положения дел служит то, что, несмотря на множество собранного материала, далеко не все необходимое собрано, а то, что собрано, до сих пор не сведено во-едино, да и собрано оно по большей части людьми не компетентными. Особенно дефектен материал по народностям СССР и, как это ни странно, даже по народностям славянским.

Таким образом, по отношению к институту брака и ритуалу свадьбы этнография все еще находится в периоде, если можно так выразиться, первоначального накопления, периоде собирания, и до тех пор, пока собирание будет

итти случайными одиночными усилиями, материал никогда не будет собран, ибо материал этот, в силу современной ломки старого строя, исчезает с катастрофической быстротой.

С этой точки зрения коллективные сборы массой хотя бы начинающих этнографов одновременно в самых различных местах представляются особенно ценным. Первые опыты этого рода, естественно, могут страдать соответственными дефектами, вызванными неопытностью, но с каждым годом исследования будут совершенствоваться, да и теперь уже собранные материалы являются очень ценными для науки. И если эта работа, как мы надеемся, будет продолжаться и впредь, то в течение немногих лет может быть собран исчерпывающий материал неизмеримой ценности.

С точки зрения учебной само собирание материалов по браку и свадьбе важно в том отношении, что в этом материале учащийся находит лучшую иллюстрацию теоретической этнологии, как в области социальной, так и духовной культуры. Такое же применение найдет этот материал в семинарских занятиях, где вновь собранные материалы в наиболее спорных вопросах комментируются руководящими преподавателями.

Перехожу к содержанию настоящего Сборника. Первая самая значительная статья „Северная Великорусская свадьба" представляет сводку всех собранных лично экскурсантами сведений по северной Великоруссии. Ценность этой работы прежде всего заключается в том, что это первый и единственный в нашей литературе опыт систематизации материала по целому району. Впервые перед нами весь свадебный ритуал по каждому отдельному моменту, начиная со сватания и кончая послесвадебными процедурами, сведен во едино со всеми вариантами по каждому отдельному обряду, с указанием места его констатирования.

Эта работа важна прежде всего для начинающего этнографа, для которого этот классифицированный и детализированный материал явится подлинным методическим руководством для его самостоятельных исследований, уже не говоря о том, что она избавляет его от отыскивания материала по самым различным источникам. Но работа эта ценна и для исследователя-теоретика. Прежде всего она заключает в себе не только

сводку фактов и ранее бывших известными, но и много фактов совершенно новых. Кроме того, огромное большинство фактов, хотя и известных ранее, ныне констатированы в целом ряде новых пунктов, так что исследователь имеет возможность на этом основании получить важные данные по географическому распространению каждого обряда.

К тому же надо принять во внимание, что основной старый материал, собранный у Шейна, относится к довольно отдаленному времени, вплоть до 50-х годов прошлого столетия, так что сравнение этого старого материала с аналогичным, ныне собранным, дает представление об эволюции института свадьбы за долгий период, дает представление о том, что отмерло и что и в какой мере сохранилось из старого и что возникло нового за это время.

Среди этих вновь собранных фактов есть крайне интересные с обще-научной точки зрения. Так, по вопросу о значении девьей красы, который до сих пор остается таким темным, находим такие любопытные факты: 1) Девью красу в виде кудели (косы из льна) в день рукобитья вывешивают на украшенной лентами веревке, которую натягивают от дома невесты до соседнего дома; 2) эту самую кудель сожигают за несколько дней до свадьбы; 3) девью красу в виде елочки в доме невесты соединяют посредством нитки с домом жениха; наконец, 4) вода, в которой мылась невеста, смывая девью красу, употребляется для изготовления обрядового печения. Эти факты, которые сразу могут показаться ничем не связанными между собою, в действительности, если сопоставить их с различными причитаниями о девьей красе, дают полную возможность раскрыть не только синкретическую природу этой концепции, но и картину эволюции каждого из элементов этого сложного комплекса, источник которого кроется в магио-анимистических представлениях самого примитивного свойства [1]).

Из других новых фактов обращаем внимание на следующие: 1) Обряд хлестания мотком ниток сватов при отправлении в путь „для удачи“, — обряд того же порядка, что так наз. ligamenta в Риме и Греции, или повязки невесты

---

[1]) Анализ этой концепции требует специальной работы, которую надеемся дать в одном из выпусков нового журнала „Этнография“.

мотком ниток, заменяющим в некоторых местах Индии так наз. tali; 2) обряд выбрасывания женихом по пути в церковь колец, серег и т. п. предметов, полученных на беседках, из опасения завораживания его отвергнутыми девицами посредством этих предметов. Обряд этот бросает свет на магическое значение так наз. „залогов", которыми обмениваются парни и девицы, очевидно, как орудиями взаимного магического влияния друг на друга. 3) Обряды, связанные с животным культом, как поднесение „коня" (фигурка лошади) к „княжьему" столу в момент разрезания пирога; обряд выступления с эротическими песнями ряженых на 4-й день после свадьбы, причем дружка наряжается петухом, — обряд, который практикуется и в современной Швеции; троекратное набрасывание на невесту шубы и стряхивание ее на предмет очищения от злых духов и т. д.

Место не позволяет нам вдаваться в объяснение этих новых, как и многих старых обрядов, которые до сих пор остаются необъяснимыми, но уже одно констатирование их представляет научную ценность для всякого интересующегося институтом славянской свадьбы.

Кроме сводной работы о Северной Великорусской свадьбе, имеется особая статья, посвященная описанию индивидуальной свадьбы, наблюденной в Моршанском уезде Тамбовской губ. Несмотря на то, что в этом месте население, по крайней мере молодежь, в настоящее время довольно пренебрежительно относится к старому ритуалу, тем не менее и в том, что сохранилось, — а сохранилось очень много, — мы находим крайне интересные архаические черты, некоторые впервые констатируемые. Отметим некоторые особенно любопытные. Прежде всего интересно, что до сих пор сохранился, в виде переживания коллективной религиозно-сезонной свадьбы, обычай приурочивать все свадьбы к определенному дню, именно к 8 ноября, Михайлову дню (местный престольный праздник). В старину это было, повидимому, общеобязательно, но и теперь большая часть свадеб, в том числе и гражданские, приурочиваются к этому дню.

Далее, здесь выступает особенно рельефно выдающаяся роль старшего брата. Это он в роли дружки вместе со своей женой является распорядителем пиршества. У него же выкупают невесту перед отъездом к венцу. Совершенно исклю-

чительную роль здесь играет институт „позыватых“, которыми с женской стороны являются сестра жениха и сестра невесты. Этот институт, имеющийся в Орловской губ. (звальщики) и в Малороссии, повидимому, здесь существует с давних пор, сохранив крайне архаические черты. Об этом свидетельствуют и характерные ритуальные костюмы и особенно специфический аттрибут — специальные посохи, напоминающие не то жезлы герольдов, как у примитивных народов, не то обрядовые палки дружек у белоруссов, которым Довнар-Запольский приписывает фаллическое значение. Роль позыватых — приглашать девиц на пир. В этой функции характерна одна особенность. Они обязаны обходить в с е дома, в которых имеются девушки, хотя бы совсем малолетние, — особенность, приводящая нас к древней организации в примитивных обществах представителей каждого пола в особые союзы, в данном случае союзы девушек. Подобные союзы доныне сохранились на Западе с особыми „королевами“ выборными на каждый год, и в Малороссии с атаманами и атаманками для каждого пола.

Еще более архаичен обычай выставления „мнимых“ женихов вместо настоящего. Когда позыватые являются в дом жениха, они должны вызвать жениха, но вместо жениха в течение долгого времени выступают всевозможные лица, рекомендующиеся женихами, пока, наконец, жениху ничего не остается, как явиться самому. Точно также в этой свадьбе фигурирует и замаскирование невесты среди нескольких покрытых подруг. Этот обычай, выродившийся теперь в шуточную церемонию, некогда носил совершенно серьезный характер, служа средством защиты молодых от дурного влияния завистливых, злых духов. У чувашей до сих пор на свадьбе фигурируют по этой причине наряду с н а с т о я щ и м женихом еще два (так наз. „три жениха“). В Индии, в Малабаре, до сих пор — во время свадебной процессии дружки (двое, как у чувашей), сопровождающие жениха, одеваются в такие же одежды, как жених, чтобы последний не был узнан. Это обычно объясняют тем, что нужно скрыть жениха от кузена невесты, от которого он должен откупиться [1]).

[1]) Edgar. Thurston. Madras Government Museum. Bulletin. Vol. IV. № 3. Some marriage customs etc. p. 140.

В действительности жених замаскировывается от влияния злых, завистливых духов, точно так же как в европейском обряде жених и невеста во многих случаях переодеваются с этой целью в одежду другого пола. Из других магических средств для охраны интересно отметить насыпание хмеля и мака за пазуху „от лихого человека".

Любопытно, далее, участие верховых (вершников), сопровождающих свадебный поезд, обычай, чуждый великорусской свадьбе и, наоборот, обычный в малороссийской.

Отмечу, далее, крайне старинный и архаический обычай выпрашивания „позыватыми" от жениха для невесты лаптя (повидимому, стоит в связи с ролью старой обуви в брачных обрядах: в Англии, напр., забрасывают новобрачных старой ношенной обувью). Об этом лапте невеста даже причитает во время мытья в бане: „Достался ла(о)поть, весь век не слопать". Исключительный интерес представляют обрядовые хлеба. Их три: 1) каравай, 2) „курник" и 3) „пирушка". Первый, изготовляемый в доме жениха, интересен тем, что, при сажании его в печь, туда ставят с ним рядом две зажженные свечи и потом везут его в церковь (жертвоприношение), причем сажание в печь производится т е т к о й и ее мужем. К сожалению, автор описания не выяснил, что это за тетка — сестра матери или сестра отца. Вероятнее всего, что первоначально, по крайней мере, это была с е с т р а о т ц а, ибо при перекрестном кузенном браке, некогда бывшем едва-ли не универсальным институтом и следы которого сохранились в родственных названиях многих народов и в СССР, сестра отца играла важную роль в свадебных обрядах, как мать невесты. В Меланезии, например, до сих пор сестра отца играет решающую роль даже при выборе невесты. Другой вид обрядового хлеба — курник — многоэтажный пирог из черной муки с пшенной кашей и неочищенными куриными яйцами (отсюда название „курник"), увенчивающийся двумя головками из теста, изображающими жениха и невесту, — повидимому, служит средством приобщения жениха и невесты к плодовитости. Любопытно, в связи с этим, прибавить, что куриные яйца играют совершенно исключительную роль в свадебном обряде этого места. Яичница — обрядовое угощение до свадьбы, когда жених на „побывке" у невесты, и после свадьбы, когда

жених навещает тещу. Третий вид, так наз. пирушка — два хлеба с запеченными в них серебряными монетами. Эти хлебы даются жениху и невесте по приезде из церкви, и они должны съесть их, обязательно обмениваясь ими,— настоящий обряд confarreatio, завершающий обряд церковный. Наконец, отметим роль сырой свиной головы, украшенной лентами, которую ставят на стол перед женихом и невестой после приезда из церкви и во все время послесвадебных празднеств Любопытно, что в современном народном сознании ясно сохранилось, как сообщает автор описания, представление о свиной голове в связи с плодовитостью и материальным благополучием.

Кроме упомянутых больших статей о великорусской свадьбе имеются два небольших сообщения, которые заслуживают внимания. Одно из этих сообщений (Д. Травина) заключает в себе описание особой девичьей игры у старообрядцев на Печоре. Игра эта, несомненно, обрядовая и связана со свадьбой, ибо устраивается она в определенный сезон по праздникам в течение великого поста до Пасхи и при том исключительно девушками, а это, равно как и выбор места для игры — дорога, а не селение — также говорит за обрядовое значение игры. В этой игре, напоминающей обычную игру в городки, характерны две особенности: 1) роль городка играет так наз. бача, представляющая из себя конус, острым концом соединенный с шаром — повидимому, представляющий фаллический символ, соединение мужского и женского элемента и 2) самые палки, которыми целятся в бачу, т. наз. бачевые палки. Каждая девушка играет только своей палкой, которая является специальным даром парня, за ней ухаживающего, и им самолично изготовляется, притом, как дар, такая палка бывает тщательно вырезана или выточена и раскрашена в разноцветные узоры. В Музее Антропологии и Этнографии имеется большая коллекция этих обрядовых палок самой различной выделки и окраски, и все они заострены в конце. Палки эти, несомненно, здесь играют роль любовных „залогов“. Но каково значение обрядовой игры этими палками, собиратель, к сожалению, ничего не сообщает. Данные сравнительной этнографии могут пролить некоторый свет в этом вопросе. Вот несколько параллелей из Индии.

У племени Nayadi на Малабарском берегу выдача замуж девушек происходит следующим образом:

„Девушка, которая желает найти себе жениха, помещается в особо устраиваемом свадебном шалаше, прикрытом листьями. Вокруг этого шалаша собираются молодые люди и женщины селения, образуя круг. Отец девушки или его ближайший родственник усаживается на некотором расстоянии с бубном в руке и поет следующую песнь:

Лови ты палку, сладчайшая дочь моя,
Лови ты палку, любовь дражайшая.
Если не поймаешь того, кого ты желала своим мужем,
Помни, что судьба решает, кто тебе достаться должен.

В это время все молодые люди, желающие жениться на этой девушке, вооружаются каждый особой палкой и начинают плясать вокруг шалаша. По окончании пляски, которая продолжается около часа, каждый кандидат в женихи бросает свою палку через листву в шалаш. Девушка из этих палок выбирает одну, и собственник выбранной палки становится мужем спрятанной в шалаше девушки [1]).

В русской игре палками попадание, повидимому, является и способом гадания, и магическим средством для укрепления симпатии возлюбленного и выхода за него замуж.

В Индии же палки играют роль в свадебных обрядах в самой различной форме. Так, в некоторых местах Мадрасской провинции обряд венчания справляется посредством палки, посланной женихом и устанавливаемой на месте последнего в свадебном шалаше. В Малабаре среди черуманов (крепостного земледельческого населения) во время свадебного шествия процессия время от времени останавливается, и мужчины затевают игры палками, а женщины поют хором: „Станем смотреть на палочную игру (paditallu), о черуманы“ [2]).

Из совершенно новых фактов по свадьбе отметим еще любопытный свадебный обряд, наблюденный студ. Корачевской в Полтавской губ. После свадьбы родители жениха приносят в дар матери испеченную из теста фигурку пряхи, а отцу невесты такую же испеченную фигурку боченка (барилу), подчеркивая в сопровождающих обращениях,

---

[1]) Thurston, op. cit, 153.
[2]) Ibidem, 144, 146.

что эти дары приносятся взамен невесты — „пряхи и водоноски". Будущим исследователям необходимо выяснить, не сохранился ли и в других местах этот обряд, ибо, если он имеет более или менее широкое распространение, то он является, несомненно, пережитком института обмена женщинами между брачущимися семьями (сестра жениха выходила замуж за брата невесты).

К описаниям русской свадьбы примыкает и ст. о „Свадебных причитаниях зырян", на которых сильно отразилось русское влияние, восходящее до эпохи Великого Новгорода. В отдельных случаях, впрочем, нелегко сказать, заимствован ли тот или другой обряд у русских или наоборот. К таким моментам относится предсвадебное ритуальное купание в бане, выдающаяся роль „банника" (истопника бани) в свадебных церемониях, выкупление брачной постели новобрачными, оплакивание косы, эпитет „красное солнышко" в причитаниях и др.

С другой стороны, здесь много совершенно своеобразных черт, некоторые из которых заслуживают быть отмеченными. Прежде всего в зырянских обрядах особенно рельефно отражается социальный характер свадьбы, как переживание прежнего родового быта. Это видно из причитаний. У великороссов причитания, поскольку они адресуются к другим лицам, ограничиваются обращениями к немногим близким, у зырян невеста совершает целый объезд в течение 3—4 дней по всем родным, близким и дальним. В свою очередь все не только родные, но и чужие, считают своим долгом одаривать невесту за причитание деньгами или необходимыми хозяйственными предметами, так что каждая девушка, особенно бедная, обеспечивает себя таким путем на 1—2 года всем необходимым в хозяйстве. Другая интересная особенность та, что в причитании к свекру невеста величает его дядей, „Солнышку-батюшке ровным",—величание, которое является, повидимому, пережитком перекрестного кузенного брака, при котором свекром бывает дядя, брат матери.

Наконец, в зырянских причитаниях еще более, чем в русских причитаниях, проявляется примитивная анимистическая психология. Так, невеста в своих причитаниях обращается к бане, к девьей косе, называя их „кормилица-поилица" и т. п.

Первобытным также приходится признать обряд испытания характера новобрачных (угощение зятя пирогом, начиненным всякими несъедобными вещами, причинение всяких неприятностей молодухе во время стряпни в течение первой недели после свадьбы). Наконец, сохранился еще во многих местах институт платы за невесту.

Кроме указанных материалов по русской свадьбе имеется еще несколько статей по браку у некоторых народов Сибири— алтайцев и остяков. В этих статьях материал не только совершенно новый, но необычайно ценный с точки зрения обще-этнологической.

Кроме полного описания телеутской свадьбы со всеми причитаниями в оригинале, авторы дают исчерпывающую терминологию родства и свойства, нормы брака и нормы психических запретов. Анализ этих совершенно новых материалов и тех выводов, которые получаются из них по истории брака, потребовал бы особой статьи. Достаточно сказать, что на основании материалов по алтайцам и шорцам открывается существование особой формы классификационной системы родства у тюркских народов, а брачные нормы и психические запреты (избегание известных классов родственников, закрывание лица и т. п.), равно как специфические отношения между дядей и племянником раскрывают перед нами черты древнейших форм брака, группового и материнского. Остается только удивляться, что с этими важными фактами нам приходится знакомиться впервые из студенческих работ, хотя среди алтайцев и остяков работало не мало лиц до того. Это только доказывает, как много еще остается сделать по части этнографических исследований в нашей стране, и, что еще важнее, как необходимо, чтобы исследователи были бы научно подготовлены к своей работе.

Будем надеяться, что массовая работа наших студентов-этнографов быстро восполнит дефекты прошлого и даст этнологии богатый научно-собранный материал для широких теоретических обобщений.

Л. Штернберг.

Северно-Великорусская свадьба.

Предлагаемая работа составлена нами по материалам, собранным студентами б. Географического Института и Университета во время летних работ в следующих Северно-Великорусских губерниях:

1. Ветлужский край, Нижегородская г., Краснобаковский у., волости: Воскресенская, Воздвиженская, Владимирская, Покровская, Марьинская, Нестиарская, Галибихинская и Богородская. (Зап. 1924 г. — Ф. Малова со слов кр. д. Лалакино, Прасковьи Михайловны Безруковой, 64 л.; Аграфены Никитичны, 70 л.; Павла Артемьевича Иванова, 53 л.; Ивана Михайловича Малова, 55 л.).

2. Владимирская г., Александровский у. (Зап. 1924 г., — В. Ершова и Е. Окназовой).

3. Вологодская г., Грязовецкий у., Шуйская в. (Зап. 1921 г., — Н. Бубнова).

4. Вологодская г., Кадниковский у., Корбангская в. (Зап. 1924 г., — А. Малиновой).

5. Костромская г., Галичский у., с. Костома. (Зап. 1924 г., — И. Козьминского от Аполлинарии Грузевой, 80 л.).

6. Костромская г., Кологривский у., д. Стрелицы. (Зап. 1925 г., — Л. Каруновской от кр. Акулины Распеваловой, 57 л.).

7. Ленинградская г., Лужский у. (Зап. 1924 г., — В. Соловьевой).

8. Ленинградская г., Лужский у., Передольская в. (Зап. 1923 г., — Н. Дыренковой от кр. д. Заполье Ольги Ив. Павловой, 54 л., и кр. д. Подберезье Пелагеи Никитичны Никитиной, 48 л.).

9. Ленинградская г., Лужский у., Подмашская (Турская) в. (Зап. 1923 г., — Н. Гагенторн).

10. Новгородская г., Валдайский у. (Зап. по нескольким волостям, 1923 г., — Н. Эмлер).

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
531531.

11. Новгородская г., Новгородский у., Трясовская в. (Зап. 1923 — 24 г.г., — А. Ефимовой).

12. Новгородская г., Крестецкий (Маловишерский) у., Карпиногорская в. (Зап. 1919 г., — ***).

13. Северо-Двинская г., Ленский р., с. Выемково. (Зап. 1924 г., — А. Каневой от кр. Анисьи Павлиновны Быковой, 60 л.; Анисьи Мих. Туробовой, 48 л., и Прасковьи Алексеевны Мурзиной, 75 л.).

14. Северо-Двинская г., Никольский у., Соловецкая в. (Зап. 1923 г., — М. Авдеевой).

15. Тверская г., Вышневолоцкий у., Михайловская в. (Зап. 1923 г., — М. Богдановой от кр. Анастасии Григорьевой, 36 л).

16. Тверская г., Вышневолоцкий у., Удомельская в. (Зап. 1924 г., — Маркова и Куракина).

17. Череповецкая г., Тихвинский у., Недашинская в. (Зап. 1923 г., — А. Дуисбург).

18. Череповецкая г., Череповецкий у., Кадуйская в. (Зап. 1924 г., — Кавардина от кр. д. Сафоново Ксении Васильевны Ермаковой).

19. Ярославская г., Любимский (Даниловский) у., Кулижская в. (Зап. 1924 г., — К. Мыльниковой и В. Цинциус от кр. д. Тетюково Прасковьи Ивановны, 66 л., и Авдотьи, 25 л., Климовых и кр. д. Лиховидово Марии Ивановны Соловьевой, 25 л.).

20. Ярославская г. Ростовский у., с. Новоселки-Зюзино, (Зап. 1923 г., — Л. Каруновской от кр. Евдокии Ивановны Кубышкиной, 55 л., и Екатерины Михайловны Нефедовой, 35 л.).

21. Ярославская г., Ростовский у. (Зап. 1924 г., — В. Долгополова и Горбунова).

22. Ярославская г., Рыбинский у., с. Александрова пустынь. (Доставлено в 1925 г. Л. Шавровой по свед. священ. А. Ливанова).

23. Ярославская г., Пошехонский у., Ермаковская в. (Зап. 1924 г., — К. Мыльниковой и В. Цинциус).

24. Ярославская г., Пошехонский у., Телепшинская в. (Зап. 1924 г., — Абрамзона).

Студенты собирали материал по разным вопросам этнографии, в том числе и по свадьбе. Свадьба, следовательно, не была для них единственным вопросом изучения; боль-

шинству из собиравших материал не пришлось присутствовать на ней лично; записи же сделаны со слов местных жителей, описывавших большею частью свадьбу трех последних десятилетий (как на исключение, можно указать, например, на материал по Ветлужскому краю, свадебный обряд которого относится к 1870—80 г.), — поэтому, конечно, свадебный материал не одинаково полно представлен по всем упомянутым районам. Однако, в целом этот материал довольно большой, в отдельных частях интересный; весь же вместе взятый дает сравнительно полную картину северновеликорусской свадьбы.

Весь этот материал нами использован для настоящей сводки с возможно большой полнотой и подробностью, почему статья местами перегружена фактами и вследствие этого недостаточно выдержана в смысле соотношения частей. В общем же мы в пределах возможного шли на сокращения и последовательно избегали повторений, ограничиваясь обычно единичным упоминанием факта и перечислением мест, где он встречается.

Точно так же одни и те же песни в разных, а иногда и в одном и том же свадебном обряде встречаются не раз на протяжении всей свадьбы. В виду слишком большого их числа и разнообразия в размещении по ходу свадьбы песни и причеты приводятся только один раз.

В огромном большинстве приводятся только начальные их строки, причем если имеется вариант данной песни по П. В. Шейну (т. I, вып. 2-ой: „Великорусс в своих песнях, обрядах и пр.“), то после многих из них следует ссылка (Ш. N ...) на наиболее, по возможности, близкий вариант; полностью же приведены только некоторые из песен или причетов.

Здесь считаем долгом выразить глубокую благодарность Надежде Павловне Гринковой, своими указаниями во многом облегчившей нашу работу по данной сводке.

До-свадебный период.

Места знакомства и присматривание невест.

Знакомство молодежи и присматривание невест обычно происходило и происходит на специально устраиваемых для этой цели гуляньях, а также на летних и зимних беседах (посидках,

посе́дах, вечеринах). Так, например, в селе Новоселке-Зюзино Ростовского у. в прежние годы — лет 20 тому назад — весною за селом (в поле) на холмистом месте, называемом „Гуслихи", устраивались гулянья. Под игру гусляров молодежь „ходила песни в хороводе", а старшее поколение любовалось на веселье, в то же время присматривая достойного жениха для дочери или желанную невестку в дом. Теперь же молодежь ходит за 10 верст в село Андреевское, куда каждую весну в Петрово заговенье стремятся все девицы, так как на этом гуляньи парни высматривают себе невест.

В Валдайском у. летом под звуки гармошки парни и девушки по улице гуляют „стеной" взад и вперед на глазах всей праздной деревни.

В Любимском у. смотр невест и показывание нарядов происходит в „Казанскую" у приходской церкви.

В Крещенье с той же целью устраивают катанья на санях (Рост., Крест. у.у.), когда молодежь разъезжает по селу взад и вперед, рассматривая друг друга, а также шубы, сани, упряжь и лошадей. Во время таких катаний девушки стоят на „крыльцах", а парни приглашают их прокатиться. Обычай требует, чтобы первый круг парень сделал со своей сестрой или ее подругой из своей же деревни, а на второй и на третий он уже приглашает девушек, с которыми раньше гулял (Крест. у.). На этих же катаньях происходит „увоз" невест, о чем будет речь ниже.

На Рождестве ежедневно в определенной избе устраиваются игрища (Ник. у.), на которые собираются парни из окрестных деревень (верст за 10—15) и там присматривают себе невест. Время на этих игрищах, продолжающихся всю ночь, проводят в играх и пляске.

В обычные зимние вечера девушки с прялками и куделью или с вязаньем собираются в очередную избу. Вскоре туда являются и парни. С их приходом работа не спорится. Начинаются шутки, пенье, а иногда игры и танцы. Если у девицы нет парня, ей „припевают" кого-нибудь из присутствующих. Парни садятся к девицам на колени и так сидят вечер, все время целуясь „взасос". Бывает, что парни „сидят" у девиц года по 2—3, прежде чем жениться (Валд. у.). Несмотря на такое обыкновение парней сидеть на коленях у девиц, считается большим позором, если

девушка сядет на колени к парню (Рост. у.); только родной сестре по отношению к брату это разрешается (Люб. у.).

Кроме этих бесед, несколько раз в зиму девушки устраивают „вечерины“ (Рост. у.), на которые приходят парни всех соседних селений. Начинается такая вечерина часов в шесть и продолжается до рассвета, причем все время проходит в танцах, а также играх, переплетающихся с бесчисленнными поцелуями.

Поведение девушки и парня. Почитание.

По отзывам одной учительницы Любимского у., парни на этих беседах держатся с девушками очень вольно и никто в этом не видит ничего предосудительного; если уж парень слишком затормошит девушку и изорвет на ней кофту, то какая-нибудь старуха добродушно заметит: „Что ты, смотри, девку-то совсем раздел!“ Зато если заметят, что парень провожает девушку вечером или даже днем гуляет с ней один, то это уже считается предосудительным, и на такую девушку косятся.

В Ростовском у. парня, который ухаживает за определенной девицей, называют ее „почетником“ (то же в Люб. у.) или „милахой“ [1]). Почти у каждой девушки есть свой почетник, а то и несколько. Он дает ей носить свою „супирку“ (кольцо) и одну или две „косыньти“ (носовые платки), а она шьет ему кисет из лент.

Почетник требует от девушки верности и зорко следит за ее поведением. Так, в Любимском у. в прошлом (1923) году во время праздника один парень приревновал свою почетницу к другому, с которым она гуляла в тот день, зазвал ее на задворки да и надавал пощечин. Теперь этот парень на ней же и женился (вошел в ее дом). По этому поводу сложилась частушка, сочинение которой приписывается парню, гулявшему с девушкой в тот злополучный день:

„Яблочко да на пригорочке,
Меня милый колотил на задворочке“.

Иногда неверность карается и более жестоко. В том же Любимском у. одна 15-ти летняя девушка имела 7 почет-

[1]) Почетник рассматривается соседями, как жених девицы. Теперь „милашенье“ большею частью кончается браком. Если же парень поухаживает за одной девицей, а затем за другой и третьей, то такого с презреньем называют „трепачем“.

ников: она единственная дочь у родителей, кроме того рослая и „славёна“ (богатая). Однажды в праздник (1921 г.) сговорились все ее почетники узнать, кого же из них она на самом деле любит, и каждый из них незаметно спросил ее об этом. Каждому она отвечала, что его — больше всех. Тогда они решили побить ее за обман, что и сделали во время гулянья ее по деревне с подругами. Долго пришлось ей поправляться, лежала в больнице.

Почетник обычно танцует с девушкой, а потом провожает ее до дома, но во избежание пересудов делается это так, чтобы в деревне не увидели.

Бывает, что в результате почитания появляется ребенок (Люб. у.).

Отношение к нецеломудренным девушкам. Раньше нецеломудрие девушки каралось беспощадно, теперь к этому относятся мягче. Так, например, в Александровском у. недавно у одной девушки родился ребенок. Старики смотрят на это очень неодобрительно, говорят: „Что, сволочь, наделала, стыда нету; раньше бы из дому выгнали. Ну, чем ты его кормить-то будешь?“ Она указала на одного парня, как на отца, но тот отказался. Тогда она подала в суд, по приговору которого получает на содержание ребенка.

В другом селе того же уезда, девушки которого считались раньше самыми целомудренными во всей округе, недавно у троих девиц родились дети, но у всех они вскоре умерли. Одну из них взял замуж тот, от кого у нее был ребенок и другую тоже взял бы ее почетник, да мать не отдала, а третью и выдали бы, да не берут.

По отзывам вышеупомянутой учительницы Любимского у. там у многих девушек есть внебрачные дети, и общественное мнение не клеймит их за это. То же подтверждают и сами крестьянки этой местности. Правда, когда узнается связь девушки с парнем, ей первое время стыдно выходить на улицу, но вскоре все сглаживается и она даже выходит замуж; — если у нее нет ребенка, то берут и парни, если же остается ребенок, то — вдовцы.

В Лужском у. был даже такой случай. У одной девушки родился ребенок и вся деревня знала, что она его убила — „в мох зарыла“, но, несмотря на это, когда ее приехали

сватать из другой деревни, местные парни с сожалением говорили, — „самолучший кусок изо рта вырвали".

Вообще девушки теперь стали уж не те, и старые женщины отзываются о них так: „Теперь бабы, особенно девушки, не сидят дома, а бегают в клуб. В прежние-то годы они все время сидели дома да готовили приданое, а теперь выходят так, ни у кого ничего нет"... Или: — „Все (девушки) теперь стали бестыжие, идут с парнями под ручку не только ночью, так даже днем не стыдятся" (Ленск. р.).

Откуда берут жен. Обычай брать жен и отдавать дочерей в другие села или в свое повсюду варьирует. Так, в Александровском у. даже в близких селах заметна вариация: в с. Скоморохове, например, с давних пор повелось, что односельчане между собою не женятся, а всех невест берут из других деревень и замуж также отдают в другие; в д. Савельеве (в 2-х верстах от первого села), наоборот, все между собою женятся. В Ветлужском крае крестьяне позажиточнее почти никогда не берут невест в своей деревне, а едут сватать верст за 20—50; крестьяне же победнее берут ближе, потому что в этом случае расходов на свадьбу меньше.

Вообще, причины, побуждающие не выдавать девушек за своих односельчан, различны. Так, в Любимском у. говорят: „В свою деревню отдавать нехорошо, — все жалобы да ссоры будут; лучше в чужую, тогда в праздники только и видятся, так некогда дочке жаловаться. Да принимают, если издалека, как гостя дорогого, а так, — все будто в семье, без почету". Однако, выдавая дочь, по тем или иным соображениям, в чужой район, учитывают и экономическое положение последнего. В Александровском у., в 15 верстах от с. Скоморохова, находится чисто земледельческий, многоземельный район „Ополицы". Ополицкий мужик, по понятиям жителей окружающих деревень, это коренастый, нестриженый и небритый, а если и стриженый, то в петровскую „кружку", — наряженый в цветную тиковую рубашку и такие же штаны. Отдавать девушку в такой район, за редкими исключениями, раньше не считали удобным, зато жен оттуда брали с удовольствием, потому что „там девка работящая, неизбалованная легкой жизнью и привычная к крестьянству; на нее и хозяйство оставить можно". В годы же разрухи, когда

поднялись цены на хлеб, выдавать замуж туда стали считать за счастье.

Выбор невесты, жениха. В прежнее время выбор невесты сыну или мужа дочери всецело зависел от воли родителей; о согласии же детей на брак тогда не могло быть и речи. Правда, и в старое время — лет 30 — 40 тому назад (Ленск. р.) — бывали случаи, когда родители спрашивали парня о желании жениться и предлагали выбирать невесту.

Со времени последней войны и революции положение меняется, но не везде и не всегда одинаково. В некоторых местах и теперь еще брак сына или дочери большею частью зависит от воли родителей (Ник. у., Ленск. р. и Ветл. кр.) или это бывает, как исключение (Люб., Новг. у.у.). В других местах, несмотря на выбор родителей, требуется и согласие детей (Кадн., Валд., Крест., Рост., Лужск. у.у.). В таких случаях чаще сами родители выбирают парню невесту или дочери мужа, и потом только сообщают им о своем выборе (Кадн. у.). Бывает, что о согласии девушки спрашивают в самый момент сватовства, и если она валится в ноги родителям и говорит, что не пойдет, или если стоит „дубом", молчит, и от нее ничего не добьешся, то сватовство расстраивается (Валд. у.).

Инициатива родителей бывает также в том случае, если необходимы рабочие руки, а у сына никого на примете нет или если он очень пьет (что наблюдалось в мирное время), или очень плохо относится к родителям, — „женится — переменится", но перемена происходит редко (Новг. у.).

Иногда родители парня с ним вместе перебирают всех окрестных девиц и сообща обсуждают, на какой из них выгоднее остановиться (Гряз. у.). Иногда выбор невесты обсуждается всеми родственниками, которые собираются специально для этой цели на совет в доме жениха (Новг. у., Ветл. кр.).

Но наряду с вышеуказанными случаями, когда инициатива сватовства и выбор невесты или жениха принадлежит родителям с согласия детей или без такового, учащается и независимость молодежи от родительской воли и даже сильное противодействие ей.

Прежде чем жениться, парень иногда долго „гуляет" с девушкой (Валд. у.) и только потом решает жениться

(„остепениться“) и говорит с ней об этом. После согласия девушки парень объявляет о свом намерении родителям, указывает им свою избранницу (Новг. у.) и даже говорит, сколько просить приданого, о котором он уже условился со своей „подругой“ (Кадн. у.). Девушка же в свою очередь предупреждает родителей о приезде сватов (Новг. у.). В Валдайском у., сговариваясь с девушкой, парень просит у нее „задаток“, чтобы при сватанье не было отказа, вследствие чего она обычно тайком от родных дает ему узел с чем-нибудь ценным (шерстяным или шелковым платком и т. п., бедные дают полотенца, простые платки). Этот узел парень приносит своим родителям в доказательство того, что девушка согласна выйти за него и дело только за ее родными. Таким образом, сравнительно с прежним, происходит совершенно обратное явление, т.-е. невесту выбирает парень, а родителям остается только одобрить выбор или отвергнуть его.

Бывает, что сын не осмеливается жениться, как бы ни была сильна его симпатия к избранной им девушке, если родители считают, что она к их дому „не по достатку“, т.-е. неровня, или худой семьи (Рост. у.); при этом в Ветлужском крае родители заставляют парня подчиниться их выбору тем, что „проучивают“ „упрямча“ вожжами, на дворе, предварительно привязав его к столбу, причем в этом проучивании принимают участие и все родственники. В Александровском же у. для устранения нежеланного брака родители иногда прибегают к ложному очернению девушки и находят у нее или у ее родных всевозможные недуги и недостатки.

Но случается, что парень противодействует родителям и не едет сватать по их выбору, пока они не уступят (Вышневол. и Новг. у.у.), или же, как например, в Ветлужском крае, бежит из дому и старается обвенчаться с любимой девушкой уходом, после чего выделяется от родителей и живет самостоятельно.

Девушка нередко добивается уступки родителей тем, что грозит совершенно не выходить замуж, в случае их отказа „любому“ ей парню (Кадн. у.). В Крестецком у., где, в случае отказа родителей, у девушки имеется другой исход,— „увоз“ ее из дома полюбившимся ей парнем, она родителям

заявляет: „Иду и иду, даете иду и не даете иду". Такое явление (Новг. у.) считается большим семейным разладом у родителей с парнем, а в семье невесты позором и скандалом для родителей.

Часто парень, не надеясь на удачное сватовство, в течение одной вечерины нескольким девицам объясняется в любви и обещает приехать сватать (Ник. у.); это делается с целью выбора. С тою же целью практикуется предварительное выспрашивание дальней родни и знакомых девушек; хотя доверять в таком случае благоприятным ответам рискованно, так как иногда эти ответы даются ложно с намерением привлечь побольше женихов и из них уже сделать выбор (Новг. у.). В Ветлужском крае, чтобы обеспечить себе успех сватовства, сваха, являющаяся на разведки, всячески расхваливает невесте жениха: — „Лопни глазоньки, — жених чередной. Выйди душенька, — не пьянича. С места не сойти, — умнича. Вот на вольной свет не взглянуть, — парень - смирнота", — и украдкой от родителей девушки выпрашивает у нее „задаток" — лучший сарафан, платок и пояс, которые с гордостью несет к жениху.

Девушка для возможности выбора, а также чтобы заманить сватов и тем получить большую славу (Новг. у.), часто на поседе или в гостях дает парню слово, вовсе не думая за него итти. В Валдайском у., если жених завидный [1]) и становится известным, что он хочет жениться, девушки сами предлагают ему задатки, о которых уже упоминалось, и бывает, что у парня скопляется несколько узлов из разных деревень [2]).

Случаются и неожиданные для девушки и ее родителей сватовства. Чаще всего это бывает тогда, когда жених богат и мало сомневается в согласии, а потому не нуждается в задатке (задаток дается на покрытие расходов жениха по сватовству, если свадьба разладится).

Знакомство девушки с парнем до сватовства играет большую роль: в некоторых местах браки заключаются большею

---

[1]) Вообще хорошие женихи и невесты всегда известны заранее и стоят в волости как бы на учете (Кадн., Новг. у.у.).

[2]) Несколько задатков берутся на всякий случай: если девушку не отдадут, то жених со сватом „за один запал" едут в другой дом и третий, пока какая-нибудь девушка не бывает высватана (Валд. у.).

частью (Вышневол. у.) или исключительно (Крест. у.) между знакомыми. Если же намеченная девушка незнакома, о ней стараются разузнать до сватовства; в Пошехонском у. посылают для этого сваху, которая часто одевается странницей и выспрашивает все, что ей нужно. В войну такими разведчиками являлись „менялы", приезжавшие в деревню для обмена своих товаров на продукты. Их-то родители и сестры парня посылали к избранной девушке (Новг. у.).

Вообще выбор невесты дело нелегкое, — нужно, чтобы девушка была богатая, смирная, работящая, здоровая, красивая (т.-е., по понятиям жителей Никольского у., толстая, высокая и белая. Та девушка, у которой нет этих качеств, показываясь в первый раз жениху и его родителям, подкладывает что-нибудь в сапоги, чтобы быть выше, надевает для толщины 3 — 4 платья, подкладывая под них что-нибудь для увеличения грудей), хотя красота для девушки только желательна, но не обязательна, так как невесте „морготной", т.-е. некрасивой, постылой (Рост. у.), но из зажиточной семьи, всегда отдавалось предпочтение перед красивой, но бедной. Важно также, чтобы у девушки были хорошие родители, так как о девушке судят часто по родителям, не зная ее лично: — „Ну, родители-то у ей тихие, скромные и рассудительные,—слова зря не скажут" (Новг. у.). — „Яблоко от яблони недалеко падает". — „От осины не бывать яблоку". — „Выбирай коровушку по рогам, лошадь по зубам, а девицу по родам да по годам" (Ветл. кр.). В Пошехонском уезде очень ценится, если старшая сестра невесты хорошо живет, и если сама она „родов" (рода) хороших („хорошей природы" — Рост. у., „родовитая" — Новг. у.).

В женихе также ценится, главным образом, дородство и работоспособность, а, кроме того, для него важно иметь хорошее хозяйство и достаток. Некрасивость жениха, также как и девушки, искупается его богатством (Ник. у.) [1]).

Во время войны выбор жениха стал еще труднее, — лучшую молодежь тогда угнали на фронт, а оставшеюся браковкою пренебрегали, — „коли в солдаты не гож, так

---

[1]) Вообще материальная сторона до настоящего времени даже и у молодежи играет значительную роль (Новг. у.), и по любви женятся мало (Алекс., Люб. у.у.).

какой уж жених"; позднее же за браковку боялись выходить — „все равно в солдаты возьмут, останешься ни девицей, ни вдовой, а убьют — и совсем головы приклонить некуда, в семье мужа будешь лишнею, а и к отцу вернуться нельзя,— отрезанный ломоть к хлебу не пристанет, — братья придут, все равно уходить придется" (Новг. у.).

Брачный возраст. Браки чаще всего бывают в возрасте от 20 до 25 лет (Корбангск. в. Кадн. у.). В Кулижской в. Любимского у. средний возраст брачущихся за период 1914 — 23 г.г. распределен так: в 1914 г. для мужчины — 25 л., для женщины — 23 г.; в 1917 г. для мужчины — 27 л., для женщины — 24 г.; в 1919 — 20 г.г. средний возраст повышается, — для мужчины это 30 — 31 г., а для женщины — 25 лет; в 1921 — 23 г.г. колебаний в возрасте не замечается, — для мужчины это 28 л., для женщины — 23 — 24 г. В Трясовской в. Новгородского у. средний возраст брачущихся по церковным записям для мужчины — 25 — 26 л., для женщины — 24 — 25 л. В Ветлужском крае лучшим для женитьбы возрастом считается 17 — 20 лет.

Старые девы. Остаться старой девой до сих пор считается не малым позором. В Ростовском у., если бедная девушка не хочет выходить замуж за сватающегося к ней парня, родные уговаривают ее, — „Полно, дура, плюесса за Колюньтю-то, в домовухи [1]) захотела. Иди, Колюньтя на свадбу даст, салоп шьет", — и девушка шла. Обычно девица, не вышедшая замуж, „отстает гулять" и попадает в разряд „старых дев" лет в 28 — 30. (Рост. и Люб. у.у.; Ветл. кр.). Если же девушка не желает переходить на положение „непетой косы" и продолжает бывать на вечеринах и беседах, то про нее говорят: „Ну, этой бы пора уж покойников мыть, а она все еще гуляет". (Рост. у.).

Время совершения браков. Браки чаще всего совершаются в период от Рождества до масленицы. В Кулижской в. Любимского у. большая часть браков падает на январь, — число их в этот месяц зачастую равно половине всех браков, совершенных в данный год. Весною и осенью „играют свадьбы" в исключительных случаях, — когда нужна в дом хозяйка или есть другие побуждающие причины (Новг. у.).

---

[1]) „Домовуха" или „непетая коса" — прозвище старой девы.

Гражданский брак и развод. Браки, главным образом, церковные (Кадн. у.), но начинают появляться и гражданские (Люб. у,). В Череповецкой г. наблюдаются случаи временного гражданского брака; случается это тогда, когда нужна в дом хозяйка, а свадьбы в это время по каким-либо причинам нельзя сыграть; из положения выходят так: девушка регистрируется с парнем в совете и переходит жить в его дом, а свадьба церковная откладывается до более удобного времени.

В Удомельской в. Вышневолоцкого у. гражданский брак начал появляться с 1922 г. В Трясовской в. Новгородского у. в 1918 году появился только один случай гражданского брака, в 1919 г. их опять не было, в 1921 г. — 5, в 1922 г. — 3, в 1923 г. уже 8.

Пожилые крестьяне относятся к гражданскому браку весьма неодобрительно и называют его даже „собачьим браком“ (Удом. в. Вышневол. у.).

Перемены происходят не только в отношении брака, но и развода, и эту неустойчивость брака одна из крестьянок Ленского района, например, отмечает так: „Бабы теперь не те стали, чуть что неладно, сейчас развод“.

Самокрутки. Как до войны, так и теперь нередко совершаются браки „уходом“, („самокрутки“,— Вышневол. у.). Это происходит, главным образом, потому, что играть свадьбу по всем обычаям очень хлопотливо и дорого. Уход совершается как бы тайно от родителей, между тем родители жениха, а часто и невесты предупреждаются об этом заранее (Крест. и Новг. у.у.). Но иногда уход устраивают и без предупреждения. Жених в таком случае приезжает ночью и потихоньку увозит невесту к себе. Венчание происходит в другом приходе или в городе. Родители через несколько времени прощают дочь и отдают ей предназначенное для нее приданое (Новг. у.). В Вышневолоцком у., вследствие отказа родителей желанному жениху дочери, последняя втихомолку перетаскивает куда-либо свои вещи и, выбрав удобный момент, уходит сама к жениху. Отношение родителей к такой дочери весьма суровое,— они отказываются от нее, не дают ей ничего кроме того, что успела сама взять, а некоторые даже не пускают ее к себе в дом, хотя случается, что мужа отвергнутой дочери принимают очень радушно.

В Крестецком у., где брак „уходом" практикуется с незапамятных времен, жених увозит невесту большею частью с Крещенского катанья, о котором уже упоминалось. В этот день, предварительно сговорившись со своей „сударушкой", он проезжает с ней раза два по деревне, а затем сворачивает из круга на дорогу и уезжает в другую деревню, в заранее приготовленное место (к приятелю или зятю). Там молодые ночуют, а на другой день утром направляются в дом жениха. Но сразу туда не едут из опасения погони. (Между прочим, отец обычно не уводит дочь обратно из ее нового убежища, разве только если в дороге догонит, как с праздника отъедут, или если отец, или кто-либо другой следил за девушкой). Только к вечеру в этот день молодые прибывают в дом жениха, где их уже ждут.

В этот же вечер брат или дядя жениха отправляется к тестю спрашивать, примет ли он жениха с невестой. А тесть „гордится", говорит: „Не дам дозволенья, не повенчается без моего дозволенья" (священник не венчает без согласия родителей невесты). На следующий день брат идет второй раз. Это ему (тестю) в „пондрав", он смягчается и говорит: „Чему быть, тому быть, лучше уже по-хорошему дело делать, с согласия чтобы дело было".

На третий день жених с невестой отправляются к ее родителям, обычно едут, так как зимой пешком некрасиво итти, особенно в одежде (т.-е. в праздничной, хорошей, длинной шубе, а не в тулупе или полушубке). Перед этим „сродственники" то и дело заходят в избу посмотреть, хорошую ли невесту увез жених и разговаривают с ней, если она „разговорчиста".

Когда жених с невестой приедут к ее родителям, она кланяется им в ноги и просит прощения. Жених не кланяется, рассуждая так: „Зачем я буду кланяться, я перед ними не виноват, ведь я ее не насильно увез, а она по согласию пошла ко мне". Отец побранит и простит; их угощают чаем, пирогами, и они опять возвращаются в дом жениха.

Невеста шьет себе приданое, какое купят ей родители. В церкви, между тем, подают „обликации", т.-е. делают огласку. Свадьбу обычно назначают через 2—3 недели. Самая свадьба происходит в том же порядке, как и при браке по сватовству, или, по местному выражению, „с добра".

Сватовство.

Несмотря на существующую свободу выбора женихов и невест, старая традиция сватовства все еще не умирает. — Так, например, в Ростовском у. всякий брак до сих пор обязательно начинается со сватовства, и если даже парень с девушкой уже сговорились, все же „для близиру“ посылается сваха.

Сватовство может начинаться как со стороны жениха, так и со стороны невесты (Гряз., Кадн. и Рост. у.у.).

Если в семье несколько взрослых дочерей, то обычно сватают старшую или ждут, когда она выйдет замуж за кого-нибудь другого, или „отстанет гулять“, т. е. перестанет появляться на гуляньях (Рост. и Пошех. у.у.), но иногда и перескакивают („менка делают“, — Пошех. у.), т. е. младшую сватают раньше старшей.

Главную роль в сватовстве играет сват [1]). Обычно сватать едет кто-либо из родственников или знакомых жениха (Гряз., Крест. у. у. и др.); чаще, — как в Кологривском у., — едет тетка (тоже в Ник. у.) или дядя, или другой близкий родственник; или мать и сестры (Ленск. р.), или крестный (Валд. у.), или просто товарищ жениха (Удом. вол. Вышневол. у.). Иногда же приглашается особый сват — „дружка“ (Валд. у., тоже Лужск. у.). Так как успех сватовства зависит от личности свата, то он должен быть речист, остроумен (Валд. и Новг. у.у.), а главное человек уважаемый, „с весом“ (Валд. у.), причем личность свата играет такую роль, что иногда соглашаются отдать невесту нестоющему жениху только из-за уважения к свату (там же). И вообще сватовство считается щепетильной и деликатной вещью, вследствие чего к нему подходят с осторожностью, так как иногда на почве отказа порываются старые хорошие отношения между родителями парня и девушки (там же).

Сватать едут большей частью вечером (Кадн., Лужск., Люб., Новг., Тихв. уу.; Ветл. кр.), с женихом (Валд., Крест., Лужск., Люб., Новг. у.у.; Мих. и Удом. в.в. Вышневол. у.; Тел. в. Пошех. у.), или без него (Ветл. кр.); присутствие жениха

---

[1]) Сватом может быть и мужчина и женщина; чаще, как, например, в Ростовском у., посылают сваху, но при этом обязательно женщину замужнюю.

обязательно, если невеста незнакома (Новг. у.). Бывает и так (Гряз., Ник. у.у.), что сначала, днем, посылают свата одного; он ведет предварительные разговоры, расхваливает жениха, и только, получив согласие приехать с женихом, вечером приезжает с ним и его родителями.

Жених и сват надевают лучшие одежды, иначе невесте „срам будет", причем, если нет хорошей своей, берут взаймы у соседей (Валд. у.). В Ветлужском крае сваты и женихов отец также наряжаются в лучшие одежды и также, если нет хорошей своей, заранее берут у соседей; в таких случаях никто не отказывает.

Сваты съезжаются на двор к жениху. Войдя в избу, здороваются и молятся. Накрывают ужин, и все садятся за стол. После ужина завешивают окна, чтобы с улицы не было видно, и приготовляются к выезду — одеваются и закладывают лошадей. Когда все готово, снова все садятся за стол, и, крестясь, одновременно произносят: „Осподи, благослови. Матушка владычица, черича небесная, помоги". Дверь в это время крепко придерживают за скобу, чтобы никто не вошел, и „не пробралась нечистая сила". Посидев несколько минут в глубоком молчании, все встают и выходят на двор, причем около двери одна из женщин прихлестывает каждого проходящего мотушкой ниток, приговаривая: „гля удачи, гля удачи". На дворе без огня и шума рассаживаются в сани и задними воротами выезжают на улицу. Дома после отъезда сватов тушат огни и ложатся спать раньше обыкновенного, а жених идет в свою деревенскую „биседу", где старается, как можно больше, кричать и петь и вообще не показывать виду, что ему поехали сватать невесту (Ветл. кр.).

В Новгородском уезде перед отъездом, также несколько минут сидят, после чего, получив напутственное „в час добрый", выходят из избы; при этом в одних местах, как в Михайловской в. Вышневолоцкого у., едут в обыкновенных санях, но в тулупах, что выдает приезжих, а в других, как в Ветлужском кр., для сватовства выбирают сани „поприличнее" и лошадей закладывают в начищенную сбрую.

Чтобы никто не догадался, в какую сторону и деревню поехали, сваты едут в противоположную сторону и объезжают свою деревню задами или гумнами, хотя бы этот путь

был много длиннее (Ветл. кр.). Стараются также незаметно проехать через попутные деревни, но, несмотря на это, встречные обычно догадываются о цели поездки проезжающих и тогда, в виде пожелания успеха, кричат им вслед: „Яблоня в сани" или, ввиде пожелания отказа, — „поваренка в лоб" (Гряз. у.). В деревне невесты один из увидевших сватов бежит с криком: „сваты, сваты"; молодежь высыпает на улицу, разыскивает солому, сено и расстилает по всей дороге. Утром, при виде соломы, всякий говорит: „у кого-то сваты были" (Новг. у.).

В некоторых местах (Валд., Крест., Люб. и Новг. у.у.; Удом. в. Вышневол. у.) едут не сразу в дом невесты, а останавливаются у кого-нибудь из той же деревни — дальнего родственника, у знакомого или просто у соседа, — там расспрашивают о качествах невесты, ее приданом и пр. (Удом в. Вышневол. у.); причем бывает, что невесту расхают, и тогда сватать не идут (Новг. у.). Обычно же оттуда посылают к невесте узнать — примут-ли сватов. Ответ почти всегда бывает удовлетворительный, потому что сватовство считается честью для невесты и ее родителей (Новг. у.; Удом. в. Вышневол. у.); в Крестецком у. если девушка не пойдет замуж и не знает жениха, отвечают: „Не надо, не примет наша невеста". Иногда же возникают споры с родителями: они хотят отказать, дочь просит принять жениха, и те, наконец, соглашаются (там же). В Ветлужском крае все сватовство происходит в доме ближайшего соседа невесты, куда зовут родителей невесты, хотя бы сваты приезжали и не один раз. В тех же местах (Гряз. и Ник. у.у.), где свата сначала посылают одного и, только получив согласие, приезжают с женихом (см. выше), сватать направляются прямо в дом к невесте.

Иногда, прежде чем итти в дом невесты, сваха с женихом отправляются на беседу (Мих. в. Вышневол. у.; Валд., Люб. у.у.). Жених там танцует с намеченной девушкой, сидит в продолжении вечера у ее прялки и в разговоре сообщает ей, что он намерен к ней свататься. Сваха же остается на поседе недолго и идет к родителям невесты.

Местами сохранился ряд примет, выполняемых при сватовстве. Например, в Ленском районе сваты перед крыльцом невесты раздергивают веник, войдя в избу молятся богу не

под полатями, а проходят их и становятся под „матицу“ [1]). В Никольском у. сваха не садится пока не скажет, что приехала сватать. В Кадниковском у. сват, не раздеваясь, садится под матицу, „чтобы шило не сковали“. В Новгородском у., войдя в избу, сваты останавливаются у порога или садятся на ближние лавки, — за матицу перейти нельзя, не будет успеха. Для успешного же окончания дела сват старается сесть на лавку вдоль половиц лицом и, расставив ноги, захватить не менее двух половиц (Гряз. у.); в Любимском у. сваха также, придя с женихом на поседу, старается незаметным образом поставить ноги вдоль щелки; для этой же цели (Рост. у.), идя сватать, сваха надевает на ноги сапоги от разных пар.

Самое сватовство совершается следующим образом: в Ветлужском крае, например, где, как уже указывалось, все сватовство происходит в доме соседа, хозяева дома, выспросив, зачем приехали „гости“, идут за родителями невесты. Те приходят не сразу, а придя жалуются, кто это посмел их грешных беспокоить, и кому они понадобились в такую пору - времячко. Сваты же заводят речь о постороннем, об урожае, погоде и пр. Между тем, накрывают на стол. Сваты ставят привезенное с собой вино и угощают им хозяев дома и родителей невесты. Последние, принимая вино, спрашивают: „Што вы за люди и за што вздумали зелено вино лить?“, на что сваты бойко отвечают: „Ехали мы лихо, въехали тихо, охотники - купчи, честные молодчи. Есть у нас барашек бегун, а ищем мы ему ярочку. А баран да ярочка — вековая парочка“. Родители невесты притворяются, что не понимают, в чем дело. Тогда отец жениха говорит: „Есть у нас соболь красной, а еще нужно ему куничу — красную девичу“. По окончании этого иносказательного разговора хозяева дома подносят сватам вино и угощают их чем придется: „Если вы не лихие вороги, так просим милости нашим угощеньем не побрезговать“. Тогда сваты, принимая от них вино, заявляют о цели своего приезда прямо: „Вы сперва спросите нас, по што мы приехали. Мы ведь приехали не пир пировать, не столы ставить, а в сватах“.

---

[1]) Матица — балка, которая идет поперек всей избы и на которой настлан потолок.

Им говорят: „Просим милости". Затем мать и отец невесты притворно стараются расхаять дочь — „и молода-то она, и делать ничего не умеет" и т. д., — но, в конце концов, отец невесты приглашает сватов на другой день: „Просим милости, сватушки дорогие, завтра. Мы подумаём с кем следует и вам скажем". Этим первое сватовство и кончается. Никогда с первого раза согласия на сватовство дочери не дают, чтобы показать, что дочь отдают неохотно. На другой день сваты приезжают снова, и, если им не отказывают, начинается торг о приданом, запросе (см. ниже) и пр. с расхваливанием жениха и невесты. Когда сговорятся, назначают день „сговоров" (рукобитья). Иногда же долго не могут сторговаться и приезжают несколько раз.

В других местах также, придя в избу, сваты сначала заводят речь о постороннем (Тихв. у.), о сватовстве же говорят не сразу; разговор не вяжется (Новг. у.), часто он иносказательный, с приговорами (Валд. у.), хотя все знают, в чем дело. В Кадниковском у. сват, после обмена приветствиями, говорит: „У меня есть купец, а у вас товар, у меня есть жених, а у вас невеста, — так нельзя-ли их свести в одно место?" Или (Крест. у.), помолившись на образа и поздоровавшись с хозяевами, сваты говорят: „Мы к вам пришли не кумиться, не брататься, а на красной девушке посвататься". Но в некоторых местах, например, в Ленском районе, особых форм обращения при сватовстве нет, также и профессиональной свахи нет.

Если родители еще не намерены выдавать дочь или если жених не нравится ни им, ни дочери, то они говорят, что невеста у них еще молода или же, — что денег нынче нет на свадьбу и т. д. (Кадн., Крест., Ник. у.у). Если жених нравится, но на примете есть еще другой, то на всякий случай, помня пословицу: „женихи не грибы, после дождя не вырастут", стараются задержать его, предлагая подождать год, пол-года (Кадн. у.), сразу же не отказывают (Череп. у.).

Сват обычно нахваливает жениха, его хозяйство и родителей (Гряз., Кадн., Ник. и Рост. у.у.; Удом. в. Вышневол. у.), причем не возбраняется и преувеличивание (Новг. у.). За невесту ведут разговор ее родные, она же молча греет самовар, накрывает на стол и уходит из избы или разговаривает с женихом (там же).

Сватам предлагают раздеться, угощают их чаем, самогонкой (Кадн. у.; Ленск. р.; Удом. в. Вышневол. у.); те отговариваются: „Угощаться еще рано, сперва надо уговориться, а потом за стол смелей садиться“ (Лужск. у.), просят сказать окончательный ответ, чтобы знать, „будет дело или нет“ (Новг. у.).

Если жених и невеста на поседе, и родители вообще согласны выдать дочь замуж, то жениха зовут в дом, где его со сватом приглашают к столу, — „сват не сват, добрый человек“, — причем девицы перед уходом жениха с поседы поют ему свадебную песню, за что он дает им денег „на свечки“ (Мих. в. Вышневол. у.), а „глядящий народ“ — бабы, — когда он уходит, „дерьгают“ его за полы, приговаривая: „Будь наш зять“, на что он отвечает: „С меня нечево взять“ (Люб. у.).

В некоторых местах чай всегда разливает невеста (Гряз., Ник. у.у.); в других (Мих. в. Вышневол. у.), наоборот, невесты за столом не бывает. В Ленском районе невеста по приходе сватов, смекнув в чем дело, моментально скрывается из избы и прячется, а когда сваты просят вывести ее к столу и показать им, то, если жених ей нравится, она выходит и садится разливать чай, а если нет, то ее не могут вывести даже родители или же она так запрячется, что ее и не отыскать.

Во время чая „посмотреть на жениха“ собирается чуть-ли не вся деревня, специально скликаемая для этой цели кем-нибудь из молодежи. (Кадн. у.).

Здесь же следует отметить, что в Никольском у. перед чаем происходят как бы предварительные смотрины невесты (смотрины, как таковые, устраиваются сами по себе); при этом, если невеста понравилась, то, вернувшись в избу с улицы, куда жених с отцом, матерью и свахой уходили делиться впечатлениями, они просят невесту показаться еще раз и напоить их чем-нибудь (она, переодевшись в другое платье, поит их квасом или пивом всех из одной кружки); если же невеста не понравилась, уезжают домой или же сразу с женихом сватают какую-нибудь другую невесту.

За чаем ведется речь о приданом (Кадн., Новг. у. у.; Ленск. р.; Удом. в. Вышневол. у.).

В довоенное время приданое давалось деньгами (Удом. в. Вышневол. у.), причем сумма приданого была весьма раз-

лична: так, например, в Кадниковском у. она колебалась от 25 до 1.000 руб., а в Ленском районе самыми дорогими невестами были 200-рублевые. В годы же разрухи вместо денег стали давать хлеб [1]) (Кадн. у.).

Кроме того, в приданое иногда дается корова (в вышеназванных местах) — в старое время, если у невесты был ребенок, то корову давали всегда (Ник. у.), — или швейная машина (Лужск. у.; Ленск. р.; Удом. в. Вышневол. у.; Тел. в. Пошех. у.). В некоторых местах, например, в Грязовецком и Кадниковском у. у., в приданое обязательно дают курицу. Приносит невеста и посуду (Удом. в. Вышневол. у.), но не везде (Ермак. в. Пошех. у.). Дается с невестой железная кровать и платяной шкаф (Лужск. и Новг. у. у.), — без шкафа невеста считается бедной (Тихв. у.); если невеста побогаче, то, кроме шкафа, дается еще и комод (Новг. г.). Подробно выговаривается, сколько платьев или сарафанов, шуб, валенок, башмаков, простынь, постельников, половиков, скатертей и пр. должна принести с собой невеста (Ленск. р.; Новг. и Ник. у. у. и др.); следует приэтом заметить, что с момента вступления в дом мужа, все тканые предметы, как-то: занавески, скатерти, полотенца, половики употребляются молодухины (Тихв. у.).

Помимо того, подробно определяется количество даров, которые невеста должна готовить родне жениха (дары, обычно, — полотенца или платки).

Невеста должна также одеть жениха (Ник. и Тихв. у. у.); она шьет будущему мужу 2—3 праздничных рубахи, кисет и пр. (Удом. в. Вышневол. у.); в Новгородском у. невеста также шьет ему венчальную рубаху-косоворотку или с галстухом, смотря по вкусу; до войны она должна была сшить ему еще пару нижнего белья, — что теперь вышло из употребления.

Помимо всего прочего, в Тихвинском у. невеста должна сделать постель свекрови, которая пользуется этой постелью до женитьбы другого сына, после чего старшая невестка берет свою постель обратно, свекровь же получает постель от младшей. В другом месте (Новг. у.) постель с подушкой

[1]) То же случилось с денежным выкупом за невесту. Так, напр., в Никольском у. он заменился хлебной единицей в 3—20 пуд. ржи вместо довоенных 15—50 руб.

и одеялом дается свекру, а если его нет в живых, — свекрови, во временное пользование, но при хороших отношениях остается у него навсегда.

Интересно, что приданое начинает понемногу терять своё значение чуть ли не первостепенного фактора при заключении брака. Хотя все еще сватовство может расстроиться, если у невесты нет какого-нибудь пальто (Рост. у.) или же если не сошлись, примерно, на пяти пудах хлеба (Кадн. у.)— случается, что, не сговорившись о приданом, сваты уезжают, не сделав предложения самой девушке (Новг. у.), — однако, за последние годы главную роль начинает играть уже девушка и приданое выговаривают не все (там же); так что теперь небольшой % девушек выходит замуж без приданого, а также без припроса, о котором речь будет ниже (Ник. у.).

Со своей стороны и жених должен уплатить родным невесты известную сумму денег, каковой в Никольском у. является „припрос", в Ветлужском крае — „запрос", а в Любимском, Рыбинском и Пошехонском уездах — „вывод" [1]). (Следует заметить, что в Никольском у. „сговариваются припросом" до чая, причем невеста в это время должна сидеть за занавеской).

Кроме того, жених должен купить невесте на платье, по вкусу невесты, а также купить ей сапоги или туфли, смотря по тому, чего у нее нет. Жених также покупает кольца [2]) (Новг. у.). (В Крестецком у. сама невеста с отцом покупает на одно-два платья, покупает чулки, туфли, ленту, фату и пр.).

Когда обе стороны столкуются, спрашивают невесту — пойдет ли она замуж (Кадн. у.), а жениха — согласен ли тот взять ее в жены (Люб. у.) (в других местах, например, в Валдайском у., о согласии невесты спрашивают до разговора

---

[1]) В Любимском у. в 1919—21 гг. вместо вывода, который там уплачивает жених, наоборот, невеста должна была приносить с собой „норму" (10—12 пуд. хлеба), полагавшуюся ей на год. В 1922—23 гг. ни выводов не давали, ни норм не брали.

[2]) С 1917 г. наблюдалось, что более зажиточные на обмен приобретали золотые кольца, чего раньше не было, или же переделывали на кольца золотую монету. Если не хватало средств на оба золотые кольца, то жениху делалось серебряное, а невесте — золотое.

о приданом, а в Ветлужском крае невесте часто даже до самого рукобитья не говорят о том, что ее просватали); в Грязовецком у. после чая родители невесты оставляют жениха и приехавших с ним мать и свата одних, чтобы они могли свободно переговорить между собой и спросить жениха — понравилась ли ему невеста; затем сват спрашивает возвратившихся в избу родителей невесты, понравился ли им и невесте жених. После этого осматривают приданое. После чая осматривают приданое также и в Ленском районе, а в Любимском у. это делают до чая (в других местах, например, в Кадн. у., приданое показывают в смотрины). Однако, окончательного решения в этот день не выносят (Ленск. р. и др.). Вообще, если жених ближний, — следовательно, он сам, его семья и хозяйство известны, — то вопрос решается после отъезда сватов, и вечером к жениху посылается человек с отказом или „приказом" (Новг. у.). (В Кад. в Череп. у. согласие выдать девушку за одного из сватавшихся к ней парней было дано через несколько дней в результате совещания всех родственников невесты); если же жених неизвестен (Новг. у.), а иногда и по ритуалу (Валд. у.), спрашивают о его достатке и назначают день, когда приедут осматривать его „именье".

В Крестецком у., когда родители невесты говорят, что они „завтра приедут дому поглядеть", сваты требуют задатка, — „дому поглядеть, так давайте задаток". Девушка дает жениху браслет или кольцо. В Лужском у. невеста при сватовстве также дает задаток — небольшой — платок, полотенце, а в богомолье — большой, — платье, скатертку [1]).

Смотрины.

Смотрины распадаются на два момента: 1) осмотр дома жениха и 2) смотрины самой невесты.

---

[1]) В Удомельской в. Вышневолоцкого у. невеста после богомолья дает жениху в залог платок, одеяло или хорошее вышитое полотенце, которое жених вешает в избе на видном месте. В Новгородском у. после осмотра дома жениха дается в задаток какая-нибудь ценная вещь невесты — часы, браслет, пальто, хорошее платье и т. д. В Валдайском у. задаток — узел с чем-нибудь ценным — дается девушкой парню еще до сватовства (см. выше; „Выбор невесты и жениха"). И в Ветлужском крае сваха, также до сватовства, украдкой от родителей невесты, выпрашивает у девушки задаток — лучший сарафан, платок и пояс (см. „Выбор невесты и жениха").

Смотреть дом жениха обычно едут через день-два после сватовства (Гряз., Кадн., Лужск., Новг., Валд., Крест. Ник. у. у.; Ленск. р.; Мих. и Удом. в. в. Вышневол. у.).

Смотрины невесты устраиваются после осмотра дома у жениха (Кадн. и Ник. у. у.), но в некоторых местах (Рыб. и Рост. у. у.) смотрины невесты предшествуют осмотру дома у жениха.

Следует, однако, заметить, что в настоящее время, под влиянием изменившихся экономических условий, смотрины или совсем не устраиваются, или соединяются с другими моментами свадебного ритуала, — так, например, в Грязовецком у. теперь в целях сокращения излишних расходов опускаются смотры и пустосмотры, в Никольком же уезде смотрины стали устраивать в один день с девичником.

1) Осмотр дома у жениха.

В назначенный день родственники невесты, обычно ее родители, приезжают смотреть дом у жениха („смотреть место" — Гряз. и Кадн. у. у.; „смотреть житье" — Ленск. р.). В Новгородском у. смотреть дом жениха ездит и невеста.

Перед приездом гостей в доме жениха все прибирается и моется; нередко от соседей приносят и выставляют на видном месте посуду, одежду (Рыб. у.), причем если пальто на меху, его вешают обязательно мехом вверх (Новг. у.); приводится даже скот (Валд. у.), — все это делается, чтобы казаться богаче. Часто гости знают, откуда взяты вещи и приведен скот, но делают вид, что ничего не замечают; но бывают и обманы, на почве которых потом возникают недоразумения (Валд. у.).

Гости не раздеваются и после обмена приветствиями идут осматривать хозяйство жениха (Кадн. у.). Осматривается подробно все: все хозяйственные постройки, скот, с.-х. инвентарь, одежда, постель жениха; бабы даже кринки сосчитают (Рост. Кологр. у. у.). Кто-либо из приехавших с родными невесты идет незаметно к соседям, где расспрашивает о женихе, его характере, поведении и пр. (Мих. в. Вышневол. у.). Принимается во внимание состоятельность всей деревни, в которой живет жених, качество угодий, численность его семьи,—чем меньше, тем лучше (Новг. у. и др.).

Если все найдено удовлетворительным, то окончательно сговариваются о количестве приданого и о том, которой стороне заводить венчальное платье, подвенечные башмаки, „покров“ для невесты и пр. (Ленск. р.; Рыб. у.); пьют чай и назначают день, когда жених может посмотреть невесту (Кадн. и Ник. у. у.), или же назначают день рукобитья (Рыб. у.; „сговоров“ — Кологр. у.).

В других местах (Ник. и Рыб. у. у.) чай пьют и по приезде, но лошадям до осмотра дома корму не дают, как бы издалека гости ни были (Рост. у.). Если все понравилось, снова пьют чай и выдают лошадям корм; в противном же случае уезжают без второго чаепития. Без чаепития и даже не заходя в дом, уезжают и в Кадниковском у., если хозяйство жениха не понравилось.

1) Смотрины невесты.

В дом невесты на смотрины („смотры“ — Ник. у.; „сиденье“ — Рост. у.) приезжает жених с родителями, свахой (Пошех. и Рост. у. у.) и близкими родственниками (Кадн. у.), числом не менее пяти и не более одиннадцати человек (Ник. у.). В Ростовском у., кроме родителей, обязательно едут также крестные жениха.

Следует при этом заметить, что в Рыбинском у. приехавшие сначала останавливаются у кого-нибудь из соседей и отсюда отправляют в дом невесты человека с просьбой — „невесту одеть и показать“. И только когда невеста будет принаряжена, жениха и приехавших с ним родных и ходатаиху (сваху) просят пожаловать.

Они приходят, молятся богу, здороваются с невестой и ее родителями за руку. Гостей приглашают садиться за стол, причем жениха сажают против невесты, и угощают всех чаем, белым хлебом или пирогом, а иногда и гостинцами (пряниками, орехами), при этом разговаривают мало, больше приглядываются друг к дружке, разве только жених спросит невесту, как звать ее и ее родителей. После чая девицы-подруги невесты начинают петь песни, и жених приглашает невесту „гулять“, т.-е. танцовать. Если в избе в числе зрителей имеются парни, они тоже принимают участие в „гуляньи“, но продолжается это недолго — „пройдут“ одну-две

песни и кончают. Затем жених со своими родителями и ходатаихой уходят в другую избу или, за неимением ее, в другую комнату, где и обсуждают результаты смотрин. Если невеста понравится, то после совещания родители жениха приглашают родителей невесты „дом смотреть". Во время их отсутствия спрашивают невесту, понравился ли ей жених. И если жених ей и ее родителям не понравится, то „дом смотреть" не поедут, а пошлют нарочного „с отказом".

В Кадниковском у. невесту также одевают в лучшее платье, шляпу, причем заставляют „показать походоцкю", т. е. пройтись по полу, просят стать рядом с женихом, и здесь же каждый смело высказывает свое мнение.

В Никольском у. жених, его отец, мать и сватья („хвост"), посмотрев невесту, которая по приезде их выходит из-за занавески и здоровается с „поездом", выходят советываться на улицу; если невеста не понравилась, отказываются и уезжают домой, а если понравилась, то, придя в избу, сватья спрашивает отца невесты: „Гленетча ли вам наш товар?", на что тот отвечает утвердительно и в свою очередь задает такой же вопрос сватье.

В Ермаковской в. Пошехонского у. невесту сначала одевают в платье, надевают ей на голову яркие бумажные покупные цветы, причем в настоящее время ей делают прическу, а прежде заплетали косу, вешают на шею бусы с привязанными сзади лентами и, затем, „убранченную", наряженную невесту усаживают прясть. Когда же ее посмотрят, то переодевают в шерстяной кашемировый сарафан голубого или розового цвета с вышитой белой рубашкой; венок снимают (остается только лента). Сваха берет у невесты веретено и подносит его сначала отцу и матери, а потом жениху, у которого невеста выкупает веретено поцелуем [1]).

В Ростовском же у. невесту смотрят за чаем. Когда чай розлит по чашкам, невесту, одетую в лучшее платье и шарф, выводит ее крестная мать. Невеста молча становится у стола против жениха. Ее сажают (в шарфе) за стол; она выпивает чашку чая. Когда ее достаточно рассмотрят, кто-нибудь

---

[1]) В Любимском у. то же самое проделывается свахой на поседе, куда она заходит с женихом перед сватовством; — и вообще на поседах (также и в Рост. у.) парень заставляет девушку выкупать поцелуями место у копыла, если она почему-либо встанет с него.

с жениховой стороны говорит: „сменяйте“. Она уходит, переодевается в другое платье, выходит вновь и т. д.,—так до трех раз: три „сряда“ (наряда) меняет и три чашки чаю выпивает. Четвертый раз она выходит в летнем пальто и более теплом шарфе, но чаю ей уже не предлагают, она не садится; затем опять говорят: „сменяйте“. Наконец, она является в зимнем пальто или ротонде, в ботах, в зимней шали или шерстяном платке и, если есть, с муфтой.

Во время этой церемонии девушки—подруги невесты—бросают в жениха горох или подсолнечное семя. Если жених при этом улыбнется—хороший признак, значит „дело будет“ (женится); если же останется серьезным—не женится, или женится, да „карахтерный“ будет. Очень хорошо попасть горошиной прямо в стакан—обязательно „дело будет“.

Если жених желанный, и родные невесты хотят, чтобы брак во что бы то ни стало состоялся, то во время „сиденья“ кто-нибудь из родных невесты тайком запирает снаружи дверь на замок на несколько минут,—чтобы желание жениха не выбежало во время сиденья. При неудачном браке родные мужа говорят: „Да мы и не хотели невесту брать, да нас видно „на сиденье“-то заперли.

Невеста, показав себя во всем теплом, уходит. Все посторонние „глядельники“ (которых обычно полна изба) покидают избу. Женихова родня отходит в сторону и шопотом делится впечатлениями о невесте и ее приданом. Если все понравилось, приглашают родителей невесты смотреть дом у жениха; если же недовольны, говорят: „Мы завтра вам прикажем, когда дом смотреть“, или скажут, что „невеста-то ничего, да вот из приданого надо еще то-то“ и при этом скажут что-нибудь такое, что невозможно справить; если же невеста действительно нравится, а в приданом чего-нибудь не хватает, предлагают справить недостающее к назначенному сроку.

Надо сказать, что во всех перечисленных случаях (т.-е. повсеместно) смотрины заканчиваются или сопровождаются угощением. В Ростовском у., как уже было упомянуто выше, сами смотрины совершаются во время чаепития, при этом здесь ничего, кроме чаю и сахара, не полагается (как и при осмотре дома жениха). В Рыбинском у., кроме чая, на стол подают белый хлеб и пр. (см. выше). В Никольском же у.,

после чая с конфектами, пряниками, вареньем, медом, баранками и пр. устраивается еще стол, за которым подаются: пирог с рыбой, холодное, мясо в квасу, суп мясной, картошка с маслом, рыба жареная, яичница, мясо жареное, молоко с овсяной крупой, каша пшенная.

Перед отъездом гостей невеста дарит „поезд“ (даренье совершается так-же, как утром в день свадьбы, только дарит не дружка, а „стольник“ — зять невесты). Во время даренья невеста „дерет блины“ с женихом и почти со всеми гостями: она подносит блины на тарелке жениху и рвет с ним пополам, потом обносит остальных, но тут уже очень немного рвет от каждого блина. После блинов выпивают пива, вина и собираются уезжать. Когда жених одевается, невеста держит его шапку, стоя посреди избы (во время „пировства“ шапка и пальто жениха лежат в „сутках“). Шапку невеста выносит на улицу, там надевает на жениха, он целует невесту и уезжает (Ник. у.).

В Кадниковском у. после чая происходит „образовка“ — „руку дают“, — которая будет описана ниже, в отделе „Богомолье“.

Богомолье.

Время совершения богомолья чрезвычайно варьирует. Обычно богомолье устраивается в доме невесты после осмотра дома у жениха в тот же день вечером или на следующий день (Лужск., Новг. у. у.; Мих. и Удом. в. в. Вишневол. у.). Если же невеста едет с родными на осмотр дома жениха, а жених дальний, то богомолье совершается сразу после осмотра дома у жениха (Новг. у.). Или же богомолье происходит сразу после сватовства (Люб. у. и Тел. в. Пошех. у.); тоже бывает и в Новгородском у., если девушка выбрана женихом. В Кадниковском у. богу молятся в смотрины („образовка“). В целом ряде мест (Ленск. р.; Мих. в. Вышневол. у; Ермак. в. Пошех. у., Ветл. кр.) богомолье устраивается в рукобитье (перед самым рукобитьем), а в Валдайском у. через 2 — 3 дня после рукобитья („благословение“).

Богу молиться едут к невесте жених с отцом или матерью (Удом. в. Вышневол. у.) или с обоими родителями (Лужск. у.) и крестной матерью (Мих. в. Вышневол. у.). В Новгород-

ском у. с женихом едет отец и еще несколько человек близких родных, а в Валдайском у. на богомолье присутствуют крестный отец и брат.

Жених и едущие с ним на богомолье одеваются по праздничному (Мих. в. Вышневол. у.). Их встречают очень приветливо и весело (Новг. у.) Невеста, также в праздничном наряде, иногда сидит в это время на беседе; по приезде жениха ее зовут домой (Мих. в. Вышневол. у.).

Богомолье происходит следующим образом: зажигают свечку (Мих. в. Вышневол. у.; Пошех. у.) или лампаду (Валд. и Тихв. у.у.); жених и невеста становятся рядом (Мих. в. Вышневол. у.), берутся за руки (Ленск. р., Тихв. и Пошех. у.у.), — в Кадниковском у. — через платок, — чтобы жить богато (Мих. в. Вышневол. у.); перед женихом и невестой расстилают шубу, а в Люб. у. шубу овчиной кверху кладут на стол; рядом с шубой кладут каравай хлеба, иногда с солонкой; затем молятся (в Новг. у. все присутствующие в избе молятся на четыре стороны по три раза); потом с божницы снимается икона, которую целуют жених, невеста и их родители (в Лужск. у. также снимают икону и целуют ее и друг дружку). В Удомельской в. Вышневолоцкого у. сначала родители невесты, а потом отец или мать жениха иконой благословляют будущих супругов, после чего те целуются. В Кадниковском у. родители с той и другой стороны также благословляют жениха и невесту. В Ленском районе после того, как жених и невеста, взявшись за руки, помолятся богу — поклонятся в землю, — сват разнимает их руки в знак того, что дело „слажено“. В Ростовском у., помолившись, „роднятся“, т.-е. родня жениха целуется с родней невесты.

Помолившись богу, пьют чай (Валд., Новг., Тихв., Люб. и Пошех. у.у.); в Удомельской в. Вышневолоцкого у. чай пьют до богомолья. (Во время чая жених с невестой катаются. С ними иногда катаются и подруги невесты. — Удом. в.).

В Любимском у., когда выходят из-за стола, невеста садится в угол и начинает выть:

„Благослови-ко меня, господи“... (Ш. № 2.173).

Пока невеста воет, родители пьют вино. Жених невесту унимает: „Ты уж не горюй, такой же уж и у нас свет“.

На прощанье поцелуются. Жених уйдет, потом воротится: „Я перчаточки забыл“ (а перчатки-то у него), и опять целуются. Невеста идет провожать жениха; прежде провожали до дверей, а теперь уже далеко до—поля.

В Валдайском у. девушки в богомолье поют под окном:

Под калиной, под малиной,
Под черной грушой—смородой
Приуснул тут добрый молодец... (очень далекий вар. Ш. № 1.764).

В Кадниковском у. после „образовки“ девушки поют „Изменщицу“:

„Уж ты изменная изменщица“... (Ш. № 2.558 и др.).

А за ней следующую:

„Уж ты, свет наша подруженька,
Да приходила к тебе свахонька,
Да нахвалила цюжу сторону“... (Ш. № 2.190 и др.).

Жених дает девушкам денег на гостинцы. Его приглашают на „укладку“ (см. ниже). Назначается день, и гости уезжают. Их провожает как сама невеста, так и ее родственники.

В Лужском у., когда гости уезжают, невеста голосит:

„Я спрошу тебя, родна маменька,
Что за пир у вас, что за праздничек“... (вариант близкий к только что приведенному причитанию Люб. у.).

Затем, она обращается к брату:

„Не спасибо тебе, братец родненький,
Что не поспорил ты родителям“...

Мать плачет:

„Ты любимая моя дочечка“... (Ш. № 1.396 и др.).

Богомолье считается очень важным моментом (Кадн. у.): после богомолья уже не откажут (Лужск. у.), так как это рассматривается, как грех (Удом. в. Вышневол. у.); если и откажут — все равно счастья не будет, потому что — „бога поцеловал“ — значит, все кончено, бог не допустит смеяться над собой (Новг. у.), и „перебивать“ жениха или невесту после богомолья решится не всякий (Кадн. у.).

Рукобитье.

Рукобитье (Лужск., Рыб. и Тихв. у.у.; Ленск. р.; Мих. в. Вышневол. у.) или пропой (Кадн. у.), пропоины (Новг. у.), запой (Рост. у.) или сговоры (Люб. и Кологр. у.у.; Ветл. кр.) является окончательным моментом закрепления сватовства.

Большей частью для рукобитья назначается особый день (Кадн., Лужск., Валд., Новг., Тихв., Череп., Рыб., Люб. у.у.), но нередко к нему присоединяется богомолье (см. выше). В Ростовском у. рукобитье („запой“) иногда бывает сразу после осмотра дома жениха. В Любимском у. рукобитье („сговоры“) устраивают только богатые; бедные же ограничиваются „запоруками“, т.-е. тем моментом сватовства, когда после согласия на брак молятся богу и пьют вино.

Чаще рукобитье устраивается в доме невесты (Кологр., Лужск., Люб., Новг., Рыб. и Череп. у.у.; Ленск. р.; Мих. в. Вышневол. у.); в Ветлужском крае рукобитье („сговоры“) сначала совершается в доме соседа невесты, а затем оттуда идут в дом невесты, где устраивается угощенье (см. ниже); в некоторых же местах на рукобитье едут в дом жениха (Кадн., Пошех. и Рост. у.у.), а в Ростовском у. иногда дочку запивали и в трактире.

В том случае, когда рукобитье устраивается в доме невесты, туда является жених — со всей своей родней (Лужск., Люб. у.у.) или только с близкой (Кологр., Новг., и Рыб. у.у.; Ленск. р.), причем присутствует и родня невесты (Люб., Череп. у.у.). Если же рукобитье устраивается в доме жениха, то к жениху приезжают родственники невесты, обычно в большом числе; невеста с ними не ездит.

Жених привозит к невесте все нужное для угощения: вино, пиво, закуску; родители невесты также готовятся к столу (Лужск. у.). При этом в Новгородском у. все привезенное сдается родным невесты, которые и угошают. Жених и невеста все время находятся вместе, причем за столом сидят в переднем углу, в Рыбинском у., — на подушке или овчине мехом вверх. В Любимском у. сначала жених угощает родню невесты, а за вторым — невестиным столом — угощается „родословная“ жениха (жених и невеста сидят за тем и за другим столом). В Лужском у. также

сначала угощает жених, после чего беседуют, гуляют, а затем накрывается невестин стол.

За столом, выпивая, поздравляют друг друга „с начатьем дела", называют не по имени и отчеству, а „сват любезный" (Новг. у.; тоже в Мих. в. Вышневол. у.) в Кадниковском у. каждый гость, получив первый стакан или рюмку из рук жениха, выпивает до дна и опускает туда серебряную монету.

Надо сказать, что иногда до угощенья (Мих. в. Вышневол. у.; Ветл. кр.; Кологр. у.), иногда после него (Тихв. у.) родители с обоих сторон „бьют по рукам" или „дают руки": в Тихвинском. у. отцы надевают шубы, садятся за стол друг против друга и бьют по рукам, причем в Михайловской в. по рукам бьют через полу, приговаривая: „жить да богатеть, друг друга любить". В Кологривском у. к приезду гостей на „сговоры" у невесты накрыт чистой скатертью стол, на котором лежит каравай хлеба и соль. Здороваясь с родителями невесты, родные жениха протягивают руку через стол над караваем. В Ветлужском крае в доме соседа (см. выше) накрывают белой скатертью стол, зажигают перед иконами свечи и, как и в Кологривском у., ставят посреди стола хлеб-соль. Родители жениха и невесты становятся друг против друга по двум сторонам стола, а по двум другим становятся, также друг против друга, с одной стороны — родственники жениха, с другой — родственники невесты. Помолившись, родители подают в полах кафтанов или шуб друг дружке руки, родственники же их разнимают. Затем снова молятся, желают обоим сторонам благополучия и идут в дом невесты, где гостей сажают за стол.

Следует заметить, что в одних местах, напр., в Любимском, Новгородском и Рыбинском у.у., невеста присутствует за столом (речь идет о том случае, когда рукобитье происходит в доме невесты): она все время находится вместе с женихом, сидят оба рядом в переднем углу, причем в Рыбинском у. их сажают на подушку или на овчину, положенную мехом вверх. В других местах, как в Ветлужском крае и в Кологривском у., невеста в пированьи никакого участия не принимает. В Ветлужском крае мать невесты, когда гости направляются из дома соседа в дом невесты (см. выше), идет вперед объявить дочери о „сговоре", и та, как только

гости входят, уходит за перегородку, где и остается до отъезда гостей, и куда к ней приходит жених — утешать ее. В Кологривском у. невеста тоже скрывается за перегородкой, принаряживается; затем ее выводят, молятся богу и она опять уходит; за ней идут подруги и жених. Пока гостей угощают, она, закрыв лицо платком, „воет“:

„Не огни загоралися“...

Ее ведут к столу, подают вино, но она продолжает выть:

„А не принимай-ко, кормилец батюшко,
Сватовскова зелена вина“...

По другой версии, невеста после „богомолья“ за перегородкой воет:

„Благослови-ко меня, господи“...

Затем соответствующим причетом она призывает отца и мать. Родители идут к ней в загородку; она обращается к матери:

„Ты остаешься, желанная“...

Далее невеста подзывает в кут замужнюю сестру, воет ей, та отзывает, после чего в загородку идут жених и его мать, которые несут пирог, мясо и бутылку вина. Они подают невесте рюмку вина, но она не принимает ее, а подруги заявляют, что „рюмка без дна“. Тогда жених дает невесте рубль, и она рюмку берет, но сама не пьет, а передает подруге. Подруги берут себе бутылку с вином и закуску и выпивают или же, отняв у них угощенье, выпивают парни.

Когда мать жениха хочет уйти, подруги с невестой задерживают ее словами:

„Ты скажи-ка, сваха приезжая,
Про своего сына милого,
Що не пьет ли отецкой сын,
Що чужого до зелена вина,
Не играет ли в карты-листя бумажные,
Не курит ли табаку травы проклятые“.

На что мать жениха обычно отвечает отрицанием.

Если был уговор, то за „рукобитьем“ всей родне жениха (Ленск. р., Кологр. и Рыб. у.у.) или только самому жениху и его родителям (Лужск., Череп. у.у.) дарятся „дары“.

В Ростовском у. жених, которому передают вышитое полотенце — подарок от невесты, — посылает невесте „гостинцев“ — конфект, кусок пирога, лепешку или даже чашку варенья, словом, — что „съумеет послать“.

Кроме того в Кологривском у. в рукобитье вечером выносят „дивью красоту“ (иногда это делается в „сговоры“ — рукобитье и в Люб. у.,—см. „Утро в день свадьбы, у невесты“): принаряженная невеста выходит из-за перегородки (см. выше) и садится за стол. Одна из подруг входит, неся „дивью красоту“ — кудрявую елочку с зажженными на ней свечами, украшенную лентами и разноцветными бумажками и понавешанными для баб конфектами и папиросками для молодежи. Внося елочку в избу, девушка приговаривает: „Раздайся народ, расшатися народ, дивья красота идет; не сама она идет — красна девица несет, по полу тесовому, ко столу дубовому, ко скатерти браной, ко гостям созваным“. Затем подходит к столу и ставит елочку перед невестой с приговором: „Здравствуйте, сватьи и свахоньки. Вы, сваты и свахоньки, на меня не глядите, меня не пристыдите“ и т. д. Гости кладут на елочку деньги, причем первыми бросают деньги жених и невеста. Затем опять с приговорами, елочку уносят и ставят невесте в горенку. Жених же собирает деньги и отдает их невесте. После этого девушки поют жениху, невесте и всем гостям поочереди различные величальные песни, за что их дарят.

В Ветлужском же крае девушки, проведав о сговорах, приходят просить лошадей для катанья: „Давайте нам лошадей, — мы прокатимся, пропоем, а то и знать никто не будет, что девка просватана“. Девушкам в их просьбе никогда не отказывают, и они катаются по своей и по ближним деревням и при этом поют длинные заунывные песни. Катанье это обычно приходится на середину ночи. Накатавшись досыта, девушки благодарят сватов, после чего те уезжают, а девушки провожают жениха до полевых ворот, где его поджидают уехавшие раньше сваты.

Когда рукобитье происходит у жениха, родные невесты возвращаются домой намеренно с шумом и гиком, чтобы показать соседям, что славно запили дочку (Рост. у.). Невеста же, которая ждет их, волнуется, встречает их причетами (Кадн. у.). Так, в Ростовском у., надев темное платье

похуже, повязав голову черным платком в „нахмурку“, т.-е. так, чтобы лица не было видно, она причитает:

„Уж как не стук стучит по сеничкам“... (Ш. № 1390).

Подруги ее унимают. Некоторые девицы этим причетом и кончают, а те, которых просватали за нелюбимого, добавляют:

„Не унимай-ко-те, добры люди“...

Иногда жених после „запоя“ едет с родными невесты, чтобы не дать ей плакать, уговаривает ее, даже сует ей тайком в руки деньги, но она ему отвечает:

„Не унимай-ко ты, чужой-чуженец“... (Ш. № 2336).

В Кадниковском у. девицы в этот день вывешивают „дивью красоту“ (косу изо льна) на украшенной лентами веревке, которую натягивают от дома невесты до соседнего.

Время от рукобитья до кануна свадьбы [1]).

В этот промежуток времени до свадьбы девушка „сидит в невестах“ (Валд. у.) или „в сговоренках“ (Кологр., Рыб. у.у.; Ветл. кр.). В Любимском у. невесту с момента „запорук“, т.-е. с того момента, как она дала согласие пойти замуж (см. „Сватовство“), также называют сговоренкой. В Крестецком у. ее называют „спорученкой“ с тех пор, как она даст жениху задаток (см. „Сватовство“).

В знак того, что она просватана, невеста после сожжения „красоты“ (см. ниже) вплетает в косу красную ленту (Мих. в. Вышневол. у.). В Любимском у. невеста с запорук также начинает носить в косе красную, розовую или иную яркую ленту, низко повязывается платком и так ходит до дня свадьбы (в настоящее время это уже выводится). В Ростовском у. невеста также после запоя носит платок в нахмурку (см. „Рукобитье“) и платье похуже, прически не делает, носит одну косу и никуда не выходит, „чтобы не испортили“ и не было

[1]) Продолжительность этого периода варьирует. В Валдайском у. девушка „сидит в невестах“ 2 — 3 недели, в Новгородском у. свадьба назначается обычно через 3 — 4 недели после рукобитья, в Кологр. у. девушка „сидит в сговоренках“ 2 — 6 недель. — В этот отдел входят: приготовления к свадьбе (шитье приданого и пр.), посещение невесты женихом, оплакивания невесты и т. д., — словом все, что совершается в этот промежуток времени.

„сглазу“ от завистливых соседок, даже в церковь не ходит. В Рыбинском у. невеста, „чтобы ее не сглазили“, тоже не выходит из дому, причем и жениха и невесту предупреждают, чтобы они при ходьбе ни за что не задевали, на пороги не ступали, до дверных косяков не дотрагивались, иначе на них может перейти ворожба лихого человека. В Кологривском у., где жених ночует в этот промежуток времени у невесты (см. ниже), невеста провожает его утром до околицы и, вернувшись домой, никуда больше из дому не выходит, сидит за перегородкой и „лица посторонним не кажет“, т.-е. закрывается. Кроме того, чтобы порчи какой не было, со дня сговоров она носит луковицу в кармане и иголку, острием вверх, в груди, так как „раньше все рожу пускали по ветру, а теперь больше нелюбовь все делают“. Никуда не выходит невеста также и в Александровском у.

Как только в деревне узнают, что девицу запили, в Ростовском у. мужики строят возле ее дома и дома жениха красные или свадебные ворота: ставят два столба, поверх которых прибивают поперечную доску с надписью: „В честь новобрачных, такого-то и такой-то“; к этой поперечной доске прибивают две узких дощечки, сходящихся в одну точку, куда прикрепляют красный флажок; к поперечной же доске прикрепляют за оба конца веревку, на которую навешивают кисти из пустых колосьев. У каждого столба ставят по елочке. И от этих ворот, образуя род аллеи, елочки ставят в два ряда. Иногда вместо таких ворот ставят две тонкие высокие березы, верхушки которых связывают. Как только жених первый раз пройдет под своими воротами, мужики требуют выкупа. За невестины ворота платит ее отец.

В Рыбинском у. на другой день после рукобитья девицы отправляются в лес и срубают там елочку покрасивее, смотря по невесте. Притащив елочку домой, убанчивают ее разноцветными лоскутками и бумажками и ставят около дома невесты, а от елочки — „девичьей красоты“ — проводят в ту сторону, где живет жених, нитку, которую также убанчивают разноцветными лоскутками и бумажками. Нитка эта носит название „телеграфа“. Точно такая же елочка ставится у дома жениха, и от нее проводится „телеграф“ в сторону невесты.

На все время до свадьбы невеста освобождается от работ по хозяйству (Тихв. у.). Она шьет себе приданое, которое, надо сказать, понемногу заготовляется с самого ее детства, но все же остается кое-что недошитое, недовязанное и пр. К ней приходят помогать подруги.

В этот же промежуток времени обе стороны готовятся к столам (Ленск. р.) — варят пиво и приготовляют все необходимое, а также приглашают к „столованию" родных с обеих сторон (Гряз. у.). В Череповецком у., когда отец невесты варит пиво, она обращается к нему с причетом:

„Ахти мне да тошнешенько,
Ахти мне да моему сердцу"... (Ш. № 2275 и др.).

Невеста первое время иногда еще ходит на посидку (Валд. и Новг. у.у.; Мих. в. Вышневол. у.). Но когда там сожгут ее „красоту", невеста навсегда покидает беседу.

В Вышневолоцком у. „красу" жгут на другой день после богомолья, а в Валдайском — за несколько дней до свадьбы. Это происходит так: невеста приносит с собою на посидку куделю [1]), которую расстилают по полу до порога и зажигают. (Иногда куделю жгут на улице или приносят сухую березу — ветку, — ставят ее под окно, вешают на нее куделю и зажигают—Валд. у.). Невеста при этом плачет (Вышневол. у.):

„Подождите, милые подруженьки,
Мои милые приятели,
Сжигать да мою красу девичью"...

А в Валдайском у.:

„При остатней поре-времячке"... (Ш. № 1650 и др.).

Затем она прощается со своими подругами, берет свою прялку и уходит с женихом. При прощаньи она целует каждую подругу, оплакивая свою волю вольную (Валд. у.):

„Подруженьки вы мои милые,
Ушла моя волюшка вольная"... (Ш. № 1768).

Отец и мать встречают жениха с невестой на крыльце с огнем (там же).

Обычно жених каждый день навещает невесту (Гряз., Новг. у.у.; Мих. в. Вышневол. у.); он приносит с собою для

---

[1]) Кудель — вычесанный и перевязанный пучек льну, пеньки, изготовленный для пряжи.

невесты „гостинцы“, большей частью сладости, завязанные в красный платок, которые она дарит девушкам; платок же она оставляет себе (Ленск. р.). Если жених является без гостинцев, девушки имеют право не впускать его к невесте.

В Кологривском у., также, если жених ближний, он ежедневно приходит навещать свою невесту, если же он издалека, то навещает ее изредка. При этом и в том, и в другом случае, он остается ночевать в доме невесты, и по словам одних, „ничего у них не происходит до венца“, „крепко себя ведут, худого ничего не бывает“, а по словам других, жених и невеста „спят, как муж и жена“. Если жених не ночует у невесты, соседки судачат, что это худо — нелюбовь будет у молодых. Утром жених уходит, причем невеста провожает его до околицы, а затем, возвратившись домой, уже никуда больше не выходит (см. выше).

В Валдайском у. жених приезжает „спроведать“ невесту 2 — 3 раза. Девушки приходят тогда под окно невесты „веселить“ жениха и поют ему:

1. „Что у месяца звезды частые, звезды частые“... (Ш. № 1838).
2. „Что на заре было на зорюшке“... (Ш. № 1521).
3 „Что по ельничку по подберезничку“... (Ш. № 2262).

Если невеста вдова, то поют:

„Что, Иванушка, не женишься“...

Он выходит и дарит девушек деньгами или гостинцами.

В Любимском у. ближний жених после сговоров бывает на „побывашках“, которые устраиваются в условленный день. Он приезжает с сестрой или один. Когда жених только еще подъезжает, невеста начинает выть:

„Что сижу я призадумалась“... (Ш. № 1376).

Он ее унимает, дает гостинцы. Его угощают.

В Рыбинском у. также, в условленный день, жених приезжает с братом или сестрой и ходатаихой на „побывашки“ (иногда таких побывашек устраивается за весь период времени 2 — 3). Их угощают. За столом жених сидит рядом с невестой, девушки поют песни, за которые их одаривают. За чаепитием следует обед, затем невеста дарит приехавших полотенцами, после чего те уезжают.

И в Пошехонском у. жених с родными приезжает на „проведки“ (Тел. в.) или „побывашки“ (Ермак. в.).

В Кадниковском у. жених, чаще всего с матерью и сестрой, но иногда и еще с кем-нибудь (могут приезжать и мужчины) приезжает на „укладку“, которая устраивается после смотрин, и привозит невесте и ее подругам гостинцы. Гостей угощают чаем, самогонкой, белыми пирогами. Невеста же дарит гостям полотенца, и в этот день приглашает подруг приходить к ней на следующий день шить.

Девушки за шитьем поют, „оплакивают“ невесту. Местами, например, в Ленском р., причетов, относящихся к оплакиванию, не сохранилось даже среди старых женщин (говорят, что каждая девушка плакала по своему). В Новгородском у. невеста плачет, скучает, но также без причитаний; девушки поют песни, частушки или длинные, — свадебных же песен нет. Вообще причеты теперь быстро вымирают. Многие девушки причетов не знают и на свадьбах пользуются помощью особых „мастериц“ по этому делу. Такая мастерица садится рядом с невестой и подсказывает ей причеты (Рост. у.) или просто выполняет их вместо „княгини“ (невесты), а сама княгиня производит только полагающиеся по обряду действия (Гряз. у.; тоже Кадн. у.). Или бывает, например, что девушки идут с красотой „гневить невесту“ (см. ниже), а она встречает их словами: „Спасибо, барышни, я не съума сошла причитать“,—поворачивается и уходит в избу (Рост. у.). А в Крестецком у. причеты в день свадьбы уже лет 20 как вышли из употребления.

Но в других местах еще поется целый ряд свадебных песен и сохранились причитания. Так, в Кологривском у. невеста на другой день после сговоров встает с воем:

„Что встаю молодешенька,
Не по старому, не по прежнему“...

Когда же по вечерам к ней собираются девушки подруги, она их встречает следующими словами:

„Что не ласточка ли касаточка,
Высоко взвивается“...

А когда солнце на закате, она каждый вечер воет:

„На дворе день вецеряется,
Красно солнышко закатается“...

В Любимском у. девицы поют под окном сговоренки, если последняя не сирота:

„Ты изменная изменщица“... (Ш. № 2558 и др.).

Если же у сговоренки нет отца или матери, то поется:

„У реки было у реченьки"... (довольно далекий вар. Ш. № 1864 и др.).

Кроме этих двух, поют еще:

„Как весной во чистом поле
Поблекли розовы цветы"...

Сговоренка в ответ воет:

„Посмотрите-ко родители,
Во косящато окошечко
Да на моих-то на подруженек"... (Ш. № 2129 и др.).

Затем, когда девицы входят в избу, сговоренка им причитывает:

„Прошу жаловать, подруженьки"... (Ш. № 2235 и др.).

Девицы сговоренку унимают.

И в Пошехонском у. невеста приглашает подруг:

„Вы здравствуйте, мои голубушки"... (Ш. № 1294).

А они поют песни:

1. „Из-за лесу-лесу темного"... (Ш. № 1712 и др.).
2. „Что не трубочки трубоньки"... (Ш. № 1983 и др.).

Невеста благодарит их за то, что они навестили ее:

„Вам спасибо же, голубушки"...

Поют песни — „веселят" невесту — девицы и в Валдайском у. Кроме „Изменщицы" (см. вышеприведенный вариант Люб. у.) и варианта песни „Из-за лесу, лесу темного"... (см. Пошех. у.), поются:

1. „Во столовой новой горенке"... (дал. вар. Ш. № 1975).
2. „Что не конь ходил по бережку"...
3. „Как у нашей Пашеньки, у сизой голубушки"...
4. „Разлилась, разлелеялася
По лужкам вода речная"... (Ш. № 1964).
5. „Уж ты ель моя елинушка"... (Ш. № 1953).
6. „Расцветали цветы белорозовые"...
7. „Прощай ты жизнь, радость моя,
Ой, слышу, уедешь, радость, от меня"...

А в Череповецком у. девушки в один из вечеров перед свадьбой поют:

„Заря моя зорюшка,
да лели"... (Ш. № 2058).

Невеста отвечает на эту песню, обращаясь к запевальщице:

„Бог судья, сестрица милая"...

И в Ветлужском крае все время, пока невеста „сидит в сговоренках", девушки каждый день, как только стемнеет, приходят к ней с песнями. За ними валом валит чуть не вся деревня — ребята, парни, молодайки. Девушки входят в избу первыми и встают у стола, который накрывается белой скатертью и немного отодвигается. Невеста садится на переднюю лавку под „тябло", голову кладет на стол и обхватывает руками, причем повязана она „по бабьи". Как только девушки входят, невеста начинает причитать сначала тихо, а потом все громче и громче. Затем причитает, обняв дочь, ее мать. Далее сговоренка призывает замужнюю сестру. Та подходит и садится с левой стороны, тогда как мать сидит справа от невесты, и все трое причитают. Девушки с перерывами в 10 — 15 минут поют соответствующие песни, а невеста причитает беспрестанно, пока под конец не дорыдается „до тишины", т.-е. до обморока. Тогда подруги начинают ее уговаривать: „Аненка, брось, не реви, — есть не ты первая, не ты последняя идешь; ведь и мы только и гоношим как-нибудь скорея выдти замуж, да жанихи-ти каково-то беса не сватают". Если же невеста не приходит в себя, ее накрывают снятой со стола скатертью, уносят за перегородку, и две ближайших подруги остаются присматривать за ней.

Кроме того, устраиваются как бы специальные оплакивания невесты. Так, в Ленском районе, когда дары готовы, девушки собираются к невесте, в праздник, исключительно для того, чтобы „поопевать"; приходят и бабы, и дети, и парни. В этот день невеста должна обязательно плакать и не одеваться, как следовало бы, а ходить в простом обыденном платье. Кроме приводившегося выше варианта песни „Из-за лесу, лесу темного"..., в это время поются следующие песни:

1. „Ох, вы девки, вы девушки
   Голубимые симена"... (Ш. № 1480 — дов. дал. вар.).
2. „Во Китае было городе"... (Ш. № 1503).
3. „На плоту-плоту
   На серебряном мосту"...
4. „У высокого терема
   Золотые были выходы"... (Ш. № 1524).

В Кадниковском у. также, после того как дары готовы, на следующий день устраиваются „запричетки". С раннего утра изба невесты переполнена зрителями. Даже из других деревень, верст за 5, приходят девушки и парни. После завтрака невеста садится под иконы в передний угол, рядом с ней — приглашенная к ней на помощь причитальница. Все остальные тоже стараются занять место поближе к невесте. Невеста, закрытая шелковым платком, только охает и проливает слезы, чаще же плачет для вида (без слез), а причитальница заводит:

„Благослови-ко, Христос истинный"... (У Ш. имеется только запевка, см. № 1425).

Приносят просимую в причете „скрутушку добрую" — платье, шляпу и кладут на стол. Невеста „бухается" на нее и причитает. Ее оттаскивают и одевают. Невеста уливается слезами и „красуется" по полу. Все тоже плачут. Причитальница поет:

„Господарево ты мое, моя скрутушка добрая..." (у Ш. очень неполный вар. № 1656 или № 1301).

Скруту невеста передает младшей сестре, а если ее нет, то подруге, и начинает опричитывать всех родных, имеющихся в это время в избе. Невеста бросается каждому подзываемому на шею и оба плачут. Причитальница тянет:

„У себе есть во цёсном дому..."

Затем невеста прощается с подругами. Причитальница поет:

„Уж вам спасибо-жо, подруженьки,
Що не забываетё меня горёгорькую..."

На этом запричетки кончаются. Все расходятся по домам. Невеста и причитальница, оставшиеся почти без голоса, пьют сырое яйцо, „чтобы голос тянулся", подкрепляются чаем, пивом, ужинают.

В Череповецком у., через неделю после того, как невесту просватают, девушки приходят с беседы „кливить" невесту. Дорогой, идя к дому невесты, они поют:

„Никто-то меня не пожалеет
И никому-то меня не жаль..."

Невеста встречает их, ведет в избу, причитая:

„Ахти мне тошнешенько“... (Ш. № 1449)

По окончании причетов девицы расходятся по домам.

В Ростовском у. подруги невесты и парни на другой день после „запоя“ идут с разукрашенной лентами или разноцветными тряпочками „красотой“, т.-е. березкой (летом) или елкой (зимой), „гневить“ невесту. Подходя к дому невесты, поют „волюшку“:

„Воля, волюшка,
Воля - житье девичье...“ (Ш. № 1713).

С этой песнею привязывают красоту под окно невесты. „Глядельники“, то есть присутствующие при этом соседи, шумят, смеются. Близкие подруги выводят (под руки) невесту на крыльцо. На ней темный платок в нахмурку, кроме того к лицу она прикладывает носовой платок. Она причитает:

„Вы, голубки мои белые,
Вы, подружки мои милые,
Извини-ко-те, голубушки,
Что я вас млада не встретила...“ (Ш. № 1399 и др.).

Она вводит подруг в дом и обращается к родителям:

„Извини, кормилец батюшка,
Извини, родима матушка...“ (Ш. № 1655)

Затем, сажая подруг за стол, причитает:

„Вы садитеся, голубушки...“ (Ш. № 2010).

Потом обращается к матери:

„Ты, родима моя маменька,
Да об чем ты призадумалась...“ (Ш. № 1367).

Далее, обращаясь к подругам:

„Как пройдет зима холодная... “ (Ш. № 2238).

Если из присутствующих кто-нибудь плачет, то невеста причитает:

„Вы послушайте, добры люди...“

Выпив чаю, подруги встают и, уходя, приглашают невесту итти с ними на беседу. Невеста обращается к родителям с просьбой отпустить ее с ними:

„Прошу, кормилец тятенька,
Прошу, родима маменька...“

Потом просит сестру принести ей „цветно платьице“:

„Ты, голубка моя белая,
Ты, сестричка моя милая...“.

На просьбу невесты родители не отвечают и она обращается к ним:

„Не благодарю, кормилец тятенька,
Не благодарю, родима маменька,
Что не дозволили, родимые,
В веселую беседушку“.

Подруги выходят, и невеста им причитает:

„Благодарю я вас, голубушки...“

Дня через 2—3 у невесты устраивается „вечеринка“. Приезжает жених с близкими родственниками, крестными родителями, со своим „игроком“ (гармонистом), с девицами и товарищами.

Прежде всего жених должен „рассчитаться“ за невесту. Он дает деньги, которые идут парням. Затем садятся за стол, пьют чай и закусывают (стол этот перед вечериной называется „тужилки“). Первое место за этим столом принадлежит крестным жениха и невесты [1]). Со стороны невесты присутствуют также подруги. Невеста (в подвенечных цветах и в светлом, но не подвенечном платье) обносит гостей пряниками, карамелью, подсолнечниками. На „вечерине“ причетов не полагается. После угощения расходятся, а иногда устраивают танцы.

Следующий день — уже канун свадьбы.

Канун свадьбы.

а) У невесты.

1. Баня.

В большинстве случаев в баню невесту водят накануне свадьбы до девичника (Мих. и Удом. в.в. Вышневол. у.; Валд., Новг., Лужск., Тихв., Череп. и Рыб. у.у.) или после него (Кадн. и Люб. у.у.; Ленск. р.; Ветл. кр.), но бывает, что невеста ходит в баню утром в день венца (Лужск. у.) или же на неделе (Ермак. в. Пошех. у.).

---

[1]) С этого вечера жених и невеста сидят на шубе, чтобы жизнь была теплее.

Местами, напр., в Новгородском у., баня уже утрачивает свое прежнее обрядовое значение, ее топит, кто свободен, и невеста моется со всеми. Однако, там, где значение бани еще сохранилось, обычно топят баню и моют невесту девицы (Мих. в. Вышневол. у.; Ветл. кр.; Кологр., Рыб. и Череп. у.у.), причем, если баня в этот день была уже топлена для кого-либо, ее снова топят, иначе сговоренка в баню не пойдет [1]) (Рыб. у.).

Еще накануне, собравшись у невесты, девушки обсуждают сообща — как, у кого и рано ли топить баню, причем стараются выбрать баню на противоположном конце деревни, чтобы невеста могла пройти по всей деревне с причетами, и приготовляют веники, уряжая их лентами и разноцветными лоскутками и бумажками (Ветл. кр.). В Кологривском у. невеста ходит по домам и созывает подруг: „Аннушка, пойдем ко мне на помощь", и когда те соберутся, она обращается к ним с просьбой:

„Истопите, подруженьки,
Вы свою баньку - парушу..."

после чего те идут и топят баню.

Топя баню, девицы дурачатся, поют песни и при этом примечают — как бурлит вода в кадке, когда опускают туда раскаленные камни; головешек же клюкой не околачивают, так как в противном случае „муж будет колотить свою жену" (Рыб. у.; такая же примета существует в Лужск. у., отчего в бане часто угорают). Когда баня истоплена, девицы идут за невестой.

Почти каждый отдельный момент обряда хождения в баню сопровождается соответствующими причитаниями и песнями. Особенно полную картину в этом отношении дает материал по Кологривскому у. Так, когда баня истоплена, подруги, придя за невестой, садятся в кут и зовут ее:

„Пойдем, наша подруженька,
С нам во баньку, во парушу..."

---

[1]) Т. к. в бане часто „портят", то в некоторых местах, например в Валдайском у., в баню иногда не ходят „чтобы не испортили". В Кадниковском же у. невесту моет причитальница, которая часто вместе с тем и ворожея, и поэтому она лезет в печку вместе с невестой, где и моет ее с заговорами.

Тогда невеста обращается к родителям с просьбой дать ей „соломки со снòпицем, луцинки со гòрсточку, веницков хоть со свяслице, мыльца хоть со пецàтоцку“ — чтобы „помыться, попариться со своим со подруженькам“, начиная свою просьбу словами:

„Прнутихните, гуси, на море,
Заумолкните, люди, в тереме...“.

Затем она встает и просит благословения:

„Благословите, родители,
Вы меня молодешиньку...“

Девушки выходят из избы. Невесту, закрывшую лицо, две подруги ведут под руки. Спускаясь по лестнице, невеста причитает:

(на первой ступени)

„За родителя батюшку,

(на второй ступени)

За родитель за матушку
Я еще ступень ступила,
За кресного за батюшку
Я еще ступень ступила,
За красную за матушку
Я еще и т. д.
За царя благоверного...
За царицу благоверную...
Я за весь, я за род за племя...
За тетушек и за дядюшек...
И за сестриценек и за подруженек“...

А когда ступит на землю, говорит:

„Благослови меня, господи,
На широкую на улоцку...“

Затем продолжает:

„Уж ты лику́йся, красу́йся
Ты, моя дивья красота...“

Когда подойдут к бане, коренная подружка, которая вела ее под руку, входит в баню и затворяет ее. Невеста подходит и просит впустить ее:

„Ты отворь, моя подруженька,
Ты свою баньку-парушу,
Пропусти молодешеньку
С нам помыться, попариться...“

Та открывает, невеста входит в баню, садится на лавку и просит коренную подругу расплести ей косу и выплести девью красоту — ввязанные в косу на ремешке разноцветные ленты, которых числом столько же, сколько подруг:

„Расплети, моя подруженька,
Ты мою да косу русу...“

Выплетеные ленты коренная подруга раздает подружкам. Когда невеста вымоется, она опять садится на лавку и просит заплести ей косу и вплести в нее „два-ти ножика булатных, две-ти сабельци востры, чтобы обрезала кресна матушка свои бели рученьки по самые могучи плечи“:

„Заплети-ка, подруженька,
Ты мою да косу русу...“

Выйдя из бани, баню затворяют и встают в прибаннике:

„Раскотись, банька-паруша,
До единого бревнышка...“

Идя обратно, по дороге останавливаются, и невеста причитает:

„Вы постойте, подруженьки,
Подружки задушевные,
Не идут резвы ноженьки...“

И еще:

„Подождите, подруженьки,
Еще что-то почу́лося
В поседневой во сторонушке..“
(т.-е. в той стороне, откуда жених).

Подойдя к дверям избы, невеста причитает сначала отцу, а потом матери:

„Ты отворь-ко, кормилец мой,
Что кормилец мой батюшко,
Ты свое да тепло гнездо...“

Затем входит в избу, садится в кути и опять обращается к родителям:

„Что не спасибо, родители,
На пару вам на банюшке...“

В других местах хождение в баню также сопровождается песнями и причитаниями. Например, когда баню топят утром, мать будит невесту (Мих. в. Вышев. у.):

„Подойду я сиротинушка
Ко тебе, родное дитятко...“
(Ш. № 1665, вар. чрезвычайно далекий).

Девушки идут к невесте с песнями; стоя на улице, поют (Тихв. у.):

„Вечор маменькя запросватали
Не в веселую деревенькю...“

Входя в сени, продолжают (там же):

„Не ломитесь, сени новые...» (Ш. № 1647 — начало)

Невеста же причитает (Мих. в. Вышевол. у.).:

„Уж я сяду молодешенька
Ко круглу светлу окошечку...“ (Ш. № 1467—очень далекий).

Благодарит подруг за заботы (там же):

„Вам спасибо, милые подруженьки...“

Одна из девиц обращается к невесте с причетом (Череп. у.):

„Ты пойдем, сестрица милая,
Ты во байню-то во парушу...“ (Ш. № 1719 и др.).

(Варианты этого причета имеются и в других местах, например, в Валд. у. и Ленск. р.).

Невеста боится смыть свою красоту (Ленск. р.):

„Да не обман ли тепла паруша...“ (Ш. № 1648).

Или же невеста спрашивает (Тихв. у.):

„Я спрошу у вас, милы подруженьки,
Хорошо-ль в байни топилоси?“

Подруги отвечают:

„Хорошо в байни топилоси“

Невеста:

„Хорошо-ли растоплялоси?“ и т. д. (Ш. № 1647 — конец).

Потом просит у матери благословения (Лужск. у.):

„Благослови-ко-ся, родна маменька...“ (Ш. № 1720 и др.)

По выходе из бани невеста причитает (Лужск. у.):

„На стояньице, парна баенка...“ (У Ш. только строки 4 — 6, № 1309).

У дома невесту заставляют походить и поголосить. Она причитает (там же):

„Подождите, красны девушки...“ (Ш. № 1327).

В сенях продолжает (там же):

„Не ломитесь-ко, сени новые...“

Затем подходит к матери (там же):

Спасибо тебе, родна матушка,
На пару тебе на баенке...“ (Ш. № 1642—очень дал.)

И в других местах, например, в Ленском районе, невеста благодарит, причитая, своих родителей. Также и в Любимском у. после того, как невесту выпарит в печке (бань нет) подруга, невеста плачет и кланяется в ноги родителям, братьям и сестрам:

„Благодарствуйте, родильщик тятенька...“ (Ш. № 2391, последние 7 строчек).

В Тихвинском у. она, по возвращении из бани, благодарит подруг:

„Спасибо вам, спасибочко,
Мои милые подруженьки...“ (Ш. № 1648).

А в Череповецком у. она обращается к матери:

„Ты встречай, родима матушка,
Ты миня да красну девицу...“ (Ш. № 1688).

Идя по избе, она продолжает:

„Вы, голубушки милы сестры,
Вы, народ да люди добрые,
Мине дайте путь-дороженьку...“ (Ш. № 1688).

Невесту встречает мать:

„Ты дите да мое милое,
Я приму тебя на белы руки...“ (Ш. № 1663).

В Кадниковском у., где невесту вечером после „плаканья“ (см. девичник) моет причитальница (см. ниже), когда невеста проводит гостей, она опять плачет в своем „слезном углу“; причитальница причитает:

„Уж вы возьмите, подруженьки,
По топору вы по вострому...“

Девушки же в это время за дверью поют „баню“:

„Мы ходили-жо, подруженькя,
На широкую улоцкю...“

И при словах, „отворю я двери на пяту...“ врываются в избу, подбегают к невесте и допевают остальное. Невеста молчит. Затем девушки обращаются к стоящим здесь бабам:

„Уж вы бабы, вы бабоньки,
Не цяпайтес, не царапайтес.
Не про вас баня топлёна,

А про подружку-лебедушу,
Про сестрицю-голубушку.
Вам пора же, пора, бабоньки,
Итти домой обряжатисё, —
У вас телята не поёныё,
Да и робята не сошеныё,
Да мужовья не уважоныё."

Невеста и ее родные благодарят девушек и соседок, и те расходятся по домам.

Таковы песни и причеты, сопровождающие отдельные моменты обрядового хождения в баню. Теперь следует перейти к другим сторонам этого обряда.

Невесте расплетают косу. В некоторых местах, например, в Рыбинском у. и в Михайловской в. Вышневолоцкого у., это делают еще дома; в других же, как в Удомельской в. Вышневолоцкого у. и в Кологривском у., это делают уже по приходе в баню. В Рыбинском у., когда невесту начинают собирать в баню, ее сажают за стол; она наклоняется над столом, кладет голову на руки, и ее закрывают шалью. Тогда к ней подходит маленький брат, а если его нет, то отец, который поднимает с ее головы шаль, развязывает у косы узел и расплетает косу. Ленту, вынутую из косы, невеста отдает своей сестре или, за неимением сестры, — подруге. В Михайловской в. Вышневолоцкого у. косу невесте расплетает старшая подруга; невеста при этом плачет, просит дать ей „покрасоваться еще в девушках". В Удомельской в. Вышневолоцкого у. косу невесте расплетает тоже подруга; она же после мытья и заплетает ее (тоже в Кологр. у., см. выше).

Перед тем, как невесту поведут в баню, родители, сначала отец, а потом мать, благословляют ее образом и прощаются с ней (Рыб. у.; см. также соответствующие причитания). Затем подруги накрывают невесту шалью, и две из них берут ее под руки и ведут в баню (Рыб. у.). В Ветлужском крае невесту также ведут в баню под руки две подруги, причем она так закутана в черную шаль, что лица ее не видно. Под руки ведут невесту и в других местах, напр., в Лужском у. (см. также Кологр. у.).

Одна из девушек, идущая впереди всех, несет на длинном шесте разукрашенный веник, другие несут подвенечное белье невесты, которое она наденет после мытья (Ветл. кр.)

В других местах, например, в Валдайском у., также еще сохранился обычай украшать веник и, кроме того, здесь дорогу до бани „вишат“ [1]) прутиками из веника. Но местами, как, например, в Новгородском у., это уже отошло в область воспоминаний,—и веник не украшают, и не несут, как бывало, впереди невесты. В Лужском же у. веник даже нельзя брать с собой, так как „муж будет бить“.

Подойдя к бане, сговоренка молится на четыре стороны, потом одна входит в баню, где также молится на четыре стороны; за ней входят подруги (Рыб. у.; см. также Кологр. у.). Сговоренка, раздевшись, начинает хлестать своих подруг поясом или цепочкой от креста (Рыб. у.); в Череповецком же у. невеста, придя в баню, берет веник и „хвощет“ [2]) им девиц (существует примета, что та из девиц, на которую упадет первый удар, в этом же году выйдет замуж). Сговоренку моет жениховым мылом (см. „Девичник“) одна из ее подруг; помыться жениховым мылом и подушиться его духами приходят и девушки (Рыб. у.).

В Ветлужском крае до мытья в бане устраивается угощение. Девушки раздевают невесту, раздеваются сами. Потом пьют вино, поят и невесту, закусывая „губиной“, огурцами и капустой. Затем на каменку поддают квасу с хмелем или вином (в Мих. в. Вышневол. у. в бане также льют на каменку приготовленное пиво, остатки которого допивают девушки) и начинают парить невесту в 2—3 веника сразу, приговаривая в такт:

„Дуйся, хохол,
Раздувайся, хохол,
После завтра, хохол,
Будешь женихов“.

„Парила, напарила,
Чеботом ударила,
После пару, после жару
Жанишок тибе наярит“.

Невесту не спускают с полка до тех пор, пока она не назовет имени и отчества своего жениха. Чем дольше она не называет его, тем выше поднимается ее авторитет в глазах подруг. После паренья ее трижды окачивают ключевой водой, принесенной заранее из трех мест, — „чтобы смыть всю девическую шалость“, а также, чтобы оградить невесту от нечистой силы.

[1]) вешить — ставить вехи.
[2]) хвостать — хлестать.

В Ленском районе невеста в бане моет только лицо и руки.

Надо сказать, что в баню, кроме подруг, невесту сопровождает чуть не вся деревня: парни, девушки, мальчишки (Ленск. р.; Ветл. кр.), даже из чужих деревень собирается народ (Рыб. у.). Мальчишки поют „похабные" песни и делают свои замечания (Ветл. кр.). Девушки около бани поют, пляшут, бросают веник через баню, повернувшись к ней спиной и перебрасывая веник обязательно через голову (Рыб. у.). Парни же, толпясь у бани, стараются как-нибудь попасть внутрь, но от них запираются, и они колотят по стенам поленьями, заглядывают в окна и безобразно ругаются (Ветл. кр.). Девушки завешивают окна, но парни не оставляют их в покое. Какой-нибудь „охальник" ворвется в баню с ведром холодной воды и окатит ею девушек. Или придумают что-нибудь еще похуже. Раз один из парней выстрелил в окно из ружья холостым зарядом, стекло разбилось и осколками поранило девушек (Рыб. у.). В Ленском же районе молодежь, особенно парни, запасаются заслонками от печей, обломками от чугунов, колокольцами и другими звенящими предметами и, когда невеста заходит туда, они бегают, стуча и крича, вокруг бани; а когда невесту выведут и все отправляются обратно, парни выхватывают из рук девушек веники, мочат их в воде, в которой мылась невеста, и обрызгивают ею девушек.

По выходе из бани сговоренка опять молится на четыре стороны, ее низко повязывают шалью и ведут под руки, с причитаниями, домой (Рыб. у.). В Лужском у., когда невеста вымоется и выйдет из бани, ей дают в руку разубранную искусственными цветами елочку; девушки же (шаферицы), выйдя из бани, ломают на кусочки и раздают собравшимся у бани женщинам пирог. С пирогом в баню входят и в других местах. Так, в Михайловской в. Вышневолоцкого у., придя в баню, раздают маленьким ребятам нарезанный кусками пирог. В Удомельской в. этого же уезда такой нарезанный кусками пирог выносят и раздают народу (преимущественно этим пользуются мальчишки) домашние невесты в качестве „молиника" за нее, когда она идет в баню.

Невеста возвращается домой с причитаниями (см. выше причитания). Отец с матерью выходят на крыльцо с иконой;

сговоренка молится; родители благословляют и целуют ее (Рыб. у.); затем угощают девиц. В Рыбинском у. девушки пьют чай с жениховым пирогом и гостинцами, обедают, и при этом спрашивают сговоренку, чей она пьет чай и чьи гостинцы и пирог ест. Поломавшись, она называет жениха по имени и отчеству. Девушки потихоньку прячут кусочки от женихова пирога и гостинцы по карманам, и когда ложатся спать, кладут их под подушки, чтобы каждой из них приснился ее суженый.

Если баня устраивается до девичника, то, угостив девиц, приготовляются к девичнику.

2. Девичник.

Девичник, носящий также название вечерин (Валд., Новг. и Тихв. у.у.; Мих. в. Вышневол. у.), чаще бывает накануне свадьбы, но не везде, — напр., в Ветлужском крае девичник или „вичер" устраивается за несколько дней до свадьбы; при этом девичник не везде бывает в одно и то же время дня, что будет видно ниже. Следует при этом заметить, что, так как содержание кануна свадьбы очень разнообразно для отдельных мест, то трудно было сделать сводку материала по данному вопросу, и поэтому ниже пришлось дать описание частных случаев.

Так, в Ростовском у. и в Ленском районе накануне свадьбы устраивается угощение, на которое с обеих сторон собираются все гости, приглашенные гулять на свадьбе. В Ростовском у. этот пир носит название „сговоров", в Ленском районе он называется „сватаньем".

На „сговорах" невеста—в подвенечных цветах. Когда все гости соберутся, родители невесты благословляют жениха и невесту иконой и хлебом, после чего крестный невесты соединяет правые руки жениха и невесты и ведет их за стол (присутствие крестных родителей жениха и невесты обязательно; если кого-нибудь из крестных нет в живых, то на этот вечер выбирают заместителя).

За столом рассаживаются в следующем порядке: „на кресте" — в красном углу, на левой лавке — садятся: крестный жениха, крестный невесты; дальше жених, тесно рядом с ним невеста, возле нее крестная жениха, крестная невесты, затем садится женихова родня и уже совсем с краю родня

невесты. На правой лавке садятся: первый — священник (как гость), с ним рядом родители жениха, затем остальные родственники жениха и невесты.

Когда все рассядутся, приходят девушки и ставят на стол против невесты ту „красоту", с которой они приходили „гневить невесту". При этом они поют:

„Зеленейся в саду, грушица,
Ты красуйся, красна девица..."

Потом подходят с блюдцем к жениху: „Расплатитеся за красоту, Семен Федорыч!" Жених расплачивается. Затем девушки ему поют:

„Как у всех-то ли кони под коврами,
У Семена-то конь под тафтой,
Ой люли, под тафтой..."

Подходят к невесте и поют:

„Земляниченька ты ягодка
Не созрела не доспелая..." (Жених расплачивается за обе песни).

Потом девушки припевают жену крестному жениха:

„Что сказали Иван-от не богат..." (III. № 2310).

Дальше поют крестной жениха:

„Уж как кто у нас в пиру сидит хорош..."

Крестной невесты припевают:

„Уж ты винная ягодка..."

Потом девушки поют всем гостям по очереди. Вдовушке поют особую „вдовью" песню:

„Уж ты вдовушка, вдовушка..." (III. № 1775 — далекий).

Или:

„Как на дубике, дубике..." (III. № 2433) (При этой песне вдовушка плачет).

Беременной женщине:

„Во горнице во новой..." (III. № 1585).

Ее мужу:

„Што уж Федор косил травоньку..."

Шаферам или дружкам девушки припевают невест:

„У молодчика, у веселенького..."

Второму дружке поют:

„В том конце, в том конце гуляет детинушка...“

Дружке припевают, конечно, ту девицу, которая ему нравится. В конце песни кричат: „горько“. За деньгами сначала подходит другая девица, т.-е. не припетая; дружка ей не платит, а требует припетую. Когда та подходит к дружке, гости опять неистово кричат: „горько“, после чего она с дружкой целуется сначала „в окошечко“, т.-е. приподнимают соединенные, как для пожатия, руки выше лица и целуются, а после по требованию гостей, чтобы они поцеловались „с фасоном“, целуются „крестиком“, т.-е., как христосуются, трижды; затем, не выпуская руки дружки, девушка поворачивается вокруг себя и опять его целует.

Покончив с „припевами“, гости выходят из-за стола, который „убирается“, т.-е. накрывается на обед. Обед на сговорах не уступает свадебному и будет описан в отделе „княжой стол“. Рассаживаются за этим столом в том-же порядке, что и за чаем. После „сговоров“ гости разъезжаются, а вечером у невесты устраивается девичник.

В „сговоры“ мать невесты печет два небольших круглых хлебца, которые „под жениха и невесту подкладывают“, т.-е. кладут на стол перед женихом и невестой. Эти хлебцы в день венчания берут в церковь и затем во время свадебного стола молодые едят их прежде всего, как „святой хлеб“.

„Сватанье“ в Ленском районе назначается разно: иногда оно начинается с утра, иногда с вечера и продолжается до утра.

Приехавшие от жениха „сватова“ слезают с повозок и на улице ждут себе встречи. Родители невесты, заслышав колокольчики, выходят по „звозу“ [1]) с братыней пива здороваться с приезжими и по „звозу“ через „повить“ [2]) заводят их в избу. Гости рассаживаются по лавкам (жених с тысяцким садится на переднюю лавку).

Невесту не одевают, пока не приедет жених. Когда он приезжает, невесту прежде всего ведут смотреть его, но так,

---

[1]) Звоз — деревянный настил со двора в верхний сарай или сенник, для въезда туда с возом.

[2]) Повить — крытое место над скотным двором, частью застилаемое накатом.

чтобы „сватова“ этого не заметили (все свахи невесты велят ей смотреть, как можно пристальнее), после же приготовляют к одеванию и одевают. В комнату, где одевают ее, впускают дружку жениха, который просит, чтобы начали одевать невесту и отдает принесенное от жениха его обручальное кольцо. Перед одеванием невесту благословляют родители также, как они это делают утром в день свадьбы. Затем приступают к одеванию невесты (при этом следует отметить, что невеста должна обязательно креститься, как только начинает одевать новую вещь). Сначала одевают ей башмаки. После этого она умывается из братыни, куда кладут крест и оба обручальных кольца [1]). Когда она умоется, то этой водой обрызгивают всех, как в избе, так в сенях и на улице. Сватья старается вылить воду на девушек, так как есть примета, что, если этой водой облить девушку, то она скоро выйдет замуж. Потом на невесту надевают рубашку с широкими рукавами, поверх ее шелковую юбку и на плечи „коротиньку“ — душегрейку синего или зеленого цвета; заплетают одну косу и вплетают ленту (другие, бывшие в косе, невеста тут-же дарит подругам, сестрам отдает бусы), на голову надевает красный „отдирок“, завязывая кончики напереди, а головной платок свертывают треугольником и перекидывают через левую руку; на палец надевают кольцо.

Затем сватья-„божатка“ (крестная мать) выводит ее к жениху. (Невесте говорят, чтобы она, здороваясь с женихом, обязательно наступила ему на ногу, — тогда она будет жить хорошо и будет над ним хозяйкой). Жених, услышав, что ведут невесту, встает, кланяется ей; она тоже кланяется; затем они целуются. Далее она точно также здоровается со всеми родными, после чего выпивают по стакану пива.

После „здорования“ все рассаживаются и начинается стол с дареньем и песнями. Садятся за стол обязательно по старшинству, причем жених и невеста сидят в переднем углу, на вывороченных шерстью вверх шубах, за первым столом; вместе с ними садится родня жениха, а родня невесты садится за другой стол, который иногда, если мало места, стоит даже в другой избе. Порядок рассаживания следующий: женщины садятся по правую сторону невесты на лавке

[1]) Точно также умывается невеста перед одеванием и в день свадьбы.

около стены по направлению к порогу, а мужчины слева от жениха, на скамьях против женщин; при этом рядом с женихом садится тысяцкий („хресной"), а рядом с невестой — сватья жениха.

Перед началом угощения, как только все усядутся за стол, происходит одаривание „сватовщиков". В кут избы приносят сундук с дарами. Божатка невесты берет медный или железный поднос, на котором потом будут подавать пиво, кладет дары, обычно полотенца, подносит к столу и передает невесте, а та одаривает всех, кому может подать со своего места. Дарят по старшинству и родству (чем ближе родня, тем лучше дары), причем начинают дарить всегда с жениха, которому подносится лучшее полотенце. Невеста кланяется ему три раза, он с поклоном берет полотенце и отдаривает невесту деньгами. Таким же образом она дарит и прочих гостей, а те отдаривают деньгами, которые невеста кладет в стакан. (На эти деньги она покупает себе какую-нибудь „лопотину" — юбку, платье и т. п.).

Все время пока дарят, жених и невеста стоят и кланяются. При дарении особые профессионалки опевальщицы, сидящие в куте под брусом на передней лавке, опевают каждого одариваемого, изменяя обращение в песне:

„На уличе дожжи дожжат..."

Когда даренье кончится, жених и невеста садятся, и начинается стол. Родители невесты обходят всех гостей с вином и пивом. Подробное описание блюд, как и для Ростовского у., будет дано в „княжом столе", здесь-же надо только указать, что подаваемая перед караваем задняя лопатка, которую теща приносит на стол в подарок жениху, не разрезается.

Весь стол сопровождается песнями. Если угощенье затягивается, то повторяются различные песни, певшиеся ранее, но сначала поются песни, приуроченные к сватанию:

„Во лузях вода разливалася..." (2 варианта).
„Из-за лесу, лесу темнова..." (III. № 1712 и др.).
„На плоту, плоту, на серебряном мосту..."

Дальше идет величанье, начиная с жениха и невесты:

„Все гости добры, все гости добры..."

Затем девицы выспрашивают за величанье деньги:

„Ты, Егор, господин, послушай..."

Жених расплачивается за себя и невесту. Получив деньги, девицы благодарят:

„Благодарствуй, Егор, господин, благодарствуй..“

Перед окончанием стола поют:

1) „Не было ветру, — навеяло...“ (Ш. № 2308 и др.).
2) „Кормилеч мой, батюшко...“

После второго сладкого пирога, который тоже не разрезается, все гости, кроме невесты и жениха, выходят из-за стола, столы убирают, „сватанье“ кончается, а за ним следует пропивание невесты ее родственниками. На стол приносят вино, ставят рюмку и тарелку с пряниками. Жених наливает, а невеста угощает. Первым „прощаться“ подходит отец, за ним мать, братья, сестры и остальная родня. Подходящие целуются с женихом и невестой, плачут с последней с причетами, особенно плачут отец и мать, затем выпивают рюмку вина и закусывают пряником.

При этом поются следующие песни:

„Ты, кормилеч мой батюшка,
Не ходи к вину-чарочке... (Ш. № 1554).

Ту же песню поют матери.

Когда с невестой попрощается родня и все подруги, ее выводят из-за стола; все молятся богу, после чего приступают к покрыванию невесты. Сватья-божатка подает жениху шаль — „покров“. Взяв ее за два угла и став против невесты, жених трижды против солнца обносит эту шаль вокруг головы невесты, после чего накидывает ее на невесту, „покрывает“ невесту [1]). Во время „покрывания“ „песельницы“ поют:

„Удалой, доброй молодец
Да Егор Васильевич!
Проиграл свой тальянский плат
Не за грош, не за денежку,
Не за медну копеечку,
А за одну русу косыньку
Да свет Марьи Ивановны“.

[1]) Невеста ходит покрытая до венца в знак того, что теперь она запоручена, пропита жениху, так как на пропоины вино идет от жениха.

Когда невеста покрыта, мать берет ее за руку, уводит и садит в кут под „грядки". Начинается „приплакивание". Рядом с невестой усаживается „приплакальщица", которая запевает:

„Из-за лесу, лесу было темнова"...

Приплакивать к невесте подходит жених, вся ее родня и подруги. Каждого подходящего к ней невеста закрывает „покровом" и плачет с ним. Первым подходит жених. Он приносит невесте на платье, сарафан и т. п. Приплакальщица поет ему:

„Ветром двери отвори..."

Жених садится на стул против невесты, она закрывает его „покровом", а он кладет ей на колени подарок („наколинник"). Приплакальщица продолжает:

„Ты на что несешь да тратишься..." (Ш. № 1325).

Потом невеста благодарит жениха за подарок:

„Благодарствуй, чуж-чуженин..." (Ш. № 1314).

Родным приплакивают:

„Приходи-ко, батюшко кормилец,
Не убойся моих песен бесконешных..." (Ш. № 1452, дов. далекий вар.)

После приплакивания невесту ведут в баню (см. выше). После бани невесту кормят вместе с женихом и дают отдых до венца. Все гости остаются ночевать.

В Кадниковском у. с утра начинается „плаканье". Невеста, одетая в нарядное платье и покрытая шелковым платком, занимает свое место в переднем углу под иконами; с нею садится „причитальница". Причитальница запевает:

„Благослови-ко, Христос истинный..." (Ш. № 1434).

На стол, за которым сидит невеста, ставят кушанья и просят девушек откушать хлеба-соли.

После угощения тут же за столом девушки поют „Изменщицу" и еще:

„Не буди, родимая, рано по утру..."

Поются также и частушки, по содержанию подходящие к положению невесты; например, девушке, — у которой нет

отца, старший брат живет отдельно, матери не помогает, мать живет бедно, — поют:

1. „Без родименкёва тяти
Не заводит скруты мати,
Не заводят братовья,
Пойду в цюжиё люди я".
2. „У подружки во груди
Ветоцкя шипишная [1]),
Подружку взамуж отдают,
Видно в доме лишняя.
3. „Как бы был родимый батюшко
И было бы не то, —
Завели бы скруту добрую
И довгое пальто".

Затем причитальница опять запевает:

„Наша пора, лебеди белые,
Итти на сараи-то на зыбуцие,
Да на сарай нам красоватисе
Со подружками лебедушками".

Все выходят из-за стола и идут на сарай, где невеста „красуется" посредине; девушки окружают ее. Причитальница поет:

„Уж вы посмотритё, люди добрыё..."

Затем невеста начинает опричитывать подруг. Причитальница сначала обращается ко всем подругам:

„Уж вам спасибо-жо, подруженьки..."

Потом вызывается каждая девушка отдельно, подруги оплакивают друг друга.

Наплакавшись, возвращаются в избу. Вскоре приезжает „на сидины» (девичник) жених.

В Новгородском у. девичник также начинается „плаканьем".

К вечеру приезжают все приглашенные на свадьбу, при этом из каждой родственной семьи привозят хлеб-соль [2]). Послушать плаканье приходят также и посторонние девицы и замужние женщины (мужчины не бывают или сидят в дру-

[1]) Шипишник — шиповник.

[2]) В других местах, например, в Кадниковском у., также все, кто приглашен на свадьбу, приносят по караваю хлеба; в Удомельской в. Вышневолоцкого у. каждый гость приносит хлеба и мяса.

гой избе, причем всегда за слезы ругаются, просят перестать).

Когда невеста, одевшись в другой избе в венчальный наряд-платье, венок и фату, — выходит к народу, мать, а затем тетки при виде ее начинают причитать:

„Провожу я сиротиночка,
Тибя бедну молодешиньку..." (Ш. № 1663).

Невеста тем временем обходит подруг и теток с плачем, но без причитаний (зимою невеста прощаться с девушками ходит на супредку). Потом она садится и начинает причитать:

„Все прошло и миновалоси,
Все гуляньицо и все весельицо..." (Ш. № 1655).

Затем невесту благословляют отец, мать и крестный (благословляют так же, как утром в день свадьбы), после чего она заходит за стол, берет в руки бутылку и рюмку и по очереди, начиная с отца, подзывает всех к столу. Каждый, пожелав невесте счастья и согласия в новой жизни, выпивает рюмку водки и дарит деньги, сколько может; больше всех дарят отец, мать, братья, мужья сестер, сестры и т. д. За поздравлением начинается ужин; невеста снимает венчальный наряд и садится среди подружек.

В других местах в „вечерины" также благословляют невесту и подкликают к рюмке родных. Так, в Удомельской в. Вышневолоцкого у. невеста садится за стол к поставленной на нем елке [1]), заранее сделанной вечеринщицами-подругами и, „курнувшись", плачет. Затем отец берет ее за руку, выводит из-за стола и, сначала родители, а потом крестный и крестная благословляют невесту (см. „Утром в день свадьбы"), после чего отец таким же образом заводит ее за стол, где она садится на подушку; рядом с ней садятся ее подруги-вечеринщицы. Хозяин приносит пиво и самогонку и выкликает всех родных и знакомых, называя имя, отчество и фамилию: "... повыйди, повыступи по новой горнице, по светлой светлице, сам себя покажи и людей погляди". Вызванный выходит, высказывает невесте пожелания, выпивает пиво и вино, кладет на стол в тарелку сколько-нибудь денег. Невеста встает и раскланивается.

[1]) Описание елки см. в отделе: „Утро в день свадьбы, у невесты".

В Череповецком у. невесту одевают в лучшее платье, покрывают ей голову платком и обвязывают лентой (одевают девушки, первые являющиеся на девичник); затем невеста и девицы садятся за накрытые столы и ожидают родственников невесты.

Когда родственники приходят, девицы на мотив причетов запевают:

„Возрадуйся, ретиво сердце,
Бог дает да дорогих гостей;
Гости званые и жданые,
Уж их звал кормилец батюшко,
Кланялась родима матушка".

Во время песни невеста стоит и качает головой. Справа и слева около нее стоят две ее „подручницы".

Затем, начиная с отца и матери, девицы подзывают к стакану пива и рюмке вина всех родственников невесты:

„Я подкличу, красна девица,
Своего кормильца батюшку..." (Ш. № 2199).

Пиво и вино молча подает невеста. Выпив, каждый бросает на тарелку деньги. Девицы его благодарят:

„Благодарствуй, кормилец батюшко..." (Ш. № 1909).

Когда все родственники подозваны, невеста садится, откидывает с лица платок назад, и начинается угощение. Приезжает жених, его также подзывают к стакану, а затем сажают рядом с невестой. Во время вечера девицы поют жениху песню:

„При вечере-вечере
При Аксиньине девишничке..." (Ш. № 1650 и др.).

Жених уплачивает за песни деньгами или гостинцами.

Вскоре жених уезжает. Гулянье продолжается, прерываясь причетами невесты:

„Что-же я да засиделася..." (Ш. № 1383, № 1453).

Затем она, обращаясь к брату, посылает его встретить другого брата:

„Ты, сокол, да братец миленький...

Спустя некоторое время невеста встает и причитает:

„Мне причулось и прислышалось,
Что в чистом полюшке присвистнуло..."

В Тихвинском у. невеста, прежде чем сесть за стол (за этим столом подают чай, ужин: щи, суп, студень, мясо, молоко, вино, пиво, сладости, кокорки, калишки), плачет и просит, чтобы ее благословили:

„Как-жо мни-то не хотелося
Сесть на это, это местичко...“

Отец благословляет, говоря: „Господь благословит“.

Когда мать подает последнее угощенье — яичницу, она обращается к дочери со словами:

„Уж я стану, сиротиночка,
На свои на скоры ноженьки...“

Невеста отвечает:

„Понапивши, понакушавши
Спозараньей поры-времечки“...

Мать продолжает:

„У вас ложечкя сухонькя,
Ломоток хлебца целехонек ..“

Невеста:

„Ты не потчуй государинька...“

Девицы выходят из-за стола и поют невесте:

„В ясном тереме свечи горят...“ (Ш. очень неполный вариант № 1727).

Невеста плачет:

„Уж я повыйду, молодехонькя,
Из-за столов да из-за дубовыих...“

Затем отдает красоту:

„Потрухнись-ка, да цветно платьице,
От тесовенькей от лавочки...“

Отдав красоту, продолжает:

„Я чего сижу да думаю,
Я чужие басни слушаю...“ (Ш. № 1655).

Ее утешают.

В Ростовском у. невеста также, после угощения, отдает красоту. Рядом с невестой сидит ее задушевная подруга. Закрыв лицо руками, невеста начинает:

„Благослови-ко меня, господи,
На сем местечке посидеге...“ (Ш. № 1697).

Когда невеста кончает это причитание, ближайшая подруга расплетает ей косу; невеста причитает подруге:

„Ты, голубка моя белая,
Ты, подружка моя милая...“ (Ш. № 2156).

Вынув из косы ленту, подруга кладет ее на тарелку; затем две девушки берут невесту под руки и подводят ее к родителям, стоящим посредине избы. Направляясь к отцу, невеста причитает:

„Вы раздвиньтесь, дубовы столы...“ (Ш. № 1312).

Подойдя к нему продолжает:

„Ты послушай-ко, кормилец мой...“ (Ш. № 2032 — неполный вариант).

Она обнимает отца за шею, целует его, затем кланяясь в ноги, просит взять ленту. Отец ее поднимает, но ленты не принимает. После этого невеста обращается к матери:

„Ты послушай-ко, роднмая...“ (Вариант пред. причета).

Обнимает мать, целует, кланяется в ноги, но та тоже не принимает ленту. Тогда она обращается к подруге:

„Ты, голубка моя белая,
Ты, подружка моя милая...“ (Ш. № 1667, посл. 15 стр.)

Подружка принимает с тарелки ленту. Невеста обращается к брату:

„Ты послушай-ка, яшон сокол...“

Затем к замужней сестре:

„Ты, голубка моя белая,
Ты, сестрица моя милая...“

В Лужском у. невеста „отдает волю“ вернувшись из бани. Она обращается к брату:

„Попрошу я тебя, братец родненький,
Не пожалей ты скорых ноженек...“ (Ш. № 1435).

Выплетает из косы ленту, косу кладет на плечо. Затем обращается к матери:

„Погляди-ко-ся, родная матушка,
Пораспустилася моя руса коса...“

Волю отдает подруге или сестре:

„Хоть подойди-ко-ся, моя подруженькя,
Ты возьми-ко-ся мою вольну волюшку..." (продолжение предыдущего причета).

В Грязовецком у. в девичник у невесты „красование на улице", а девью красоту отдают в день свадьбы — „сваребник" [1]) — утром [2]). В „красование на улице" невеста начинает причитать в избе и причитая выходит на улицу:

„Благослови меня господи, мати божья богородица..."

Затем возвращается в избу:

„Гебе спасибо, родной батюшко,
Отпустил ты меня, родной батюшко,
На широкую на улочку,
В достальное последнее,
Со подружками-голубушками".

В Валдайском у. девушки в „вечерины" поют невесте под окном:

„Что на синиим на море,
Что на белыим на камушке..."

Невеста плачет сначала на окне:

„Сяду я, горькая молодешенька,
На тесовую-то я на лавочку,
Под косящатое окошечко..." (Ш. № 1376).

Затем продолжает плакать на столе:

„Дубовые новые лавочки,
Золоты новы причелинки..."

Девушки входят и поют:

1. „При остатней поре-времечке..." (Ш. № 1650 и др.).
2. „Расшаталася грушица..." (Ш. № 2158).

Если же невеста очень плачет, то:

„Ты не плачь-ка, наша умница..." (Ш. № 1727).

---

[1]) В Грязовецком и Кадниковском уу. день свадьбы называется „сваребником".

[2]) В Череповецком у. также утром в день свадьбы, после выбора проводников (см. „Утро в день свадьбы, у невесты") „спускают красоту".

Затем они кланяются, уходят. Невеста встает, кланяется, благодарит:

„Вам спасибо, мои милые подруженьки,
Что пришли повеселить горькую молодешеньку...“
(Ш. № 2184).

Когда она кончает причет, подруги уже за дверями. Плачет невеста на „вечерине“ и родным.
Отцу:

„Ты не радуйся, родный батюшка,
Это были не гости, не приятели...“

Матери:

„Родная ты, моя матушка,
Около кого ты ухаживаешь, убиваешься?
Это были гости-то неприятели...“ (вар. пред. причета).

Брату:

„Подойду я к тебе, горькая молодешенька,
Попрошу я тебя, братец родный мой,
Ты возьми-ка в руки вострый топор...“ (Ш. № 2248).

Если же на чужбине кто-нибудь из родных:

„Сяду я, горькая-то молодешевька,
Под косящатое окошечко...“ (Ш. № 1453).

В ответ на плачи невесты, поют:

„Лежи древечко...“

Мать невесты тоже плачет:

„Чадушка ты, моя милая...“ (Ш. № 1645).

Если же невеста сирота, она горе свое „приплакивает“:

„И да как я все сяду
Уж сиротинушка...“ (Ш. № 1327).

Подруги в ответ на „плак“ невесты поют:

„Уж ты ель моя, елинушка...“ (Ш. № 1953).

Или:

„Разлилась, разлелеялась...“ (Ш. № 1694).

Или:

„Отставала лебедь белая...“ (Ш. № 2159 и др.).

Невеста плачет (с матерью), ищет отца:

„Стану я, горькая сиротинушка,
На свои на скорые-то ноженьки...“ (Ш. № 1670).

Просит брата:

„Попрошу я тебя, братец родный мой,
Поди, выдь-ка-сь ты на широкий двор,
Подседлай-ка-сь ты ворона коня...“ (Ш. № 1411 и др.).

Подруг невеста-сирота благодарит причетом, близким к приведенному выше причету невесты не сироты:

„Вам спасибо, мои милые подруженьки.. “

Так в разных местах проходит последний день перед свадьбой. В заключение надо сделать несколько общих замечаний. Можно сказать, что всюду невеста в этот день приглашает девушек-подруг и (Ник. у.; Мих. в. Вышневол. у.; Пошех. и Рост. у.у.) знакомых парней. Являются и родственники невесты (Тихв., Череп., Новг. у.у.; Удом. в. Вышневол. у.). Обычно приезжает и жених (Ленск. р.; Люб. и Пошех. у.у.), иногда со своими родственниками (Ник., Череп. и Кадн. у.у.—„презжает на сидины“).

Для приглашенных почти всюду устраивается угощенье, причем в Никольском у. девушек и парней угощают за отдельным столом; в других местах, например, в Пошехонском у., парней не угощают (в Ермак. в. того же уезда после угощенья приносят солому, в которой катают жениха, невесту, всех девиц и парней).

После угощенья девицы и парни пляшут (для танцев, обыкновенно, приглашают гармониста — Удом. в. Вышневол. у.), жених и невеста тоже пляшут, но мало (Ник. у.); в других же местах, например, в Михайловской в. Вышневолоцкого у., невеста, принаряженная, сидит в переднем углу на подушке, не принимая в веселье никакого участия.

В Кадниковском у. собравшаяся из окрестных деревень молодежь устраивает гулянье на улице в то время, как в избе невесты происходит „плаканье“ (см. выше).

Большей частью жених не остается до конца девичника, а после угощенья уезжает. В Никольском у. жениха перед отъездом дарят платком, приехавшую с ним сестру — полотенцем, отца—холстом, брата—на рубашку. Дарят всех приехавших с женихом (обычно гостей приезжает много) и в Кадниковском у. (раньше дарили кому ситцевый платок, кому—полотенце; теперь всех дарят полотенцами).

Следует еще заметить, что жених в этот день обычно привозит невесте и ее подругам гостинцы,—большей частью, какие-нибудь сладости (Кадн., Ник. у.у.); в Любимском у. он привозит пирог, вино, пиво, говядину, а также ленты (невесте и подругам в одном куске) — невесте 2 аршина, девицам по аршину; в Михайловской в. Вышневолоцкого у. жених, кроме сладостей, привозит невесте свадебный подарок [1])—сапоги, чулки, гребень, зеркало и мыло; в Ермаковской в. Пошехонского у. с подарками невесте (ботинками и пр.) приезжают, после отъезда жениха от невесты, его родители. В Рыбинском же у. накануне свадьбы от жениха приезжает „ходатаиха" одна или еще со свахой и привозит невесте: два куска мыла — кусок серого, простого, и затем душистого,—гребень, флакон духов, баночку помады, зеркало и пучек шпилек. Сваху и ходатаиху угощают чаем, девицы же припевают им:

„У нас свахонька хорошенькая...".

Те отдаривают девиц деньгами, пьют чай, обедают. Во время чая девицы подают ходатаихе на тарелке, в подарок ей от себя, сшитый из бумаги маленький сарафанчик с проймами и бантиками на плечах. Та принимает поднесенный подарок и отдаривает девиц деньгами (иная ходатаиха положит на тарелку только одну копейку). С ходатаихой девицы посылают подарки жениху: разукрашенный ленточками и бумажками веник; сделанное из лоскутков коленкора крошечное полотенчико с кружевами; рубашечку из лоскутка ситца; штаны, сапоги из бумаги или сукна; затем вместо духов воды в пузырьке, вместо помады клюквы с мукой и, наконец, вместо угощенья—накрошенный и завернутый в бумажке картофель и угли.

Вечером, когда девичник кончится, ближняя подруга заплетает невесте в косу столько лент, сколько у невесты подруг. Ленты эти выплетаются и раздаются утром в день свадьбы (Ермак. в. Пошех. у.; см. „Утро в день свадьбы, у невесты").

Подруги невесты остаются ночевать (Ермак. в. Пошех. у.), а в Ростовском у. и в других местах, например, в Новгородском и Рыбинском у.у., невеста последнюю ночь спит с подру-

[1]) Иногда такой свадебный подарок дарится невесте уже в день венчанья утром (см. „Утро в день свадьбы, у невесты").

жками; с недавнего времени остаются на эту ночь и те парни, у которых среди близких подруг невесты есть „симпатии".

б) У жениха.

Канун свадьбы у жениха проходит в общем так же, как и у невесты. Так, в Рыбинском у. товарищи водят жениха в баню, причем впереди несут на длинном шесте невестин веник. Идущие сзади парни играют на гармониях, бьют в сковороды, звонят в колокольчик, стреляют из ружей, а девушки поют „долевые" (протяжные) песни. В бане парни пьют водку, а по выходе из бани стреляют из ружей, девицы же встречают их песнями. Затем в доме жениха устраивается чай и обед для всех участников этой церемонии, как парней, так и девушек.

Вообще у жениха в этот день, как и у невесты, устраивается вечерина (Новг. у., Удом. в. Вышневол. у.), на которую собираются его товарищи и родня. Гости за столом сидят в том же порядке, что и после венца в день свадьбы, только между „князем" и „подкнязем" нет „княгини" (Валд. у.). За столом девушки поют им песни.

В Ленском районе вся родня жениха, которая приглашена на свадьбу, собирается у него в этот день и от него едет „поездом" к невесте на „сватанье", о чем говорилось выше (см. „Девичник)". Перед отъездом отец и мать благословляют сына иконой, которую везет к невесте дружка, потом молятся богу, сидят несколько минут и затем едут в том же порядке, как вообще едет поезд за невестой в день свадьбы. Перед отъездом размечают, кому после кого сидеть у невесты за столом. Невыданные сестры и вообще девушки в „сватова" к невесте не ездят.

В этот же день, как в Кадниковском у., или утром в день свадьбы, как в Валдайском у., украшают лошадей, на которых жених поедет к венцу. Девушки уряжают дуги в разноцветные тряпочки и бумажки, подвязывают к дугам колокольчики, причем к дуге жениховой лошади подвязывают два колокольчика, а к остальным по одному (Ветл. кр.). При этом в Кадниковском у. девушки, передавая украшенную узду жениху, поют:

„У Алешиньки хоромы хороши,
Во дворе-то столбы точеные...".

Утро в день свадьбы.

а) У жениха.

В день свадьбы к жениху собираются „поездом“ от 10 до 15 и даже до 30 подвод, т.-е. приезжают те родственники жениха, которые будут гулять на свадбе (Пошех., Рыб. у. у. и др.). В других местах, например, в Никольском у., гости приезжают еще накануне свадьбы.

У жениха поезжане закусывают, — завтракают или обедают.

В Ветлужском крае дружка [1]), помолившись, произносит:

„Свахонька-поварихонька,
Где ты там, за горам, али за долам,
Али на печке за дровам.
Што есть в печи, все на стол мечи,
Только жаниха не корми...“.

После этого, тихо, без шума и прибауток, все садятся за стол. Около жениха, по правую сторону, садятся: тысяцкий большой боярин, меньшой боярин и захребетники; [2]) по левую—главная сваха, меньшая сваха и другие свахи. Все обедают, за исключением жениха (тоже в Валд. у.), которому ложку подают обратным концом. Сперва подают „холодное“ — рыбу с квасом и капустой или студень (смотря по тому, постный день или нет), потом — щи мясные, суп, лапшу или кашу и раза три обносят вином.

В Рыбинском у. на стол подают пирог и мясо или рыбу и также обносят вином. Девицы поют припевочные песни и собирают за них деньги. Песни поются те же, что и у невесты в доме (тоже в Валд. у.).

---

[1]) Дружкой обычно бывает какой-нибудь близкий родственник жениха (Череп. у.), — брат, зять, крестный (Валд. у.) и т. п. Число их повсюду варьирует: бывает один дружка (Ник., Кадн., Пошех. и Рост. у.у.), двое (Череп., Валд., Рост., у.у., в Ленском р. дружка жениха и дружка невесты) и больше (Лужск., Новг., Вышневол. у.у.). В Валдайском у. число их доходит до шести. Дружки, если их несколько, делятся на младших и старших, причем старшим может быть и один, остальные же в таком случае являются младшими, число их также различно: в Крестецком у., например, два помощника, в Любимском и в Вышневолоцком у.у. — один, так называемый „поддружье“, „полудружье“.

[2]) Захребетники — мужчины, участвующие на свадьбе со стороны жениха.

По окончании закуски дружка выходит на середину избы и обращается к родителям жениха:

„Батюшка родимый и матушка родима,
Благословите князя молодого...".

После его речи все встают из-за стола, поезжане выходят из избы на улицу, а родители благословляют жениха иконой.

В Ветлужском крае, после обеда дружка наливает стакан вина и подносит отцу жениха с речью, в которой благодарит его за заботы о сыне и просит для него благословения:

„Осподи Сусе Христе, сыне боже!
Есть ли здесь новобрашного батюшко..?".

Отец принимает стакан и пьет. После этого отодвигают стол, постилают солому, дружка водворяет в избе тишину и держит крепко дверь за скобу Отец берет хлеб - соль, а мать икону, жених молится и 3 раза кланяется попеременно в ноги отцу и матери, а те меняются каждый раз хлебом и иконою. В 4-ый раз, поклонившись, он целует сперва отца, а затем мать.

В Никольском у. благословение происходит так: после завтрака, родители, закрывшись тулупами, с иконой и рублем в руке становятся на подстилку; жених, став на колени, кланяется им в ноги, после чего они иконой и рублем три раза обводят вокруг его головы и отдают ему рубль.

В Кадниковском у. жениха благословляют родители, крестный (тысяцкий) и крестная (сваха 1-ая). В Валдайском у. также благословляют сначала родители, а потом крестный и крестная (крестные благословляют иконой родителей или готовят свою), причем жених становится на шубу (перед благословением сестра причесывает ему волосы и мажет их маслом; то же она делает дружкам,— те дарят). В Пошехонском у. каждый из родственников берет по караваю хлеба и кладет жениху на стол. В это же время дружка выходит, берет икону и просит благословения у родителей жениха, затем просит полотенце, которое надевает на себя. Отец с матерью благословляют жениха: „Бог благословит на добрые дела". Потом дружка сажает его на лавку под образа на подостланную шубу и просит: „Поднесите по рюмочке". Каждый выпивает. Дружка встает и говорит: „Вставайте,

гости бравые, на резвы ноги из-за столов дубовых, с лавочек тесовых, собираться в путь дороженьку". Гости встают. Дружка берет жениха за руку, образ кладет за полотенце на грудь и все выходят из избы.

В Рыбинском у., перед уходом, дружка берет со стола хлеб и соль (последнюю в чашечке) и посудину с водкой, а тысяцкий выводит жениха за руку на улицу. В Ветлужском крае перед уходом все усаживаются по лавкам, молча крестятся и сидят тихо, потом встают, молятся на иконы (тоже в Кадн. у.; в Новг. у. молятся на 4 стороны трижды), дотрагиваются правой рукою до конца стола „для всякого случая" и выходят на двор. В Кадниковском у. тысяцкий берет с собою одно-два ведра самогонки („меч"), а сваха — гостинцы, и все выходят на улицу: впереди всех идет дружка с иконой, за ним тысяцкий с женихом, сзади сваха и, наконец, все остальные (в Новг. у. первым выходит с иконой и хлебом-солью крестный).

Как только поезжане все разместятся, дружка с иконой обходит три раза кругом поезда, читая при этом молитвы, какие знает (Кадн. у.).

В Рыбинском у., также, отъехав немного от дома, дружка останавливает поезд, вылезает из экипажа и обходит с иконой кругом весь поезд, при этом все снимают шапки и крестятся (делается это для того, чтобы уничтожить порчу, которую может наслать какая-либо обманутая женихом девушка, незаметно положив с себя пояс поперек дороги,— на несчастье жениху).

В Новгородском у. поезд обходит по солнцу крестный (с иконой и хлебом-солью); затем он садится в сани с женихом; все крестятся и поезд трогается. Первыми едут старшие дружки, за ними младшие, потом жених с крестным и крестною (крестный везет с собою иконы), за женихом едут „барин" и „барыня" (барин за приданым, а барыня везет невесте сапоги. Если приданого много, то посылают двух лошадей).

В Ветлужском крае, усевшись на лошадей, поезжане крестятся, затем отворяют ворота, причем подворотню не вынимают („от нечистой силы") и выезжают; при выезде со двора снова крестятся, а дружка хлещет плетью крест на крест по снегу, по лошади, по воздуху и на 4 стороны (тоже

„от нечистой силы"). При выезде в поле снова все крестятся, а жених выбрасывает на сторону кольца, серги и другие предметы, набранные от девушек на беседках, чтобы озлобившиеся девушки не заворожили его после свадьбы. Поезд едет в таком порядке: на первой лошади — дружка с поддружьем, на второй—жених с тысяцким, на третьей—большой и меньшой бояре, на четвертой — двое захребетников, на пятой—двое последних захребетников, на шестой — главная и меньшая свахи, а на седьмой—остальные свахи.

Сходный порядок размещения поезда с небольшими вариантами существует и в других местах (Пошех., Крест., Ник., Кадн. у.у.; в последнем, напр., впереди всех едет дружка с иконой, за ним жених с тысяцким и, наконец, все остальные).

Родители жениха остаются дома и в окно на отъезжающих не смотрят, чтобы жених в жизни был самостоятельным (Кадн., Ник., Пошех. у.у.).

Иногда жених к невесте с поездом не ездит, а ждет ее в церкви (Череп., Рост. у.у.) и только, если в церковь ехать надо через деревню невесты, он с дружками заезжает за невестой. В таком случае за невестой едут дружка и поддружье. Дружка садится обыкновенно с правой стороны и правит лошадью, а поддружье, с маленькой иконой, с левой (Удом. в. Вышневол. у.). В Череповецком у. за невестой от жениха едут двое дружек на одной лошади и „подвезиха" (близкий родственник жениха) на паре лошадей для невесты. В Ростовском у. дружки едут на двух лошадях: одна для невесты, другая—для ее приданого.

Прежде, когда свадьба уезжала из деревни, в Лужском у., на дороге в поле зажигали костры, через которые поезд перескакивал (первым ехал дружка).

По дороге поезду устраивают „заломы" (Новг. у.; Удом. в. Вышневол. у.). В Валдайском у. такою преградою служат вешки из веника, которые ставят от деревни до деревни. В Рыбинском у. поперек дороги кладут жердь или просто полено. Чтобы проехать эти места, нужно откупиться: в Удомельской в. Вышневолоцкого у. мальчишкам, заламывающим дорогу, дают гостинцы; в Череповецком у. выставляют боченок пива и закуску; в Рыбинском у. дружка угощает мужиков водкой, а девиц и ребятишек оделяет

гостинцами; в Никольском у. дружка везет с собой пиво и баранки, которые он раздает в деревнях по пути к невесте.

Дорогой некоторые из поезжан стреляют из ружей. Сваха во время пути бросает в отводах и в встречный народ льняное семя (Рыб. у.).

Поезд мчится, не уступая дороги никому, кроме покойника; встреча с покойником считается предвестником несчастного брака (Кадн. у.; Ветл. кр.).

б) У невесты.

Утром, спозаранку, невеста, встав с постели, обращается к матери (Череп. у.):

„Ты скажи, родима матушка,
Тебе спалась ли темна ноченька...“. (Ш. № 1697).

В Кологривском у. невеста также просыпается с воем:

„Уж вы, петухи, петухи...“.

В Крестецком у. в прежнее время мать или тетка, сев к невесте на кровать, будила ее причетом:

„Я подсяду, сиротинушка,
Что к тебе сердешно дитятко...“. (Ш. № 1665).

В Лужском у. мать будит дочь следующим приговором:

„Стань-ко-ся, моя желанная, родна доченька,
У старушек печки топятся...“. (Ш. № 1665, — перв. 12 строк).

Тогда невеста просит подруг:

„Попрошу-ко-ся вас, красны девушки,
Прокричите мне зарю вечернюю,
Не докричитесь ли моей вольной волюшки“.

Девушки поют:

„Вечерняя заря потухается,
А утренняя занимается.
Молодушки за водой идут,
Красны девушки чешут головы“.

Затем невеста приходит к матери и плачет:

„Ты спроси-ко-ся, родна маменька,
Где гуляла я, сиротиночка...“.

В Ростовском у., где подруги ночуют у невесты, она будит их причетом:

„Вы, голубушки мои белые,
Вы, подружки мои милые,
Вам уснулась ли темная ночь...". (Ш. № 1733).

В Пошехонском у. невеста, покрывшись платком, также будит подруг:

„Что я, молода, заспалась, да задремалась...".

Подруги встают, умываются. Невеста также умывается; затем садятся все рядом. Сидящая рядом с невестой девушка берет ее косу, невеста не дает,—причитая:

„Не трепли-ка ты мою русу косу,
Дай-ко ты покрасоваться хоть еще годок...".

Все же девушка косу расплетает; ленты, вплетенные накануне, раздаются подругам, при этом невеста просит:

„Милые мои подруженьки, носите-ка мою девью красоту...".
(Ш. № 1409).

Вскоре девушки уходят домой одеваться. Невесту также начинают одевать.

В Любимском у. косу невесте расплетает сестра; невеста в это время воет:

„Расплети-ко да, мила сестра, да што мне-то ли русу косу,
Перевяжи ты мне русу косу, да во корни-то алой ленточкой...".

Ту ленту, которая была у невесты в косе, берет себе расплетавшая косу, а распущенные волосы у корня перевязывают лентой, большею частью алою, подаренной женихом в девичник.

В Грязовецком у. невеста в это время отдает „девью красоту" (в других местах это делается в девичник, о чем говорилось выше), при том без платка, с лентами в косе, она причитает:

„Благослови меня, господи,
Уж мне встать молодешеньке...".

Со словами:

„Я возьму, молодешенька,
Да свою дивью красоту
Во свои ручки белые"

она снимает с головы ленту; затем, все время причитая, кладет ленту на окно; потом берет ее с окна, продолжая:

„... Я снесу ее молодешенька,
Во леса во дремучие...". (Ш. № 1435).

Наконец, вешает ленту на стоящую на столе елочку, украшенную цветами, бусами и серебром. Затем она садится в угол и причитает, обращаясь к родителям:

„Подойди, родной батюшко,
Ко мне в кут, под окошечко...".

Ее закрывают платком.

В Кадниковском у. закрытая платком невеста с утра садится под иконы; причитательница садится рядом и тянет:

„Благослови-ко Христос истинный...". (Ш. № 1352, последние 9 строчек).

Затем подзывает всех родственников, начиная с родителей, для опричитывания, а если времени достаточно, то подзовет и подруг и соседок:

„Уж подойди-ко ко мне подступись,
Мой родименькой батюшко".

Отец подходит, невеста бросается к нему на шею, заливается слезами (отец тоже плачет). Затем подзываются: мать, братья, сестры и т. д. (опричитываемые женщины тоже голосят, выдумывая тут же слова). С каждого опричитываемого невеста получает по мелкой серебряной монете. Постепенно съезжаются родственники. Невеста всех их опричитывает. Родственники невесты—„поезжане" — пьют чай,— „подзаправляются". В это время „собирают" невесту (Рост. у.). Вообще невесту готовят к венцу почти повсеместно до приезда жениха, но, например, в Кадниковском у.,—по приезде его. При этом следует заметить, что в некоторых местах (Люб., Пошех., Рыб. и Рост. у.у.), собирая невесту, ее одевают в обычное девичье платье, — в венчальный же наряд она переодевается в церковной сторожке. В других же (Лужск., Крест., Новг. и Череп. у.у.), ее уже дома одевают в подвенечный наряд. Одевают невесту в одних местах, например, в Кадниковском у., большею частью близкие родственницы, в других же, например, в Михайловской в. Вышневолоцкого у. и в Рыбинском у.—подруги.

Перед одеванием невесты жених посылает ей со свахой мыло, зеркало, пудру и серебряные деньги [1]); эти деньги дружка опускает невесте в левый башмак — „чтоб счастливее, богаче жили“ (Кадн. у.).

Вообще одевание невесты сопровождается целым рядом пожелательных и предохранительных мер. Так, деньги в обувь невесты кладут едва ли не повсеместно: в Удомельской в. Вышневолоцкого у. мать и отец кладут в чулки невесты по серебряной монете; в Ленском районе в чулки невесте также кладут золотую или серебряную монету, „чтоб всю жизнь ходить по золоту“; кладут деньги в сапоги невесты и в Тихвинском у. Следует при этом заметить, что обычно обувает невесту брат. Так, в Рыбинском у., ее обувает маленький брат, причем в башмаки сестре он также кладет деньги; в Лужском у., обувая невесту, брат кладет ей в туфель двугривенный, причем невеста причитает:

„Ты обуй-ко-ся, родной братец...“

Чтобы жить с мужем душа в душу, в Ленском районе невеста одевает две рубашки — первую на левую сторону, вторую — на правую.

А чтобы оградить невесту от козней злых людей, с этой целью в сапоги или башмаки ее насыпают льняного семени (Новг., Алекс. и Рыб. у.у.). В Валдайском у. его насыпают под голые пятки невесты; льняное же семя насыпают и в ее карманы (раньше с этой целью в башмаки невесты клали рябиновую почку, — Алекс. у.). Иногда в карман кладут луковицы (Гал. у.). На невесту надевают сетку (рыболовную), у которой не развязываются узлы (Лужск. у.), — (в Кадн. у. такую „мережку“ надевают после бани, еще накануне свадьбы

[1]) В Кадниковском у. он сам дарит невесте чулки, гребень, мыло и зеркало. В Ленском районе он дарит ей эти вещи, когда она уже оденется и сидит за столом, причем в этом случае дружка жениха приносит и подает невесте на тарелке зеркало, мыло и гребень. Невеста дарит его носовым платком (сватья с тарелки все кладет в сундук, в котором у нее сложены все необходимые для венца вещи и гостинцы для откупа). Дружка жениха вторично подходит к невесте и на блюде подает ей „наблюдники»— ботинки. Невеста берет их с блюдом и ставит себе на голову в знак того, что с этого момента она отказывается от родителей и обещает покориться будущему мужу, а затем тут же за столом одевает их на ноги. В некоторых же местах аналогичный свадебный подарок дарится невесте еще накануне (см. „Девичник“).

и не снимают в течение всей свадьбы). В Новгородском у. обрывками сетей завязывают ноги невесты около колен. В Галичском у. невесту подпоясывают сетью. В подол платья вкалывают булавки (Новг., Тихв. у.у.), или вкалывают крест-на-крест иглы без ушков (Валд., Новг., Лужск. у.у.), или втыкают крест-на-крест в нижнюю рубашку невесты 6 иголок, чтобы всякая порча укололась (Алекс. у.). На грудь невесты кладут (если есть) ртуть, чтобы не пристало никакое колдовство (Тихв. у.). На шею вешают бумажку с „воскресной молитвой“ (Да воскреснет бог...), охраняющей от нечистой силы (Новг., Валд., Алекс. у.у.), или одевают на цепочке с крестом „янтарину“ — бусину, величиною с большую вишню, цвета вишневого клея (Люб. у.), — (в прежнее время богатые носили целые ожерелья из таких янтарин). Одевают невесте на шею янтари и в Галичском у. [1]).

Когда невеста оденется, ее покрывают платком (Рост. у.), в Ленском районе — шалью, которой жених покрывал ее накануне [2]).

В Череповецком у., после того, как невесту оденут, выбирают „проводников“, — гостей, которые должны поехать в церковь и оттуда к жениху. Выбор производится вызовом к стакану пива и к рюмке вина [3]) так же, как это делается во время девичника, причем девицы каждому причитают:

„Уж ты съезди, кормилец батюшко (имя),
На чужую дальню сторону...“

---

[1]) Предохранительные и пожелательные меры принимаются также и по отношению к жениху и даже по отношению ко всем участникам свадьбы. Так, в сапоги жениху (Алекс., Новг. и Рыб. у.у.) и провожатым (Алекс., Новг. у.у.) насыпают льняное семя; всем участникам свадьбы обрывками сетей завязывают ноги около колен (Новг. у.); на шею жениху вешают бумажку с воскресной молитвой (Новг. у.) или янтари (Гал. у.), или на грудь ему кладут ртуть (Тихв. у.). В Ветлужском крае жениху поверх рубашки вместе с шелковым поясом повязывают суровую нитку с 40 узлами и 40 богородичными молитвами.

Кладут жениху в сапоги и деньги (Рыб. у.).

[2]) В Пошехонском и Кадниковском у.у. невеста покрывается с раннего утра. В Любимском у.,— по приезде поезда жениха, ее покрывает дружка.

[3]) В Лужском у. гостей также вызывают к рюмке. Невеста угощает их из своих рук. Всякий принимающий рюмку дает деньги или ситец. Невеста кланяется (сидящие с ней рядом три подруги тоже кланяются).

После выбора проводников „спускают красоту“, что в других местах делается в девичник. Девицы на мотив причета поют:

„Уж мы спустим красну красоту
На березоньку на белую...“ (III. № 1389).

Затем, обращаясь к матери невесты, они продолжают:

„Поспусти да красну красоту,
Посложи да волю вольную“.

Невеста причитает:

„Не спускайте красну красоту,
Не складайте волю вольную;
Во моей да красной красоте
Есть три сабли, есть три острые,
Есть три ножичка булатные;
Тебе отрежут руку белую,
Отсекут да тонки пальчики“.

Мать на это отвечает:

„У меня, да у горюшицы,
Не подымаются белы руки
На твою да буйну голову,
На твою да красну красоту...“ (III. № 1392).

Далее причитает невеста:

„Моя красная ты красота,
Моя умная — разумная,
Моя кроткая — смиренная“.

Она одевает красоту на „подрушницу“ (направо от нее сидящую подругу) и продолжает:

„Ты носи, сестрица милая,
Ты мою да красну красоту...“ (III. № 1455, посл. 12 строчек).

Затем выходит из-за стола:

„Поглядить мине посмотрити,
Где стоит кормилец батюшка,
Погляди, кормилец батюшка,
Какова иду без красоты“.

Потом обращается к родственникам:

„Погляди, родня сердешная...“

Далее, обращаясь к просватанной девице, если таковая присутствует, или к сидящей направо от нее подруге:

„Подойди, сестрица милая...“ (III. № 1539).

Та в ответ причитает:

„Подойду, да красна девица,
Ко голубушке милой сестре...“

Невеста ей отвечает:

„Ни по росту тибя высокому,
Не по лицу тибя по белому...“

После спускания красоты девицы идут к жениху и поют ему песню:

„Что во светлой-то во светлице...“ (III. № 1863).

Жених за песню дарит девушкам деньги или гостинцы. От него девицы опять возвращаются к невесте и ожидают, когда за ней приедут.

После одевания и прочих приготовлений, невесту благословляют, что происходит так: сначала молятся на божницу, затем (по солнцу) на каждую икону, прибитую на каждой стене, — и так до трех раз. Затем старшие подружки берут невесту за руки, подводят к столу и ставят на шубу, постланную шерстью вверх, воротом к столу. Невеста трижды кланяется в землю, подружки поддерживают ее под руки. Потом она наклоняет голову над столом, приговаривая: „Благослови, родимый татенько“. Отец, перекрестившись, берет со стола завязанные с хлебом-солью в узел иконы (свою и крестного) и по солнцу трижды обносит их около головы невесты. Невеста целует иконы. От отца берет иконы через голову невесты мать и также благословляет. За матерью подобным же образом благословляет крестный. Перед каждым благословением невеста трижды кладет земные поклоны (Новг. у.).

В Тихвинском у. невеста до благословения сидит и „вопит“:

„Уж погодите да помешкайте...“ (III. № 1401).

Отец и мать благословляют ее иконой и хлебом, причем под ноги также кладут шубу мехом вверх. После благословения невеста говорит:

„Похожу я, молодехонька,
По своей да новой гореньке...“ (Ш. № 1461).

В Ленском районе после плаканья со всеми родными и подругами тоже следует благословение невесты. Отец

благословляет иконой, а мать крестом или золотой, или серебряной монетой; дочь, поцеловав икону и крест, кланяется родителям в ноги и долго плачет.

Около этого времени подъезжает поезд жениха. В Любимском у. поезд, не доезжая до дому невесты, останавливается на улице или в поле. Дружка с поддружьем подъезжают к самому окну и входят в избу. Их встречают с графином вина или пива; дружка спрашивает: „Кто в доме большой?“ Ему отвечают: „Микола угодник, а потом хозяин с хозяйкой“. Дружка подает крестному или крестной, или матери невесты шубу от свекрови[1]): „Вот вам шуба и шубец из семидесяти овец...“ Привезенные дружкой икону и каравай хлеба ставят на „полавничке“ (т.-е. на полке над лавками, идущими вокруг избы), а не на „тябле“ (полочке для икон). Невесту усаживают за стол. Она должна с локтями лечь на стол грудью, положив лицо на руки. Дружка накрывает ее шалью[2]) (часто цветной), с пришитым посредине „шейным“ (нательным) крестиком. Рядом с невестой он сажает, невесту стеречь, с одной стороны, полудружья, с другой — брата невесты.

Затем дружка приглашает отца невесты встретить поезд. Тот берет ковш пива и едет с дружкой встречать гостей. Пиво разливают по дороге (по другой вариации пиво не разливают, а угощают им гостей в поле). Дружка приглашает поезд и поворачивает назад.

Невеста, перед приездом всего поезда, воет:

„Что сижу да призадумалась,
Чужих басен призаслушалась...“ (III. № 1376).

Или:

„Вы послушайте, подруженьки,
Мои милые голубушки...“ (III. № 1355, последние 14 строк).

Если невеста сирота, она воет:

„Ты сходи, родильщица сестра,
К Покрову пресвятой богородицы...“ (Ш. № 1540 и др.).

В Ветлужском крае, не доехав с полверсты до деревни невесты, поезд останавливается прямо в поле, несмотря ни на какую погоду, а дружка с поддружьем едут к невесте.

---

[1]) От свекрови дружка привозит узел с „именьем“ — шубу, шаль и икону.

[2]) Теперь невесту иногда и не закрывают.

Лошадь у ворот стережет поддружье, дружка же, захватив вино, идет в избу. Помолившись, он наливает свое вино в приготовленный на столе стакан и подносит отцу невесты со словами:

„Осподи Сусе Христе, сыне боже!
Есть ли здись новобрашныя батюшко...?“
Было ли у вас, милостивой осударь,
С воскресенья на понидильник большое дело,
Проставатал ли ты дочь свою в деревню (такую-то)
За Ивана (фамилия), Васильева сына?
Зажигали ли вы свечи перед иконами - образами,
Давали ли друг другу руки,
Большое дело делали ли, а не от скуки,
Через хлеб - соль, и кто вас разнимал?“.

Отец, принимая стакан, отвечает, что такое-то дело делали, и такие-то были свидетелями. Тогда дружка говорит об оставленном им поезде и просит разрешения за ним поехать — „у нас в чистом поле, в широком раздолье...“ — „Просим, просим милости, ждем не дождемся“, отвечает отец. Тогда дружка, поскорее выпив поднесенный ему стакан, едет за поездом. Въехав на двор к невесте, поезжане чинно и не спеша входят в избу. Как только жених переступит порог избы, невеста, которая в это время сидит в „кутном“ (заднем) углу, завешенная пологом или рогожей, чтобы ее не было видно гостям, начинает причитать:

„Не верба ли в избу клонича,
Не плакучая да в воду смотритча...“

В Кологривском у. дружка, приехав к невесте, не входит сразу внутрь избы, он несколько раз хлопает дверью и, не входя, с порога показывает лапти, — от жениха для тещи, одну пару, новых, брасает на печку, а вторую пару, старых, показывает, говоря: „Вот какие у тебя старые лапти, а вот какие тебе новые зять плетет“. Хлопнув несколько раз дверью, он входит, наконец, в избу и говорит: „Господи, благослови, хозяин, не забрани“. На это невеста начинает выть:

„Не вступай, дружка, хро́бостко,
Не говори, дружка, го́ворко...“

В Череповецком у., когда дружка с „подвезихой“ направляются в избу, один из родственников невесты, держась за скобку двери избы, не пускает их. Им задаются вопросы, на которые они должны ответить: — „На чем стоишь?“ —

„На ногах“—„Ноги на чем?“—„На стельках“ и т. д. Затем из избы говорят: „Прочитай Иисусову молитву“. За дверью читают: „Господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас“,— после чего дверь открывают и приезжие входят. Такую же молитву, только уже при входе в избу, у двери, читает дружка и в Никольском у. Ему отец и мать или гости невесты отвечают: „Аминь святой молитве“,— и поезд заходит в избу. В Ермаковской в. Пошехонского у., в ответ на трехкратную Иисусову молитву, девушки поют дружке: „Друженька, войди в избу пировую, расколи доску дубовую. У этой доске два узора, узор от узора получше, Настасья Василья получше“.

В Телепшинской в. Пешехонского у., когда поезд приезжает, калитка бывает заперта. Дружка с женихом подходит к калитке и говорит: „Хозяин, хозяюшка, выйдите, скажите, как вас величают“. Выходит отец невесты и отвечает, как зовут, и в свою очередь спрашивает: „А вы кто такой?“ Дружка: „Мы, Александр Петров Абросимов, приехали суженый к ряженой Марии Ивановой Широкановой“. Тогда со стороны невесты загадывают: „Чем вперед ехали?“ Дружка отвечает: „Мы ехали умом, мыслями своими, ехали мхам и болотам, приехали к вашим воротам, суженый Александр Петров к ряженой Марии Ивановой“. После этого калитка отпирается и все идут в избу; дружка ведет жениха за руку.

В Лужском у. приехавших тоже пускают не сразу; девушки поют:

„Поразлей-ко-ся мать быстра река...“

потом говорят, что невеста еще не готова. Дружки недовольны,—„что рано пригласили,—заморозили“, а девушки отвечают: „Мы и больше мерзли, да не замерзли, а вы немножко постоите, не замерзнете“.

В Кадниковском у. девушки, как только услышат вдали колокольчики поезда жениха, собираются у крыльца. Поезд подъезжает, лошадей убирают, а поезжан останавливают девушки и поют им песни: [1])

„Ох-ти мнё да ох-ти мнешеньки,
Да прострелило-жо сердецюшко ретивое...“

[1]) Если с поездом приезжает священник, то девушки песен не поют и невеста в „сваребник“ не причитает.

Ее поет и причитальница. Кончив эту песню, девушки сразу начинают вторую:

„Золотой перстень по горёнке катавсё,
Цо Васильюшко жонитьцё собиравсё...“ (III. № 1519).

Жених дает девушкам деньги или гостинцы, сваха дает им пироги и пиво и девушки снова затягивают:

„За рёкой стояв кустоцик, лёй, лёй, лёй...“

После этого девушки бегут в избу и окружают плачущую в углу невесту. За девушками идут в избу поезжане в том порядке, как и ехали. Первым идет дружка. Тысяцкий ведет жениха за руку к столу, где сидит невеста. Девушки не пускают его. Жених дает им пряников и они уступают дорогу.

В Новгородском у. в избу первым входит крестный жениха с иконой и хлебом-солью, остальные поезжане идут за ним. Остановившись у порога и, не видя хозяев, крестный спрашивает: „Кто больший-набольший в доме?“ Отец невесты издали отвечает: „Сам господь Иисус Христос и мать пресвятая богородица“. Крестный, не удовлетворившись ответом, спрашивает вторично: „А еще кто?“ Отец невесты называет свое имя и отчество и подходит к гостям. Дружки угощают его водкой и просят разрешения пройти к столу.

В Александровском у., подъезжая к окошку, дружка спрашивает (приезжают три дружки, но разговор ведет один): „Здесь ли находится сватушка любезный?“ Сват: „Здесь“. Дружка: „Будь друг, сватушка любезный, вышли нашему коню сторожка, поводья отвяжи, нашим коням дать овса прикажи; потом ворота отвори и нам дружкам подружить прикажи“. Сват отворяет ворота. Дружка входит с приговорами: „Вот идет дружка по навозу, идет на кнутик опирается. Дружка в сени вступает; идет дружка по сенюшкам, по частым мелким ступенюшкам, по дубовому мосту... Как пошел дружка по мостику, а мостик подгибается, а дружка все ближе подвигается. Дружка за скобу хватается, у дружки гашник[1]) расстегается; дружка гашник подвязывает, про беду свою не рассказывает. Дружка

[1]) Гашник — ремень, веревочка, шнурок, тесьма для вздержки и завязки штанов.

ташник подвязал, откашлянув, сказал... Эй, сторонись народ, дружка идет задиристый, зацепистый! Не задеть бы за кого, не изорвать бы чего. Опосля будете зашивать да меня, дружку, ругать, — экой дружка, экой пес, какую дырищу разнес". Затем дружка обращается к народу: Ну, вы зачем сюда, старые старухи, пришли..." (Смотри Ш. № 2232, 2246). Далее дружка продолжает: „Вот идет дружка к переду. Дайте дружке богу помолиться, со сватом, свахой поклониться. Здорово сват и сваха, и молодые ребята! Все ли вы в добром здоровьи?" Сват отвечает „Мы все живы и здоровы, а вы как?" Дружка: "А мы не все в полном достоинстве, — вот, видите, приехали одни. Наш князь новобрачный стоит в чистом поле, под синими облаками, под белыми шатрами и, вот, хочется ему поймать лебедушку под правое крылышко: он прислал нас уведомить и „отобрать" (узнать) все дело: как и что. Ну, вот, сватушка любезный, мы стоим и говорим. У нас колокольчик под дугой, должны вы нам поднести по рюмочке, другой". Сват: „Очень это затяжка большая, надо концу скорее. Вы тут наберете слов, с вами никак и не развяжешься". Дружка: „Будем вести скорее". Сват (поднося по две рюмки): „Вот, сватушка любезный". Дружка: „У нас лошади-то все в шерсти, поднесите уж нам по шести, — уж к концу дело будем делать". Сват подносит шесть рюмок, после чего дружка приступает к торгу за невесту.

В Череповецком у., войдя в избу, дружки ищут сваху (крестную невесты). В руках одного дружки кружка пива, а у другого тарелка с пирогами. Пиво дружки подают свахе; та откидывает руки назад и заявляет, что рук у нее нет. Дружки говорят: „Пивцо ваше, а кружечка наша". Сваха отвечает: „Некрытую, сват, кружку подаешь; у нашего у свата дом-то о четырех углах, да и крыша на нем хорошая". Дружка берет с терелки пироги, кладет их на кружку, по углам пирога кладет 4 монеты, а на середину бумажные деньги (в Ермак. в. Пошех. у. дружке приходится строить „терем о четырех углах", см. ниже). Когда таким образом крыша покрыта, сваха берет кружку и подает ее „подрушницам" невесты, которые выкусывают на пирогах отверстия, предлагая приехавшим покрыть их деньгами (при этом бывает много шума, шуточных споров и т. п.).

После этого приехавших подкликают к стакану и, усадив за стол, угощают.

В Лужском у. крестный невесты угощает приехавших дружек пивом: „Просит наша княгиня молода больша дружонька (имя) вином да медом, а мы, гости, низким поклоном". Те выпивают и дарят — „серебрят голову невесте": бросают серебро на стол так, чтобы монеты отпрыгивали к ее голове. Так выпивают и дарят все по очереди по 3 раза. Девицы в это время поют:

„Вам спасибо, милы друженьки, что дарите золотой казной..."

Потом девицы шаферов „перекрещивают": одевают каждому через плечо кушак (через другое у них у всех одето полотенце), приговаривая при этом: „Больший дружонька, дозвольте-ка вас перекрестить" (в Новг. у. девушки, продав невесту, прикалывают дружкам к плечу ленты).

В Пошехонском у., когда все усядутся за стол, дружка просит познакомить его со свахой. Приносят на тарелке невестино полотенце. Дружка скидывает с себя старое полотенце, сваха надевает на него новое. Он отдаривает ее рублем, кладя его на тарелку.

В Кадниковском у. дружке от имени невесты дарят полотенце, которое он одевает через плечо, и подносит „соченьки" из пресного теста.

В Ростовском у. приехавших дружек поят чаем. Невеста дарит каждому из них по полотенцу, которое дружки тотчас же перебрасывают через плечо, повязав у бедра узлом.

В Ленском районе невеста, когда ее оденут, перевязывает лентами рукав у дружек, — дружке жениха правый, а своему — левый; потом она одевает им по полотенцу, — первому через левое плечо, а второму через правое и завязывает их, опуская вниз концы с выбранными узорами (в Удом. в. Вышневол. у. невеста также дарит дружке и полудружью по полотенцу, завязывая их таким же образом, как и в Ленск. р.). Девушки в это время незаметно берут с гвоздя шапки дружек и в сторонке украшают их лентами и бумажными цветами. Дружкам приходится выкупать фуражки (прежде за 50 к. или за рубль).

Пока они заняты выкупом, подруги „хоронят“ (прячут) невесту[1]). Приходится выкупать и невесту, и вновь в пользу девушек дарятся 50 к. или рубль. Здесь надо сказать, что отсутствие невесты во время выкупа ее встречается и в других местах, например, в Александровском и Валдайском у. у. и в Удомельской в. Вышневолоцкого у.

В Александровском у., приступая к выкупу невесты, дружка обращается к сидящим за столом девушкам: „Что у вас здесь за молодежь, за красавицы сидят, что они так приуныли, плохо песни поют? (Дружка подходит к столу, — бац кнутом по столу). Вон все из-за стола! Вы куда сюда пришли? Здесь не ваше дело, ваше дело на мосту стоять, песни петь, — вот ваше дело!“. Тогда одна из девушек говорит: „Нет, сватушка любезный, мы сюда пришли за делом. Мы хотим свою подруженьку пропить, пропить-прогулять“. Дружка: „Пойте на мосту, гуляйте на мосту, нам время нет, вы нас задерживаете, вылезайте все вон без разговору.“ Девушки: Нет, сватушка любезный, вы не оченно противьтесь, а лучше нам поклонитесь“. Дружка: „Что же вам нужно от меня, девки?“—„Сватушка любезный, вот с нами расплатитесь“. — „Чем вам платить, — серебром или золотом?“ — „Чем будет милость ваша, тем и возьмем“. Дружка: „Ну, сколько вам тут нужно?“ — „Три рубля“. — „Что так очень много?“ — „Как же, нужно, ведь ей нужно купить шильце, мыльце, нужно духов подушить“. — „Хорошо“ (платит три рубля, девушки уходят). Дружка: „Сватушка любезный, пожалуйста, теперь посадите невесту“. Приводят какую-нибудь переряженную бабу, покрытую платком, и сажают ее за стол. Она начинает вопить и мычать. Дружка подходит к ней, берет из косы ленту (красную) и платит за нее деньги (копеек 50). Платя за ленту, дружка дает понять, что невеста поддельная, что невеста заключает договор неправильно и просит посадить настоящую невесту со сторожем, а сторожу заплатить деньги.

---

1) Надо заметить, что невесту хоронят еще и накануне, в «сговоры», между чаем и обедом. Девицы тогда прячут невесту. Жених требует ее у них. Ему приводят старуху, покрытую шалью. Обман обнаруживается. Жених обещает деньги за настоящую невесту и когда ту приводят, он платит девицам.

Ведут настоящую невесту и сажают за стол: вперед садится крестная, затем невеста, а за ней брат (родной или двоюродный) или племянник. Брат, усаживаясь за стол, берет что-нибудь ковырять, например, лапоть, или шить. Дружка платит 2—3 рубля и поручает им невесту. Затем дружка, говорит: „Дружка собирается в отъезд. Досвидания, сват и сваха, будьте здоровы, надежны. Вот поставили сторожка, чтобы сторож не изменил, молодую княгиню не подменил. Досвиданья, сват и сваха. Теперича наш поезд стоит в чистом поле, под синими облаками, под белыми шатрами, и вот я еду за князем новобрачным". Уходит.

В Валдайском у., когда поезд приезжает, невеста сидит за столом „окрытая", иногда ее прячут в чулан (в Удом. в. Вышневол. у. невеста тоже в это время сидит где-нибудь в другом месте, чтобы ее не видали, и „справляется" к венцу). Поезжане с женихом и дружкой входят. Дружка с кнутом в руках идет к столу, причем хлещет кнутом по полу накрест, приговаривая: „Ни встречника, ни поперечника" (в Удом. в. Вышневол. у. дружка также украшенным тряпками кнутом расчищает себе дорогу к столу, где сидят девушки, приготовившиеся к продаже невесты. Поддружье несет иконку и бочку пива). Приезжие кланяются невесте и девушкам; если жених не поклонится, девушки говорят: „У вашего князя молодого в спине копыл, а в шее костяк", Тот кланяется. Начинается торг за невесту [1]). Дружка спрашивает: „Девушки веселые, зачем вы здесь посажены?" Те соскакивают „дубом" (в Вышневол. у., когда дружка здоровается с девицами, они также встают) и говорят: „Дружки, верные служки! мы поставлены у княгини молодой, Прасковьи Васильевны. Дружки, верные служки! зачем вы сюда приехали и каким полям ехали, — ржаным, яровым или парениной?" [2]) Дружка: „Парениной!" (или другим полем). Девушки: „Вы видели там два кола вбиты, бороной покрыты, сенцо в корзинке, хлебца в рагозинке, щец в че-

[1]) Перед торгом девушки «разговор засекают», — чтобы дружку переговорить. Одна подбежит к двери, станет к ней спиной и об порог потопает: «Вы наши овцы, мы ваши волки, мы вас съедим, языки отъедим».

[2]) Паренина — паровое поле.

репинке? Там ваше место и там ваша невеста!“ Дружки дают деньги. Девушки продолжают: „Дружки, верные служки! вы сватались, да уговаривались, что мы приедем в куньих шубах, в лисьих тулупах, а сами — мах в белых портках, по гашнику в зубах, по плети в руках“. Дружки опять дают деньги. Девушки не унимаются: „Дружки, верные служки! есть ли у вас козел весел, поет ли он песен?“ Дружка: „Да, есть, девушки веселые“; ставит водку, наливает и обносит девушек; те пьют, а затем продолжают: „Дружки, верные служки! есть ли у вас 40 штук, связаны вдруг?“ Дружка: „Есть, девушки веселые, есть!“ Кладет баранки. После этого к дружкам обращается подружка или сестра невесты: „Дружки верные служки! я баинку топила, башмачки сносила, платьице сносила, чулочки оборвала,— извольте мне за все разделаться!“ Те выбрасывают деньги. Если мало, девушка говорит: „Дружки, верные служки! вы сватались и уговаривались, что у вашего князя все будет деньгами изрыто, а сами по копеечкам да по грошику выкладываете. А у нашей княгини молодой, Прасковьи Васильевны, в каждом углу по рублю, в каждой щелке по копеечке, весь „вид“ бумажками обит“ [1]). Дружки прибавляют денег. После этого сестра невесты берет в руки ее косу и говорит: „Дружки, верные служки! у нашей княгини молодой на 200 рублей ленточек, на 300 рублей кисточек, — извольте мне разделаться“ (девушки выбрасывают на стол деньги, — серебро, чтобы гости платили тоже серебром, а не медью). Те платят.

Когда невеста выкуплена, ударяют по рукам и выводят невесту. Если дружка мало дает, вместо невесты выводят переряженного мужика или бабу. Дружка говорит: „Нам такую не надо, у нас не такая была невеста, мы такую не покупали“, или: „Нам такую невесту не надо, мы другую торговали“. Девушки отвечают: „Та у нас в других ценах“, или: „Вы скупо даете, за эту цену только такую можно“,— и торг начинается снова. Дружка прибавляет цену. Опять бьют по рукам. Выводят невесту и сажают ее за стол.

---

[1]) Вариант: «Ваша медь назад отъедь! А нам хоть маленьких, да беленьких. У нас невеста Пашенька не медная, а вся серебряная (рассыпают серебро). А мы сидим, да ковер вышиваем, мы скоплены вокруг невесты». Раскрывают «кокетку» и шьют.

Там уже лежит шуба шерстью вверх, на нее кладут подушку. Если дружка невесту выкупил, а „место“ забыл выкупить, подушку прячут. Он увидит, „разъедется“: „Украли, украли!“ А девушки смеются: „Что же вы зевали, вы место не выкупали; у вас невеста без места, а дружка без ума“. Дружке приходится еще раз раскошеливаться.

В Удомельской в. Вышневолоцкого у. на столе, у которого ведется торг, стоит елка, украшенная бусами, тряпками и цветами. Наверху этой елки прикреплена красивая в вуали кукла — „невеста“, а по бокам еще две или одна кукла — „шаферица“. Кроме того, на столе стоит бутылка квасу, заткнутая пробкой с колосьями от ржи. Поздоровавшись с девушками, дружки хотят сесть за стол, девушки их не пускают. Начинается торг (весь торг ведется стоя). Девушки угощают дружек квасом, а те их своим пивом. Хваля невесту, девушки указывают на куклу, стоящую на елке. После долгих споров дружки платят деньги и хотят сесть, но девушки повертывают подушки другой стороной, предлагая заплатить за эту сторону, говоря, что невеста, у них с двумя щеками. Дружки опять расплачиваются, получают подушки и садятся за стол. Девушки уходят. Потом дружкам приходится заплатить крестному невесты за ее косу, после чего елку убирают и угощают дружек.

В Лужском у. жених, сидя с невестой за столом, кладет ей в косу деньги; при этом поют:

«Расбесчестил меня добрый молодец...» (Ш. № 1336).

В Телепшинской в. Пошехонского у., как и в Удомельской в. Вышневолоцкого у. на столе стоит разукрашенная елка, — „девичья краса“. Отец с матерью сидят с невестой под иконой, а кругом девушки. Рядом с невестой сидит продавщик. (В Ермак. в. Пошех. у. невеста также сидит, с девушками, и рядом с ней—продавщик). Начинают продавать „место“. Дружка спрашивает: „Что ты тут сидишь? Чем ты торгуешь: куницами, лисицами, или красными девицами?“ Продавец отвечает: „Я сижу и торгую не куницами, не лисицами и не красными девицами, а княжеское место продаю“. Дружка: „Сколько ты за него хочешь взять?“ — „Ты мне дай сначала сам наг, а рубаха в пазухе“. Дружка подает две свечи. — „Дай мне краше солнца, выше света“.

Дружка подает икону. — „Еще дай мне пуд серебра и два золота". Дружка подает рубль серебром и каравай хлеба. Продавец встает и дружка сажает жениха рядом с невестой.

В Ермаковской в. Пошехонского у. между дружкой и продавщиком ведется следующий разговор. Продавщик просит: „Подай ты мне милостыньку дороже царства небесного". Дружка подает деньги. Продавщик: „Ты шел к нам в терем, сосчитал ли, сколько в нашей леснице ступенек?" Дружка опять расплачивается. Продавщик: „Ты отгадай-ко загадку,— муж будет Светен, жена Салаксея, имеют 100 дев служащих, а девы то имеют 150". Если дружка человек бывалый, то сейчас отгадает, что это псалтирь; в противном случае он в третий раз дает деньги. Все деньги продавщик кладет в стакан с водкой. Невеста продавщика обоймет — „милый ты мой, не продавай ты мою буйну голову, не за руп и не за денежку". Подводят жениха снимают невестину руку с продавщика и она дает ее жениху. Продавщик выпивает водку из того стакана, в который клались деньги, деньги же отдает свахе для невесты. Девицы в это время поют:

„Изменщица, обманщица,
Ты сказала, что замуж не пойдешь...» (Ш. № 2558 и др.).

Во время песни жених держит невесту (закрытую) правой рукой за правую руку. Тогда дружка обращается к девушкам: „Ну, красные девицы, чего же вам надо, серебра или золота, или хлеба-соли, или доброго молодца?" — „Всего нам, друженька, надобно,— злата и серебра, и доброго молодца, и хлеба-соли". Дружка вынимает из привезенной с собой „коробочки" белых, круглых, величиной с маленькую тарелочку, пряженцов из теста, жареных на масле, и ставит девицам на стол. Девицы просят еще: „Давай нам еще золотой казны". Он дает деньги. — „Еще, друженька, сострой нам терем о четырех углах, углы серебряные, а крыша золотая". Дружка строит из 4 ложек терем (делает из них квадрат) в углы кладет по серебряному рублю, а в середину 10-рублевый золотой. Тогда девицы его пускают, деньги отдают свахе. Дружка садится на скамейку, „поезляна" также рассаживаются и начинается угощение. Девицы в это время припевают песни и получают за это деньги.

В Новгородском у., как и Ермаковской в. Пошехонского у., дружкам приходится вести торг сначала с братом (продавщиком), а затем с подружками. Дружки, не раздеваясь, проходят к столу, за которым стоят в ряд девушки, закрывая собою невесту, и брат невесты. Последний, продав сестру, целует ее и уходит. С девушками дружки торгуются очень долго, предлагают им дров, сена, хлеба, картофеля; те отказываются, говоря, что сами пашут и косят, своего хватает, и просят больше денег. Наконец, сговариваются на денежном выкупе (о размерах его условились еще накануне). Подружки прощаются с невестой и уходят. Во время выкупа жених с поездом стоят у порога не раздеваясь, так как они не имеют права без выкупа войти в избу. Как только выкуп окончится, к жениху и гостям подходят родные невесты, здороваются, раздевают их, называя „любезными сватовьями“ и проводят за стол.

В Рыбинском у. дружка и сваха, оставив поезд недалеко от дома невесты, идут выкупать место жениху. Дружка, войдя в избу, подходит с пирогом в руках к столу, ударяет им о невестин пирог, говоря: „Наш хлеб бьет невестин хлеб“, и кладет свой пирог на пирог невесты. Затем начинается выкуп места для жениха. Цена за место назначается ранее. Сваха жениха подходит к невестиной свахе: „Позвольте мое место откупить“ и кладет на стол деньги. Тогда невестина сваха отодвигается, и на ее место садится сваха жениха. После этого дружка выкупает место жениху. — „Позвольте выкупить место жениху“. — „Извольте“, — отвечает дядя или брат невесты, — „но я даром не пущу“. Дружка кладет на стол пятачек. „Сватушко“, — говорит дядя, — „ты это не милостыньку ли собирал, идучи сюда, по дороге, или еще хуже, — не часовню ли где выходил?“ Дружка надбавляет, но дядя продолжает торговаться до тех пор, пока дружка не выложит сполна ранее условленную сумму (рубль — два). Поезд во время торга продолжает ждать, не смея подъехать к дому невесты. Но как только торг оканчивается, дружка выходит на крыльцо и машет хлебом поезду, чтобы тот подъезжал. Поезжане входят в избу, жениха же ведет за руку тысяцкий. Жених здоровается с продавцом места, тот уходит прочь, и жених садится на его место, рядом с невестой.

В Любинском у. брат, продавая невесту, говорит: „У нас девушки за взгляд дарят, за одну бровь 100 рублев, за другую 200“. Поезжане расплачиваются: первым кладет деньги (раньше в стакан с пивом, а теперь, до появления звонкой монеты, на тарелку или в сухой стакан) дружка, за ним жених, а затем весь поезд. Брат продолжает: „Повторите!“ — все снова кладут деньги. — „Без троицы дом не строица“, „без четырех углов дом не стоит“. Тут поезжане говорят: „Хватит, хватит!“ А брат: „У меня она не по лесу ходила, не под кустом выросла; у моей сестрицы есть золотая косица, я ее тоже не могу так отдать, а за денежки продать“. Опять платят деньги. Брат благодарит поезд, а затем обращается к сестре: „Прости, сестрица, продал я тебя“, берет деньги и выкладывает ей в платок. Она воет:

„Не спасибо тебе, милый брат,
Что спрельстился на злато да серебро,
Что и продал молоденькю,
Да на чужую дальню сторону,
Да што чужому роду-племени“.

Жениха пускают к невесте здороваться; он „всходит под шаль“, здоровается с ней за руку и садится рядом (сидя, он старается незаметно наступить невесте на ногу, — чтобы быть в семье головой). Весь поезд садится за стол.

В Ленском районе, когда невеста одета, дружка (брат) берет ее за руку и вместе со сватьей выводит к жениху. Поздоровавшись, невеста со сватьей садится за стол, на котором лежит коврига хлеба с солонкой на ней. Рядом с невестой, по левую сторону, на месте жениха, сидят все крестники и крестницы невесты, у которых жених выкупает место.

В Лужском у. жених выкупает место у маленькой девочки, также сидящей рядом с невестой на подушке.

В Кадниковском у. место за столом продает сама невеста. Жених предлагает ей деньги, прося уступить ему место, она два раза их отбрасывает, но на третий забирает и с плачем выходит из-за стола, после чего гости, в пальто, сразу садятся за стол. Невесту обыкновенно выводит „провожатый“ (ее близкий родственник), который, взяв ее за руку, ведет ее одеваться под венец. Причитальница тянет:

„Ты не надийся, добрый молодец,
На меня на молодешенькю...“

По дороге невеста опричитывает родителей, причитальница поет:

„Мой родименькёй батюшко,
Благословеньицё великоё...“

Затем от имени матери причитальница продолжает:

„Моя лебедушка белая,
Ты приидешь, родимая,
Ко мне не красной девушкой...“

Провожатый торопит невесту одеваться (в Ленск. р. тоже делают дружки).

В Ветлужском крае, как только поезжане войдут в избу, их рассаживают за столы в том же порядке, как и у жениха. Главная сваха вынимает из саней каравай хлеба, завернутый в белую скатерть и, полуоткрыв, кладет на стол (до этого хлеба не дотрагиваются, а везут целым в церковь, а потом домой). В это время невеста, обращаясь к отцу, причитает, прося у него „шубу новую... цветно платьице веково да подвинешное, на головушку да шелковой платок“. Отец приносит ей в кутной угол верхнюю одежду и кладет рядом с нею. Подруги или сестры надевают на нее суконную шубу и накидывают на голову большую шаль. После этого она опять причитает, обращаясь к брату и прося его увезти ее „в темный лес... в рамень темную“, чтобы там „звирья лютыя истерзали бы, да молодехоньку“. Брат берет ее под руку и говорит, что „уж нельзя теперь не витти, ни выехать, везде стоят чужана, стерегут красну девичу“, и уговаривает ее итти к столу. Она соглашается и он ведет ее за стол к жениху; идя, она причитает:

„Ой таки дак отшатитесь, люди добрые,
Дайте жо, да молодехоньке,
Што и путь да и дороженьку...“

В это время к невесте подходит дружка, берет ее под руку с другой стороны и советует итти к жениху не со слезами, а веселой. Невеста отталкивает его и причитает:

„Ой таки дак отшатитесь, люди добрые“...

Брат с дружкой, дав невесте помолиться, усаживает ее около жениха, причем брат садится между женихом и невестой. Дружка смеется над ним: „Это што за порядки такие, хто тебя просил за стол?“ В это время невеста просит брата

не сдаваться на „слова ласковы... зелено вино... на золоту казну“. Но брат говорит, что если „позолотят“, он уйдет. Тысяцкий дает ему около рубля и тот уходит. Тогда дружка, взяв жениха и невесту за головы, стукает их голова об голову три раза; приэтом невеста причитает:

„Ой таки дак не спасибо, дружка ласковый,
Так раздробил да буйну голову“...

В это время гости все сидят за столом и закусывают (кроме жениха). Невеста обращается к матери:

„Ой таки погляди-тко, моя родная,
Ты родимая моя мамонька“...

А затем к жениху:

„Послушай-ко да чужой чуженеч,
Так разудалой доброй молодеч“...

После этого причита все гости садятся обедать.

Когда торг окончен, невеста одета или ушла одеваться и гости сели за стол, начинается угощенье, часто неуступающее „княжому столу“. В некоторых местах, например, в Кадниковском у., угощенья не делают — на столе, кроме каравая хлеба, соли и ложек, ничего нет. Но, независимо от того, есть угощенье или нет, за стол садятся в установленном порядке, по старшинству, и девушки также поют песни и величают гостей. Например, в Кадниковском у. рассаживаются так: за первым столом, который стоит в углу под иконами, садятся мужчины, — сначала жених, по левую руку от него тысяцкий, барин большой, барин меньшой и т. д. За вторым столом, который стоит рядом с первым, вдоль длинной лавки садятся женщины, — по правую руку от жениха — сваха (невеста ушла одеваться), затем подсватье и т. д. по старшинству. На противоположной стороне, на скамейках, обыкновенно садится молодежь. (Нужно заметить, что невеста, если она присутствует за столом, сидит всегда рядом с женихом) [1]).

В Пошехонском у. гости, прежде чем садиться за стол, выкупают свои места. Дружка подходит к каждому и спрашивает: „Сколько стоит ваше место?“ Тот вынимает деньги и кладет на тарелку (от 50 коп. до рубля), сваха их собирает и завязывает в платок. После этого девушки велят

[1]) В Новгородском у. руки их покрыты полотенцами.

дружке покрыть тарелку, дружка вынимает привезенный с собой пирог, „баской“, „лаженой“, кладет его на тарелку, тарелку убирают, и гости садятся за стол.

За столом, как и при выкупе, одну из активных ролей играет дружка. Так, в Крестецком у. „поздоровкавшись“ с отцом невесты, дружка говорит: „Позвольте, сват, нам на вашем столе распорядиться“ и после утвердительного ответа: — „Просим милости, сватушка!“ — ставит на стол бутылку с вином и большой пирог с рыбой, который привез с собой. За стол садится вся невестина „порода“, он ее угощает вином и пирогом, поднося по рюмке и посторонним мужикам, пришедшим посмотреть свадьбу и стоящим у двери (смотреть приходят не молодые, а средних лет мужики, — отцы, которым тоже скоро придется выдавать замуж дочерей).

В Ветлужском крае, перед тем как садиться обедать, дружка произносит:

„Осподи Сусе Христе, сыне боже!
Наш храбрый поезд пить, ись хочёт...
...Свахонька, поварихонька, где ты там,
За горам, али за долам, али на печке за дровам?
Што есть в печи, все на стол мечи“...

Сваха и другие женщины родственницы приносят на стол кушанья, такие же, что и у жениха. Во время первого блюда дружка обращается к присутствующей здесь толпе народа с шутливой речью, приглашая всех к столу: „Все друзья и сваты, тетушки и братья, старые старушки — кривые клюшки“...

В Пошехонском у., когда все рассядутся, приносят графин с вином; дружка берет графин и угощает всех по очереди (жениху и невесте вина не подносят [1]). В избу набирается масса посторонних, посмотреть на свадебных. У дружки есть с собой пироги „кроеные“ — резанные мелкими кусочками. Он встает, берет пироги, кладет их на „сочельницу“ (деревянное блюдо) и говорит: „Я вчера играл в клюшки, сегодня попал в дружки; маленькие робята, косые заплаты, че-

[1]) Вообще утром в день венчанья жених и невеста ничего не пьют и не едят. Однако, следует оговориться, что в последние годы это соблюдается уже не всюду. Так, например, в Никольском у. жених и невеста до венчания едят.

рез „напыльничек“ [1]) глядят, желты сопельки висят и те от дружки кроеного хотят. Вы, красные девицы, криночные блудницы, горшечные пагубницы, у маток тесто воровать, собейники печи, да за себя робят волочи. Ну, робята не идут, девки силой волокут, на свадьбу глядят и те от дружки кроеного хотят. У нашего князя молодого высеяно пшеницы лукошко у заднего окошка. Стала пшеница колоситься, стали свиньи пороситься; стали пшеницу-то жать, — Александр с Марьей лежат. Он стал подштанники снимать, она стала подол закрывать, — и те на свадьбу глядят, от дружки челобитья хотят“. Дружка подает кроеные пироги ребятишкам, те хватают, сшибая друг друга с ног.

В Никольском у., когда сядут за стол, дружка, прочитав молитву, кладет на „полицу“ (полку) над божницей два привезенных от жениха хлеба. (В Люб. у. дружка перед угощением читает „Отче наш“ и прибавляет: „Хто не скажет амин, тому вина не дадим“). Каждое блюдо приносят по вызову дружки, по прочтении им Иисусовой молитвы. Блюда те же самые, что и на смотринах. Пищу подают прикрытую тарелкой. Перед последним блюдом дарят поезд (см. ниже). Затем дружка читает Иисусову молитву и говорит: „Наша пища кушана и рушена, и пирожком прикрыта“. Последнее принесенное блюдо покрывают коркой пирога. После этого никто не ест.

Дружка дарит всех пришедших посмотреть на свадьбу двумя-тремя баранками, двое же мужчин поят пивом.

В Кадниковском у. жених дает пришедшим мужикам деньги на „меч“ или просит взять самогонку, которую он привез с собой.

В то время, как гости сидят за столом, девушки поют песни. Так, в Любимском у. они поют:

„Не рои ли зароилися“...

За эту песню поезд кладет деньги на тарелку, которую берет дружка. Одна девица выходит и загадывает: „Знаешь ли, на чем девичий поцелуй растет?“ Дружка отвечает: „Не на кустах, не на листах, а на девичьих устах“, — поцелует и отдает тарелку. Девицы сосчитают деньги и благодарят поезд:

„Благодарствуй тебе, друженька“...

---

[1]) Напыльник — перекладина над устьем черной печи для сушки дров.

Если положат мало, они начинают хаять:

„Не рои ли зароилися“...

Затем они поют жениху с невестой:

„Уже хто во пиру хорошенькей“...

Потом ту же песню, с небольшими изменениями, поют дружке, полудружью, свахе. Всем неженатым поют:

„Хто в терему ходит холост, не женат“...

Когда весь поезд положит деньги, дружка опять берет тарелку в руки и говорит: „Кто без стыда, тот выходи сюда“. Какая-нибудь девица выходит и опять поцелуем выкупает деньги.

В Лужском у. девушки поют:

„Вот мы с друженькой рассчитались, рассчитались“...

Жениху поют:

„Кто у нас хороший, кто у нас пригожий“... (III. № 2410).

Невесте:

„Не долго веночку во горенке висеть“... (III. № 2167).

В Кадниковском у. девушки, подходя к столу, затягивают песню жениху:

„Не было вётров, да повияли вдруг,
Не было гостей, да наехали вдруг“... (III. № 1854)

и ставят перед ним на подносе зайчика [1]) или елочку. (Елочку девушки еще до приезда поезда украшают лентами, блестками, конфектами). Жених кладет деньги на поднос и передвигает елочку дальше, и так она двигается от гостя к гостю.

Девушки поют тысяцкому:

„Тысяцкёй, десной цёловек,
Слышишь ли ты, понимаёшь ли ты“... (III. № 1622).

Затем, изменив только обращение, они поют ту же песню „барину большому“ и „барину меньшому“.

---

[1]) Зайчик — детская игрушка из тряпок, большею частью купленый; украшается серебряными кольцами и лентами.

Всем пожилым, солидным поезжанам обыкновенно поется тоже „барин большой“ или „барин меньшой“, а молодежи- „кудрявчик“:

„Кудрявщик, кудрявцик,
Кудрявцик молодой“... (III. № 1736 или № 2262).

После всех поется дружке:

„Друженькя, не скупися,
Со своёй казной поделисё“..

Если дружка не дает денег, то поют:

„Дружка в городе живал,
Медны цящецки мывал“...

Отомстив дружке, девушки на время оставляют мужчин и переходят к бабьему столу. Ставят елочку на стол и поют свахам:

„Уж вы свахоньки, свахоньки,
Переезжие гостейки“...

Покончив со свахами, девушки снова обращаются к жениху:

1. „Стоит на море кораб,
Со товарами пришёв,
Да лей, лей, лей“...
2. „Уливай-ко ты, Васильюшко,
Крутую-ту гору“...

Затем ему поют загадки:

1. „Уж мы заганем тебе загадоцкю,
Тебе загадкю не мудреную,
Тебе загадоцкю — ту девицью.
Ты бывал ли, добрый молодец,
Ко Егорью Милосливому, [1])
Да ты видал ли, добрый молодец,
Как добры люди-то молятся“.
2. (Первые три строки те же) —
... „У вас на цюжой-то на сторонушке,
Да растут ли хлебы белые,
Да и пшоници белояровы“.

Сваха подает пирог девушкам и показывает на каравай, лежащий на столе. Девушки продолжают загадывать:

3... „У вас на цюжой-то на сторонушке,
У вас велика ли семеюшка;

[1]) В это время жених должен креститься, если же он не заметит, то поют загадку до конца.

У вас не придетцё ли подруженьке,
Сидеть по край стола дубовова,
По край скатерти-то браные".

Жених показывает столько ложек, сколько человек в его семье.

4... „Оторвался твой вороной конь
От стовба от тоцёнова,
Ог кольця от золоцёнова". (Жених машет платком).

Далее девушки обращаются ко всем и хвалят поезд:

„Уж ты богат-жо, добрый молодец,
Уж ты богат, да больно денежен.
Цетвериком он деньги миреет,
Да рёшотом он пересыпает.
Он еще-жо побогатее Биляева-то Кадниковскёва"...
(перечисляют всех богатых, кого только знают).

Если поезд дает девушкам мало денег, они хулят его:

„Приезжали люди бедные,
Привозили деньги медные;
Приезжали к нам лапотники,
Увезли нашу калошницю.
Уж ты богат жё, добрый молодец,
Уж ты еще же побогатее Морозова-то деревенскёва"...
(перечисляют всех бедных, кого только знают).

В Любимском у. девушки также приходят с елкой (иногда это делается в „сговоры"). Елка „убанчена" разными бумагами, настриженными в „пряничек". На каждый сучек прилепляют восковые длиною в палец свечечки. К бутылке, в которую воткнута елка, привязывают куклу с косой, в платье, из хорошего лоскутка, и увешанную бусами. (Если елку украшают в день свадьбы, то ее обвивают лентой, которую жених подарил девицам в девичник). Когда „девью красу" (елку) вносят, то говорят:

„Раздайко-ся, народ, девья красота идет ко столу дубовому, ко скатеркям бряным, ко есьвам сахарным..."

Девью красоту ставят против невесты и жениха со словами:

„Девью красоту примите, нас, девушек, подарите..."

Их дарят. Затем они поют:

„Ты не стой древо над водой..." (Ш. № 1512).

Надо сказать, что в некоторых местах, напр., в Кадниковском и Никольском у. у., за столом перед отъездом к венцу проис-

ходит даренье. В Кадниковском у. подарки делает один из родственников невесты от ее имени. Обычно дарится полотенце, которое подносится на блюде, завернутом головным платком. Получивший подарок кладет на блюдо деньги для невесты. В Никольском у. дарят перед последним блюдом. Поднос или тарелку покрывают платком, на него кладут дары и две баранки. Дружка читает Иисусову молитву и говорит: „Наша невеста тонко пряла, звонко ткала, бело белила, поезжан дарила, дары примите, невесту любите". Ему отвечают: „Аминь святой молитве, благодарим за дары" (первого, как и всюду, дарят жениха).

Наконец, наступает момент благословения жениха и невесты и сбора к отъезду в церковь. Невесту и жениха (если только он приезжает за ней) обычно благословляют родители невесты (Пошех., Рост. у. у.; Ленск. р., Ветл. кр.) или один из них (отец — Мих. в. Вышневол. у.); иногда вместе с родителями благословляют: крестный с крестной (Удом. в. Вышневол. у.) или только крестный (Новг. у.), сваха (Череп. у.), или тысяцкий и свахи с обеих сторон (Кадн. у).

Благословляют обыкновенно иконой и хлебом-солью (Пошех. и Рост. у. у., Мих. в. Вышневол. у.; Ленск. р., Ветл. кр.), причем жених и невеста стоят в это время на шубе, или же на пол кладут подушку, в которую они кланяются при благословении и которую потом кладут в сани для невесты (Крест. у.).

Дружка перед благословением просит всех посторонних выйти, а родителей благословить жениха и невесту. Те благословляют, обводя иконой и хлебом-солью вокруг их головы по 3 раза и говоря при этом: „Бог благословит на добрые дела, на законный брак" (Пошех. у.; в Лужск. у. дружки во время благословения расстилают шубу на пол и стегают кнутом).

В Новгородском у. дружки, взяв жениха и невесту за руки, выводят их и ставят на шубу. Они трижды кланяются в землю, поддерживаемые дружками. Затем их благословляют, после чего невеста прощается с родными.

В Кадниковском у., где невеста одевалась пока гости сидели за столом, теперь ее, одетую в самое лучшее платье и покрытую шелковой шалью, выводит и подводит к жениху

„провожатый“ [1]). Дорогу метут веником. Провожатый берет руку жениха и через платок (чтобы богато жили) подает ему руку невесты. Затем их благословляют.

В Ленском районе, как только невеста оденет подаренные женихом „наблюдники“ (см. выше), тысяцкий выводит всех из-за стола; „песельницы“ в это время поют:

„Сончё шло, сончё шло с позалесью...“ (Ш. № 2492, — вар. неполный).

Тысяцкий ставит всех полукругом перед иконами. Отец берет икону, обносит ее трижды против солнца над склоненными головами жениха и невесты и трижды делает крест над их головами, стараясь при этом больше и крепче стукать по ним (чтобы лучше жили). Мать таким же образом благословляет их хлебом-солью. После этого жених и невеста кланяются родителям в ноги.

В Ветлужском крае, после того, как гости, отобедав, поблагодарят „за хлеб, за соль“, дружка наливает стакан вина и подносит отцу невесты, прося его дать дочери благословение. Отец выпивает вино и просит невесту „принять благословениё родительско“. Однако, невеста не встает и причитает:

„Ой так я не встану и не поднимусь
Со лавочки да белолиповой...“

Дружка упрашивает ее итти, „а то жаних уёдет“, но она причитает:

„Не грози-тко, дружка ласковой“...

Наконец, невеста соглашается и снова начинает причитать. В это время стол выдвигают на середину, зажигают свечи перед иконами. Кто-нибудь крепко держит дверь. Брат и дружка подводят ее к родителям. Невеста, помолившись, кланяется родителям в ноги и причитает, сначала отцу, а потом матери:

„Так не спасибо, расприятель мой...“
Не спасибо, моя родная...“

Выплакавшись, она снова молится и трижды целует родителей в щеки, затем целует икону и хлеб-соль.

---

[1]) В Михайловской в. Вышневолоцкого у. невесту, покрытую с головой, подводит к жениху отец.

В Валдайском у. при благословении невесты девушки поют:

1) „По борам, борам, боречкам
Убита дорожка комлечкам...“ (Ш. № 1714, первые 5 строк)
2) „Нарождается светёл месяц,
Благословляется Прасковья душа...“ (Ш. № 1792, вар. далекий).

Если невеста сирота, ей поют:

„Бежит речка не всколыхнется,
Со желтым песком не смутится...“ (Ш. № 1777).

Она плачет:

1) Погляжу-ко я, горькая сиротинушка,
На широкую на улочку...“
2) „Не шатайтеся, столы дубовые,
Не махайтесь, скатерти шелковые...“

В Ростовском у., перед благословением, невеста, закрытая шалью, причитает, обращаясь к родителям:

„Ты кормилец, ты мой батюшка...“ (Ш. № 1424).

Затем к девушкам:

„Вы, голубки мои белые...“

Родители ее в это время режут пополам каравай хлеба, привезенный от жениха дружками. Точно также режут каравай, испеченный матерью невесты. Две половины от разных хлебов соединяют и отсылают жениху, две другие, сложив их вместе, мать держит в руках, в то время как отец трижды благословляет дочь иконой. Затем отец берет хлеб, а икону передает, для благословления, матери. Невеста в это время причитает:

1) „Уж я с батюшкой простилася,
Свету белова лишилася“.
2) „Уж я с матушкой простилася,
Как душа с телом рассталася“.

После благословения невеста встает за стол; на столе перед ней лежит хлеб. Все поезжане по очереди подходят к столу, берут в руки этот хлеб и, обращаясь к невесте, говорят: „С хлебом-солью, с милостью божьей“. Затем трижды целуют невесту и дают ей деньги (в Ник. у. невесте, когда ее благословляют, тоже дарят деньги).

Когда все таким образом подошли, она выходит из-за стола, стараясь при этом стащить с него скатерть, чтобы вскоре после нее вышли замуж ее подруги (то же делает невеста в Ленск. р. до благословения). К ней подходят подруги, целуют ее и прощаются. Невеста встает посредине избы, а крестная обносит вокруг нее узел с шубой и ковригой хлеба. Невеста крестится и говорит: „Обноси шубу, отряхивай, от меня горе отмахивай". (Рост. у.; в Люб. у. то же делает сваха, чтобы „сглаза не было").

В Череповецком у., тотчас после благословения, один из дружек одевает на невесту шубу, предварительно трижды обведя ее вокруг невестиной головы и приговаривая; „Благословляйте, добрые люди; кто не благословит, тому сына не женить и дочки не отдать". Прочитывается Иисусова молитва (во время одевания невесты двери избы держат закрытыми, чтобы никто не вышел). В Галичском у., благословив невесту, ее ведут к печке, где также трижды обводят шубой, которую при этом каждый раз встряхивают. Затем все выходят на улицу. Перед уходом все свадебные молятся на четыре стороны (Новг. у.). В Ветлужском крае, перед уходом, все усаживаются за стол. Кто-нибудь придерживает дверь, а невеста причитает:

„Дайте-жо, да расприятели,
Уж как мне, да молодехоньке,
Батюшки да раздобра коня,
Извощицка да мне не пьяничу,
Сваху мне да не бесчесничу"...

После этого все поднимаются, молятся и выходят на двор. Дружка велит жениху и невесте креститься в каждых дверях (Пошех. у.).

В Кадниковском у. перед уходом сваха со стороны жениха берет со стола хлеба и увозит с собой [1]). В Никольском у. дружка берет один из двух хлебов, привезенных от жениха, вырезает середину и сыплет туда соли, кроме того берет еще два хлеба у невесты и идет с хлебом вперед [2]).

---

[1]) Сваха, когда обедает, берет потихоньку две ложки, чтобы у жениха велись овцы. Если семья невесты заметит, ложек не дают и выходит целый скандал.

[2]) Этот хлеб привозят к жениху, на два дня кладут на полицу над божницей, а на третий день молодица кормит им скот.

В Кадниковском у. и в Ленском районе дружка идет впереди с иконой. В ряде мест дружки ведут невесту, а также и жениха, если только он присутствует, за руки (Новг. у.; Удом. в. Вышневол. у.; Пошех. у.), или под руки (Череп. у.) (в других местах, например, в Ленск. р., жениха и невесту ведет тысяцкий). Позади охраняют сватьи (Кадн. у., Леск. р.). Все родные стараются, чтобы никто из посторонних не кинул кошку или собаку под ноги, не бросил их шерсти, не перешел дорогу, не разъединил жениха и невесту и т. д. (Ленск. р.). Перед ними разметают дорогу, — „порчу сметают" (Кадн., Лужск. и Тихв. у. у.). В Валдайском у. это делает мать — „пашет" веником, — чтоб на дурной след не наступили.

Когда невесту выводят, она обращается к крестной матери (Рост. у.).

„Ты послушай, кресна матушка,
Уж как дай-ко волю малую,
Опусти ты ручку правую;
Уж как дай мне воротитися,
С родной маменькой проститися".

Идут не через крыльцо, а через повить и спускаются по „звозу". Девушки в это время поют „провожальную" песню (Ленск. р.):

1. „Во сыром бору я овес молочу,
Выше сыра дуба солома летит..."

Или:

2. „Из-за лесу, лесу темного .." (Ш. № 1851).

Или:

3. „Со двора ехала, белую березыньку ломала..." (Ш. № 2116).

В Грязовецком у. невесту выводят с пением священных стихов.

Выйдя на улицу, жених (Пошех., Кадн. у. у.; Мих. в. Вышневол. у.; Ленск. р.) или дружка (Череп. у.) усаживают невесту в сани [1]). Когда она идет садиться, ее держат за косу (Крест. у.). Подойдя к саням, она поскорее хватается за вожжи, чтобы иметь власть над мужем (Кадн. у.). Садясь в сани, невеста говорит (Рост. у.):

„Подождите, кони, топати,
Подождите, дружки, трогати".

[1]) Нередко в сани для невесты запрягают пару лошадей (обе кобылы — Пошех. у.).

Затем обращается к народу:

„Вы прощайте все соседушки,
Все соседни малы детушки". (Народ плачет).

Или:

„Прощайте, соседы и соседушки, не вспоминайте лихом меня, молодешеньку". (Новг. у.).

В Валдайском у. она плачет:

„Милые мои подруженьки,
Поеду я, глупая-то, молодешенька..."

А подруги поют:

„При остатней поры-времечки,
При тоски большой кручинушки..." (Ш. № 1650).

Или (в Лужск. у.):

„Не долго веночку во горенке висеть..." (Ш. № 2167).

Невеста обычно едет со свахой и кучером (Люб., Пошех., Ник. и Кадн. у.у.; Ленск. р.; Удом. в. Вышневол. у.) или с крестной (Рост. у.), или с крестной и свахой (Мих. в. Вышневол. у.). В Череповецком у. с ней, кроме свахи, едут подрушницы. В других местах, например, в Крестецком и Новгородском у.у., невеста едет с братом [1]). Едет она на постели с подушкой и простыней (Ленск. р.). В Кадниковском у. ее закрывают сверху ватным одеялом, простыней. Вообще же она едет с головой, закрытой платком или шалью.

Когда все сядут, дружка (Кадн., Пошех. у.у.), или отец невесты (Рост. у.), или крестный жениха (Новг. у.) обходят с иконой поезд три раза. (В Валд. у. мать „опахивает" веником вокруг всего поезда). В Ростовском у., обойдя поезд, отец с иконой идет несколько сажен впереди лошади, после чего передает икону крестной невесты.

Когда поезд трогается, из ружей делается салют (Пошех. у.).

Как только поезд тронется, невеста причитает (Рост. у.):

„Как за нашим-то за поездом,
Прокричала лебедь белая"..,

---

[1]) Родители невесты обычно в церковь не ездят и вслед поезду не смотрят (чтобы невеста по родине не тосковала, — Кадн. у.). В Рыбинском у. они садятся на оставленные женихом и невестой места за столом и сидят там, пока поезд не отъедет от дома.

Девушки же поют (Кадн. у.):

„Отстает наша подруженькя,
Она от стаду лебединого"... [1] (Ш. № 2207).

Впереди едут дружки (Кадн. у.; Удом. в. Вышневол. у.; Крест. у.) с полотенцем и образом (Пошех. у.), иногда верхом на разубранных лентами и цветными лоскутками лошадях (Ленск. р.), за ними жених с тысяцким (Кадн. у.; в Пошех. у. с „братним местом") и сватьей (Ленск. р.), а после невеста [2]). На спинке саней жениха вешаются простыни с прошивками и кружевами, специально для этой цели заготовленные невестою. У невесты сани украшаются попроще (Мих. в. Вышневол. у.).

Порядок размещения для различных мест варьирует. Так, в Михайловской в. Вышневолоцкого у. в первых санях едет жених с крестным и старшим дружкой, за ним едут дружки, а в третьих санях невеста. В Новгородском у. поезд едет в том же порядке, как ехал за невестой, а невеста выезжает с братом последней. В Крестецком же у., наоборот, брат увозит невесту, а жених догоняет и поит брата вином, „выкупает" сосватенку. (Сваха и дружки бросают „барашки" (баранки), чтобы комары не заели). Жених тоже едет со своим братом, а если нет брата, берет приятеля.

Парни из деревни невесты „заламывают" поезду ворота. Старший дружка спрашивает, — отчего закрыты ворота. Ему отвечают, что не хотят выпускать невесту. Тогда дружка дает парням вино, припасенное в санях, а иногда и деньги (Мих. в. Вышневол. у.). Иногда такие „заломы" устраивают на всех улицах, ведущих к церкви (Ленск. р.) [3]).

По дороге в церковь, в поле (Новг. у.) за первым „отводом" [4]) (Люб. у.) невеста бросает свой носовой платок „со слезами". В Ростовском у. она разрывает платок на гра-

---

[1]) В Череповецком у. эту же „отсталую" песню поют перед благословением невесты.

[2]) Жених и невеста к венцу всегда едут на разных лошадях, хотя в последние годы местами, например, в Никольском у., это иногда не соблюдается.

[3]) Устраиваются проделки еще и другого рода: так, чтобы показать, что невеста со многими парнями гуляла, намазывают ворота и вереи смолой и дегтем. (Вереи — столбы, на которые навешиваются ворота).

[4]) Отвод — ворота в городьбе вокруг селения.

нице своего и соседнего селений и бросает одну половину на свою землю, а другую — на соседнюю, — „чтобы замужем горя не было“, („кто кусочек этого платка подымет, на того и горе перейдет“). С этого момента невеста уже не причитает. В Лужском у. она, „чтобы не взять с собою слез“, оставляет платок дома.

В каждом отводе невеста должна креститься, а так как она закрыта шалью, то сваха подсказывает ей, где это нужно делать (Люб. у.). В Рыбинском у. сваха в отводах бросает горсть льняного семени, так как, по народному поверью, в отводах держится колдовство: пока бесы подбирают семя, поезд успеет уже уехать, и, таким образом, колдовство пропадает даром. Если по пути следования поезда в деревнях встретится толпа „глядельщиков“, то сваха также бросает им в лицо льняное семя.

Когда переедут половину поля, дружка останавливает поезд, подходит к невестиной лошади и смотрит на невесту — не подмененая ли: открывает шаль и кричит: „Не подменяли ли невесту“ (Люб. у.).

В других местах, например, в Удомельской в. Вышневолоцкого у., дружка смотрит — настоящая ли невеста — еще до отъезда перед тем, как она садится в сани. В поле же, остановив лошадь, дружка идет к невесте с докладом, что у него, мол, „завертка“ [1]) оборвалась. Невеста дает ему на завертку полотенце.

В Лужском у. дружки из-за того, что у них „завертки сорвались“, возвращаются назад, где им дарят кушаки и угощают.

В Череповецком и Новгородском у.у. дружки возвращаются в дом невесты, чтобы пригласить родственников ее на пиршество к жениху, угощая их при этом вином (Новг. г.). (Следует сказать, что в некоторых местах, например, в Новг. у., родственники невесты вообще в церковь не едут, или едет только часть их (Череп. у.).

Отвоз приданого.

Большею частью приданое отвозят в день свадьбы, как только невеста уедет к венцу. Но бывает, что приданое

---

[1]) Завертка — привязь оглобли саням.

везут дня за два до свадьбы (Ермак. в. Пошех. у.), или накануне (Рыб. у.), или же на второй день после нее (Ник. у.; Ветл. кр.).

Когда „собирают" приданое, во все углы сундука кладут деньги, а посредине белый хлеб с запечатанной солью (Пошех. у.) или с запрятанной в нем монетой (Люб. у.).

Для того, чтобы сундуки с приданым были как можно тяжелее, на дно кладут дубовые доски или чужую одежду; последнее делается еще и потому, что все сундуки обязательно должны быть полны, иначе молодую засмеют из-за того, что у нее мало нарядов (Ветл. кр.).

Отвозят приданое или родственники невесты, или за ним присылают от жениха, или и от жениха присылают и со стороны невесты кто-нибудь едет, как, например, в Новгородском у., где вместе с приехавшими от жениха „барином" и „барыней" приданое везут к нему еще две „постельницы" (обычно замужняя сестра и жена брата невесты). В Ростовском у. за приданым приезжают дружки, которым приходится выкупать его у матери невесты (когда они хотят взять сундук, оказывается, что на нем сидит ребенок; чтобы выкупить сундук, дружка должен на каждый угол положить по монете). Выкупать приданое приходится и в Ветлужском крае, только здесь это делается уже по привозе приданого к жениху: на возу с сундуками сидит приехавший с приданым брат невесты, жених подходит к нему со стаканом вина, но тот не отдает приданого, пока не получит выкуп. Часто приданое отвозят родители невесты (Люб. у.) или один из них (отец), или кто-нибудь из родных (сестра) — (Мих. в. Вышневол. у.), или же так называемые „постельники" (Тихв. у.). В Рыбинском у. приданое отвозят две невестины тетки, дядя и племянник, — всего человека четыре.

В Ермаковской в. Пошехонского у. приданое везет какая-нибудь женщина-родственница и девушки (тоже, как и в Рыб. у., — человека четыре). В Лужском у. это делает „облаежа" — родственник невесты, называемый так потому, что много ест, в то время как гости „модятся"; с ним едут женщины, которые развешивают приданое у жениха. В Удомельской в. Вышневолоцкого у. приданое везет тысяцкий (крестный), когда едут после угощения от невесты к жениху,

если свадьба играется „девкой“ (см. ниже). Наконец, это вообще родственники невесты, ее сестры и подруги, не едущие в церковь — „чесляне“ (Валд. и Крест. у.у.).

Приданое везется открытым, матрацы кладутся на сундуки, покрываются простынями и одеялами, поверх кладутся подушки (Новг. у.).

Когда отвозящие приданое отъезжают от дома, невеста принимается плакать, но в окошко на отъезжающих ни она, ни ее родители не смотрят, чтобы, выйдя замуж, она не тосковала.

Обычно приданое от невесты везут прямо в дом жениха, но, например, в Ленском районе, где, как уже упоминалось, невеста едет к венцу на постели, все приданое, сложенное на отдельный воз, везут с поездом.

Привезших приданое чеслян встречает сват, выносит вино и баранки, приглашает их в избу и поит чаем. Изба жениха убрана полотенцами. Чесляне кланяются хозяйке: „Позвольте, сватьюшка, в вашем доме распорядиться, ваше хорошее вывесить, наше худое повесить“. Им отвечают: „Просим милости, сватьюшки, просим милости, пожалуйте!“. Все убранство избы меняется, напоказ выставляется приданое невесты (Крест. у.): на кровать выстилаются все простыни и одеяла, на столы кладутся скатерти, к окнам, дверям, полкам и печкам вешаются занавески (Новг. у.), стены избы убираются вышитыми полотенцами (Крест. у.). Когда все размещено, впускают народ—женщин и девиц — осматривать приданое [1]).

Венчание и окручивание.

Свадебный поезд приезжает в церковь (в Рост. у. в приход жениха). Жених, сняв невесту с саней, отправляется к священнику с бураком пива, пирогами, полотенцами или холстом и зовет повенчать [2]) (Ленск. р.). В других местах,

---

[1]) В Вышневол. у. украшение избы и осмотр приданого происходят во второй день свадьбы утром, причем избу украшает сама молодая.

[2]) Плата за венчание берется различно: в период разрухи бралась натурой,—хлебом (1—2 п. ржи), мясом и пр. и даже самогоном; были случаи, когда священник не венчал, если ему не приносили пирог и бутылку самогонки (Удом. в. Вышневол. у.).

например, в Любимском у., за священником идет дружка. или, как в Ветлужском крае, тысяцкий с большим боярином,

Невеста переодевается в церковной сторожке или в доме священника в венчальный наряд (Люб., Пошех., Рост. и Рыб. у.у.); если же у невесты есть в данном селении родные или знакомые, она останавливается у них (Рост. у.).

В тех местах, где жених с поездом за невестой не едет, он ждет ее в церкви.

Когда невеста оденется, крестные родители ведут ее за руки в храм. Если жених богатый, то невесту сопровождает в церковь священник, иногда впереди идут и певчие. Такая свадьба называется свадьбой „с приводом“ (Рост. у.). В Рыбинском у. жениха и невесту ведет за руки тысяцкий, а священник, с крестом в руках, идет впереди, читая молитву, и по временам оборачиваясь и осеняя жениха и невесту крестом. И в Любимском у. жениха и невесту в церковь ведет священник с крестным ходом, держа их руки в одной своей руке. Жених и невеста идут со свечами. (После венчания крестный ход опять провожает их в сторожку). В Лужском у. жениха и невесту ведут в церковь дружки.

При входе в церковь, в дверях, невеста мысленно называет по имени жениха, свекра и всех членов семьи жениха,— чтобы потом легко было их называть (Кадн. у.).

В церкви под ноги жениху и невесте кладут „точу“ [1]), идущую потом священнику (Валд. у.). В Удомельской в. Вышневолоцкого у. сваха постилает им под ноги невестино полотенце, которое также идет потом священнику.

Дружка ставит против аналоя привезенную с собой икону (Пошех. у.). Крестные родители расписываются и подводят к аналою невесту и жениха (Рост. у.). Всюду жених и невеста стараются встать на подножник первыми, чтобы быть главой в семье. Для этой же цели надо держать выше свечу (Лужск. у.).

Невеста венчается с распущенными волосами (Кадн. и Ник. у.у.; Ленск. р.). Уже во многих местах она в фате, на городской лад (Лужск., Крест., Новг. и Рост. у.у.), но, например, в Кадниковском у. фату одевают редко. Ленту, выплетенную из косы, сваха вешает на икону (Люб. у.);

---

[1]) Точа — полотнище ткани.

она же сводит вместе венцы (Валд. у.). Кольца жениху и невесте меняет „медовщик“ — крестный (Валд. у.). Стоя под венцами, жених и невеста должны креститься одновременно, „чтобы жить любовнее“ (Ленск. р.; Кадн. у.), друг на друга не смотреть (Кадн. у.); невеста же должна „смеяться“ (улыбаться), — чтобы потом всю жизнь не плакать, должна отвечать громко, заприметить свою свечу от жениховой, — чтобы потом узнать, кто дольше проживет (чья свеча больше сгорит, тот раньше умрет). Когда священник обводит брачущихся вокруг аналоя, невеста читает про себя молитву или, если она больна чем-нибудь, она шепчет про себя: „Голова моя венчайся, а болезнь моя не завенчайся“. Имеются еще и такие приметы. Если под венцом кто стоит бледным („под венцом закидывает песком“), тот не будет счастлив, скоро умрет (Ленск. р.). О будущей жизни молодых судят кроме того и по погоде: так, если во время венчания и „сватанья“ (Ленск. р.), или пути из церкви (Валд. у.) погода хорошая, светлая, то и жить будет хорошо, светло. Хорошо также, когда во время пути из церкви идет „дюжий“ снег (Валд. у.). Если же во время венчания идет дождь — жизнь будет плохая (Ленск. р.). Наоборот, если в „проводины“ дождь, — молодые будут жить хорошо (там же).

После венчания невесте заплетают две косы [1]) (Ник. у.), повязывая голову шелковым платком так, как это обычно делают молодухи, — делает это сваха (Мих. в. Вышневол. у.); или делают прическу, иногда даже „бабью“ прическу, т.-е. заплетенные в две косы волосы закручивают на затылке (Кадн. у.); или „завивают“ ком, т.-е. забирают волосы на затылке в пучок, и поверх одевают „отдирок“ или наколку, а затем сверху повязывают шалью углом (Ленск. р.) [2]).

---

[1]) В настоящее время косы уже не заплетают, а делают городскую прическу.

[2]) Иногда бабью прическу делают невесте уже в доме жениха, перед вскрытием невесты (см. „Свадебный стол“). Так, в Крестецком у. по приезде из церкви невеста проходит в чулан, где ей чешут голову, заплетают две косы, дают выпить молока — „чтобы ребятишки белые были“ и показывают ей зеркало „чтобы муж любил“, после чего покрывают платком. В Валдайском у. невесту также по приезде от венца проводят в чулан, переодевают там ее в хорошее платье, расплетают косу (ленту отдают старшей подруге) и заплетают две косы, вплетая туда куделю („больше никому нравиться не надо“); косы закладывают на голову, сверху надевают „коко-

Затем молодым дают немного поесть (Кадн. у.). В Крестецком у., когда молодые надевают в „чулане", т.-е. в притворе, шубы, им дают съесть рыбник, а свадебщики выпивают.

При выходе из церкви дружек и сватей охружает толпа, просящая от них „кросного" (гостицец). Дружка вынимает из карманов сусленники, приготовленные для этой цели, и кидает в толпу. Тоже самое проделывает сватья, которая достает „кросны" из своего сундука. Для этой цели она иногда сама стряпает „орешки" (пряники) или же покупает в городе (Ленск. р.).

В Никольском у. весь поезд после венца идет к священнику, или к церковному сторожу и там обедает [1]).

После венчания молодые всегда возвращаются на одной лошади, которая подается к самой паперти. Перины и подушки из саней невесты переносятся в сани жениха. Переносят очень осторожно, чтобы никто из посторонних не сунул туда собачьей или кошачьей шерсти, или сломанных иголок и следят, чтобы кто-нибудь не бросил им под ноги собаку и т. д. Чтобы не „изурочиться" от „глазу", молодые должны все креститься (Ленск. р.).

В это время могут устроить также, что лошади не пойдут (а это сулит молодым несчастную жизнь), для чего ловят двух блох, сажают их в соломинку и кладут под полозья саней с приговором: „Как этим блохам в соломинке не упрыгнуть, так этим лошадям никуда не уехать" (3 раза). Лошади становятся на дыбы, но не могут свезти саней. Чтобы поехать дальше, нужно поднять сани, перенести их на руках через соломинку и тогда сани пойдут (Валд. у.) А то намазывают дугу или оглоблю у саней медвежьим салом, тогда лошади рвут упряжь и везут в сторону (Ленск. р.) [2]).

шник" (повойник), „вывяжут в косынку", закрепив кончики сверху булавками, сверху повязывают платком, а поверх всего закрывают большим платком лицо; на плечах тоже платок, заколотый иголкой, вокруг замотано ниткой. При этом красных платков не надевают, — „краснуха к детям пристанет". В Ростовском же у., завесив невесту платком, расплетают ей косы и делают бабью прическу за первым „княжим столом", когда все сядут, после „здорованья" с новобрачными.

[1]) Священнику дарят бутылку водки, полотенце и аршин 20 холста. (Ник. у.).

[2]) Бывают случаи, что после венчания молодых оборачивают волками, лошадьми, собаками, петухами и т. д. Вот как об этом рассказывают кре-

Невеста едет опять закрытая. Жених усаживает ее в свои сани и они едут с крестной (Гряз. у.) или с тысяцким (Ленск. р.). За ними на невестиных санях едут свахи (Ленск. р., Удом. в. Вышневол. у.) или же два свояка, — брат невесты и брат жениха (Крест. у.). Дружки опять едут впереди на верховых с колокольцами (Ленск. р.).

Как только выедут с погоста, свадебщики выпивают, начинают играть на гармони, петь песни и с шумом подъезжают к своей деревне (Крест. у.), — чем больше шуму, тем веселее будет жизнь (Лужск. у.).

Когда поезд проезжает через деревни, мужики „ловят сварьбу" веревками и шестами; от них откупаются вином (Ветл. кр.).

По дороге из церкви молодые съедают взятое с собой румяное яблоко, разломив его пополам, для того, чтобы дети были красивые, „как яблоко". Чтобы не было ссор, молодая не должна первая заговаривать, когда едут от венца (Лужск. у.).

Едут обычно в дом жениха, но, в некоторых местах, например, в Ветлужском крае и Кологривском у., едут сначала в дом невесты; в Удомельской в. Вышневолоцкого у. играют свадьбу „девкой", т.-е. возвращаются обратно в дом невесты, там пируют и уже вечером уезжают к жениху.

Приезд от венца и свадебный стол.

В деревне поезд встречают выстрелами (Кадн. у.), иллюминацией (зажигают солому) и массой разноцветных флагов, если жених дал на то согласие (Гряз. у.). У дома жениха

стьяне Александровского у.: „Молотят, молотят, а вдруг — вместо молодых — два волка ходят. Людей они не трогают, а порой так и ходят по деревне. Иногда недели по две ходят. На них точно шубы вывороченные, подпоясанные пояском. Если пояски эти разрезать, то из оборотней снова люди станут". И в Лужском у. верят, что иногда молодые, обернувшись волками из-под венца в лес уходят. Бывают порчи и иного рода. Так, в том же Александровском у. рассказывали, что одну пару испортили следующим образом: когда шли из-под венца, одна женщина бросила молодым под ноги венок из соломы, после чего у них болели ноги. А в лужском у. молодых однажды испортили при помощи нитки, намотанной около большого угла на половице и протянутой к порогу; когда молодых вели за стол (по приезде из церкви), невеста переступила через нитку, и с тех пор молодые не стали любить друг друга.

стоит огромная толпа народа, встречающая поезд криками: „едут, едут“ (Новг. у.). По деревне поезд едет тихо и чинно, въезжает во двор жениха (Крест.и Валд. у.у.), подъезжая к самому крыльцу (Мих. в. Вышневол. у.). В это время „сутки“ (входная дверь) закрыты, гости сидят в избе, посторонних никого нет. Пока молодых „справят“, народ толпится на улице (Валд. у.).

Из саней молодую ведет за руку дружка. Она закрыта, держит за руку молодого. Дружка хлещет кнутом, разгоняя народ: „Не мешай, не мешай! Ни встречника, ни поперечника!“ Народ заслоняет поезду дорогу, требуя выкупа. Чтобы пропустили, отец жениха дает четверть водки и ведро пива. Если вина не дают, поезд не пускают, приносят молодой люльку, — смеются, что брюхатая (Валд. у.).

В Ленском районе, когда молодые приедут, ворота также бывают заперты. Жених снимает невесту. Кто-нибудь из его домашних берет постель, на которой молодые ехали от венца и несет за ними на „повить“. Дружка с иконой стучится в ворота и читает: „Отче наш“ или „Царю небесный“, или, чаще всего, произносит: „Господи боже наш, помилуй нас!“ За воротами отвечают: „аминь“; молитва читается три раза подряд и трижды за воротами произносят: „аминь“. После третьего раза ворота отпираются и молодых „заводят на повить“.

В Ростовском у. молодые выходят из саней не доезжая до селения жениха и идут до дому пешком, причем дружки держат над ними венцы (по выходе из церкви состоятельные тоже позволяют себе роскошь итти до саней в венцах, за что берется особая плата). Родители встречают молодых на пороге дома.

В других местах молодых встречают на дворе (Валд., Ник. у.у.) или на крыльце (Лужск., Крест. и Рыб. у.у., Мих. в. Вышневол. у.), на повити (Гряз. у., Ленск. р.), в сенях, на мосту (Люб. у.), или наконец, на улице, как, например, в Новгородском у., где к приезду молодых туда выносят стол, покрытый лучшей скатертью из приданого невесты, на котором ставят бутылку с водкой и рюмку; на землю стелят шубу шерстью вверх, воротом к столу.

Свекор (Мих. в. Вышневол. у.) или свекровь (Кадн. у.), или оба они вместе (Валд. у.), выходят в вывороченных шерстью вверх шубах. Под ноги молодым тоже бросают

шубы (Валд. у.), по шубе они проходят от саней к крыльцу (Крест. у.), на шубе их благословляют (Новг. у.).

При встрече молодых осыпают овсом (Кадн., Гряз., Крест., Рост. у.у.; Мих. в. Вышневол. у.), житом (Валд., Тихв. у.у.; Ленск. р.; Мих. в. Вышневол. у.), хмелем (Люб. у.) или хмелем и житом (Лужск. у.) и тут же благословляют (Кадн. и Рост. у.у.), приговаривая: „Дай бог в одно сердце жить" (Люб. у.). В Лужском у. свекровь выносит в решете два яйца, две булки (пшеничные или ржаные), икону и ячмень и обводит решетом над молодыми (булки и яйца молодые съедают потом за столом).

В Рыбинском у. родители встречают молодых на крыльце с образом и хлебом, молодые сначала прикладываются к образу, потом наклоняют головы и их благословляют хлебом, который затем разламывают над их головами.

В Ленском районе, как уже упоминалось, молодых встречают на повити. Здесь тысяцкий ставит их на середину, а всех ездивших к венцу — полукругом. Перед молодыми кладется постель. Отец и мать с иконой и хлебом-солью трижды обходят против солнца вокруг всего свадебного поезда, захватывая в черту круга и постель. Впереди идет отец с иконой, а сзади мать с ковригой хлеба на голове. На ковриге ставится солонка с солью. Мать всегда ступает очень осторожно, т.-к. просыпать соль — самая плохая примета, — в доме будут ссоры. Обойдя три раза, благословляют молодых, — сначала отец, а затем мать. Молодые, поцеловав икону и ковригу, трижды кланяются родитетям в ноги.

В Новгородском у. дружки, после того, как они помогут невесте сойти, ведут молодых к столу, где ставят их на разостланную шубу. Молодые трижды кладут земные поклоны и родители благословляют их.

В Грязовецком у., встретив молодых с иконой и хлебом-солью, их сразу везут в избу, где родители и крестные жениха благословляют молодых, ставших на колени и трижды сделавших земной поклон; при этом гости все время поют стихи: „Заступница усердная", „Богородица дево" и др. (В Люб. у. благословив молодых в сенях, благословляют еще раз в избе у стола).

Затем, в Ленском районе, тут же на повити начинают поздравлять молодых. Жених наливает, а молодая держит

поднос. Вся родня жениха во главе с его семьей подходит, целует иконы у дружек, целуется с молодыми, поздравляя с „законным браком“ и желая „быть да жить, да здравствовать“, затем целуются с тысяцким, сватьями (т.-е. со всеми ездившими к венцу) и выпивают стакан пива и рюмку вина.

Следует сказать, что весь поезд сопровождается песнями

1) „Уж вы, соколы, соколики...“ (Ш. № 1505).
2) „На горе на той высокой,
Тут стоял новый божий храм...“
3) „Сокол, соколий сын,
Сокол, удалой молодеч...“ (Ш. № 1654.)

(С последней песней обращаются сначала к отцу, затем к матери, братьям и сестрам).

4) „По болоту по грезному,
По осоке по траве...“ (Ш. № 1574).

В Новгородском у. поздравляют на улице, молодые становятся за столом; невеста наливает рюмку водки, жених вызывает по очереди всех своих родных, начиная с отца и матери. Подошедший высказывает всякие пожелания, отпивает из рюмки несколько раз, причем после каждого раза приговаривает: „горько“, „кисло“, „солено“. Молодые трижды целуются и тогда, сказав: „сладко“, тот уходит и подходит следующий. Нужно заметить, что, когда родители жениха поздравляют молодых, одна из „постельниц“ дарит мать платьем и рубашкой, отца рубашкой и штанами. Они высоко поднимают подарки, показывая всем и приговаривая: „Наша молода не спала, не дремала, тонко пряла, звонко ткала, бело белила и нас подарила“, и затем, в свою очередь, дарят невесту, — мать платьем, отец блузкой.

В других местах молодых поздравляют уже в избе. Так, в Ростовском у., когда их приведут в дом и снимут с них верхнее платье, они становятся за стол. Невеста держит поднос, на котором стоит стакан с брагой. Подходит женихова родня. Подошедший берет стакан, целует невесту, после чего невеста в „перевертку“ трижды целуется с женихом, затем жених целует подошедшего; последний кладет деньги на тарелку, стоящую рядом с молодыми и отходит

После „здорованья“ молодых ведут в избу (Ленск. р.). Чтобы быть главой дома, невеста, входя в избу, должна

прыгнуть на порог, глядя на матицу, и сказать: „Тут все овцы, одна я волк“ (Люб. у.). И в Пошехонском у. невесту учат прыгнуть обоими ногами на порог, говоря про себя: „Скочь, волчек, в овечье стадо“. Если свекровь заметит проделку молодой, она тоже про себя говорит: „На волка собаки злы“. То же самое встречается и в других местах, например, в Лужском у., где, толкнув потихоньку от других ногой о порог, молодая говорит: „Вы мои овцы, а я ваш волк“. В Рыбинском у. молодые должны перешагнуть через порог, а не ступить на него. Когда ведут молодых в дом, в это время стреляют, на встречу бросают горшки и латки,— „где бьется, там живется“, — овес, чтобы богато жили; перед молодыми разметают веником путь (Новг. у.). В Тихвинском у. также перед молодыми „пашут“ от сеней веником; в Крестецком у. это делает сваха, в Валдайском у. мать „опахивает“ перед молодой, когда та, переодевшись, выходит из чулана.

В целом ряде мест (Валд. и Кресст. у.у.; Мих. и Удом. в.в. Вышневол. у.) по приезде молодых, до угощенья, происходит „вскрытие“ невесты [1]). Ее ведут к столу. В Валдайском у. к столу идут в следующем порядке: впереди идет сваха с подушкой, за ней дружка с кнутом ведет за руку молодую, которая держит за руку мужа (в Крест. у. молодую также ведет дружка, в руках у него пирог и кнут). В это время две снохи, „вырядившись“ (намазав лицо сажей, с горшками на головах и т. п.) занимают место невесты за столом. Одна из них трет табак, другая бьет шерсть, при этом обе дурачатся, поют разные прибаутки. Сваха, держа в руках пирог, выкупает место, она обращается к ним: „Что у нас люди какие сидят? Нельзя ли нам здесь местечко освободить“, — и дарит им на повойник или платки; те освобождают место. Затем молодых ведут „посолонь“ вокруг стола. Перед молодой идет мать и „опахивает“ [2]) веником, что то шепча при этом. Девушки в это время поют:

„Прасковья душа, сдогадайся, сдогадайся,
Как ведут тебя, раскрывайся, раскрывайся,

---

[1]) В Удомельской в. Вышневолоцкого у., если свадьба играется „девкой“, это совершается по приезде в дом жениха, вечером.

[2]) Пахать, опахивать веником — мести.

Всем добрым людям показати, показати,
Что-ль Яблоновская [1]) молодая, молодая,
А Симоновская [2]) похвальная, похвальная".

Или, вариант:

„Ты, Пашенька, не пугайся,
Васильевна догадайся,
Как ведут тебя раскрывати,
Всему поезду показати,
Что Пестовская-то молодая,
Что Исааковская-то похвальная".

Или, вариант:

„Рыбинька $\frac{\text{плотичка}}{\text{плотушка}}$ не прыгайси,
Прасковья душа, сдогадаиси,
Тебя хотят раскрывати,
Всему поезду показати".

Или еще поют:

„Плавала чарочка по сладкому меду..." (Ш. № 1618).

Затем молодых ставят за стол. Двери открывают и пускают народ. Дружка спрашивает, будут ли хвалить молодую. — „А что дадите?" — „Четверть водки и ведро пива". — „Будем" (в Крест. у. дружка говорит: „Мы будем вас, ребятушки, поить, а вы нашу молодую хвалить"). Тогда вызывают отца и мать раскрывать молодую:

„Есть ли во светлой светлице..." (см. Ш. стр. 503—504).

Те выходят, берут кромку хлеба и начинают навертывать на нее платок с нижнего конца. Когда свернут, благословляют им кругом по солнцу три раза. Невеста становится „дыбом" за стол. Женщины кричат: „Ура! хороша!" Невеста кланяется. Им дают пирог, фунта на три, без начинки. Мужчины кричат: „Наша лучше", (в Крест. у. мужчины кричат: „Хороша молода, молода хороша, ура! ура!" Молодые кланяются). Им дают водки и пива. Затем родители поздравляют молодых: „Поздравляем вас, детушки, с законным браком. Дай, господи, жит счастливо, весело. Повидайтесь, поцелуйтесь!" Те целуются.

По другой версии, из того же Валдайского у., невесту раскрывает дружка. Он ударяет кнутом по подушке (в Крест.

[1]) Яблоновская, — место, откуда взята молодая.
[2]) Место, куда взята молодая, где ее „хвалят".

дружка также стегает кнутом накрест подушку, положенную на лавку для невесты), затем берет пирог, без начинки, с изюмом, фунта на три, кладет на голову молодой и начинает заворачивать платок на пирог; далее обводит пирогом с платком над головами молодых. Женщины кричат и т. д. (В Крест. у. мужчинам тоже наливают вина, а пирог, который дружка ломает и бросает, подхватывают детишки). В обеих волостях Вышневолоцкого у. пирог завертывает в платок свекровь, при этом дружка, прося показать невесту, кричит: „Сватья, матушка, нас посмотри и себя покажи". Присутствующие также кричат: „Ура, хороша" и т. д. Дружки размахивают в толпе полотенцами и кричат: „Наша молодая не спала, не дремала, все дары вышивала". (Мужчин тоже угощают вином, а женщинам дают пирог).

Теперь, прежде чем перейти к описанию княжого стола, следует сказать несколько слов о кормлении молодых. Так, в Валдайском у. и в Михайловской в. Вышневолоцкого у., молодых после вскрытия невесты уводят в чулан, где их кормят отдельно от гостей, при этом родители относят в чулан кромку хлеба, на которую навертывали платок (Валд. у.; в Крест. же у. и в Удом. в. Вышневол. у. молодые садятся сразу за стол с гостями).

Отдельное кормление молодых встречается и в других местах, например, Грязовецком, Кадниковском, Любимском, Новгородском, Пошехонском и Рыбинском у.у. С молодыми остаются две свахи, дружка и тысяцкий. Молодая незаметно от других вынимает из подмышки правой руки просфору, с которой она ехала к венцу и с которой венчалась (держа ее все время подмышкой). Сначала молодые едят просфору, потом для них разрезают на две половины яйцо, и они съедают каждый по половинке, затем пьют чай и закусывают пирогом (Рыб. у.). В Любимском у. также варят молодым два яйца, и они съедают от каждого по половинке, — „чтобы дружнее жить". В Валдайском у. они съедают по ягодинке клюквы, пьют из одной чашки, съедают откусывая по очереди, пирожок, который подносит им мать. В Пошехонском у. их кормят „сгибнем" [1]).

[1]) Этот сгибень хранится с кануна свадьбы, когда в девичник после отъезда жениха приезжают его родители «ломать сгибни». Зажигают лампадку и отцы через стол ломают сначала один, а затем другой сгибень,

В Никольском у., наоборот, приехав к жениху после венца, гости жениха выносят на двор пиво, вино, конфекты, пряники и первых угощают жениха и невесту, которые, таким образом, едят и пьют при всех. После этого все идут в избу, дружка идет первый и, прежде чем войти, опять читает молитву.

Княжих столов часто бывает несколько. Сначала устраивается „темный" (Люб. у.) или первый „княжий стол", с менее обильным угощением. Этот стол бывает непродолжителен, иногда за ним пьют только чай; при этом поются, главным образом, величальные песни (см. „сватанье", Ленск. р.). Молодые за этим столом ничего не едят, перед ними лежат только ложки. Невеста сидит, как приехала, — в пальто и шали (после „темного стола" их уводят и поят чаем отдельно (см. выше Люб. у.).

В Новгородском у. также устраивают сначала кофе или чай с домашним печеньем; при этом за стол не садятся до прихода „чеслян" — родных невесты. (В Ленск. р. родня невесты — „свадебщики" являются только ко 2-му, „красному" столу). „Чеслян" встречают на улице. Невеста подзывает по очереди всех их к рюмке; выпивающий высказывает всякие пожелания, например: „Сто лет прожить, сто хат нажить, золота бочку, сына и дочку", или; „Живите весело и богато, друг друга любите, старых почитайте и нас не забывайте" и т. д. Каждый чеслянин дарит невесту деньгами, при этом мало подарить нельзя, т. к. толпа зорко следит, кто сколько положит на тарелку, — мало положить, значит признать себя бедным, что в свадьбу усиленно скрывается. Когда все подозваны, садятся за стол и подают кофе и т. д.

В Ростовском у. за первым княжим столом подают чай и закуску: студень, селедку, заливную рыбу, соленые огурцы, нарезанные ломтиками колбасы.

Девицы припевают гостям те же „припевы", что были и на „сговорах" и получают за это деньги, но, кроме того,

---

т. к. у невесты испечен свой, а жениховы родители приезжают со своим Невестина мать берет две половины от разных сгибней себе, а две других увозит мать жениха.

поют и „без вознаграждения, а так, чтобы веселее было на свадебном дворе". Поются следующие песни:

1) „Последний раз с вами прощаюса
На всегда от вас удаляюса..."
2) „Ты, родимая моя маменька,
Уж как с кем ты думу думала..."
3) „Не у нас ли, в чистом поле,
Завяли алые цветы..."

После припевок и песен выходят из-за стола, который накрывается на обед или второй княжий стол (иногда последний устраивается на другой день).

Перед началом угощения, когда все займут свои места за этим вторым столом, гости стоя, поют какой-нибудь священный стих. Затем все садятся. Тысяцкий режет принесенные пироги с рыбой и, вырезав из середины пирога кусок, кладет его на тарелку молодым (Гряз. у.).

В Никольском у. пирог разрезает дружка. Перед тем как сесть за стол, он обращается к родителям: „Отец и мати, благословите молодых за стол поставити". Получив ответ: „Бог благословит", он читает Иисусову молитву и снова говорит: „Отец и мати, разрешите пирожок разрушить", и опять ему отвечают: „Бог благословит". (Гости жениха обедают за отдельным столом. От невесты же в этот день приезжают только 2 человека).

Следует сказать, что за столом молодые сидят всегда рядом, на вывороченной шерстью вверх шубе (Ленск. р., Гряз. у.), на „мохнатом" (Рост. у.) или на подушке (Тихв. у.); над головами у них на полавочнике ставят иконы (Кадн. у.) и венчальные свечи (Крест. у.); им полагается один прибор,— едят они из одной чашки, одной ложкой, одной вилкой, чтобы дружнее жить (Гряз., Кадн. у.у.).

В Ростовском у. второй княжий стол ничем не отличается от стола на сговорах. Гости рассаживаются в том же порядке, поются те же песни, так же кричат „горько" и подаются те же блюда: мясные щи, суп, тушеное мясо с картофелем, котлеты, „лапшевник" (лапша приготовляется из картофельной муки, масла и яиц), оладьи в масле и, наконец, молочный, клюквенный или яблочный кисель. Кроме того подаются разнообразные печенья,— домашнего приготовле-

ния и покупные и, обязательно, брага и клюквенный квас. Мужчины пьют, шумят; нередки и драки. К концу обеда появляется стряпуха с подносом, на котором стоит вазочка с вареньем, рядом лежит ложка. Стряпуха подходит к жениху, кланяется, тот берет ложку, съедает ложечку варенья и кладет на поднос деньги. Стряпуха обходит всех гостей, собирая деньги за стряпню и хлопоты.

В Любимском у. за „красным“ столом блюда идут в следующем порядке: студень, щи или „похлебка“ (мясной суп), лапша, каша. За кашей дружка бьет пустой горшок — „бьет невестино сердце, чтобы зла не была“. Затем подают „почешное“, за которым сваха дарит родне жениха полотенца, приговаривая: „Дары-то примите, да невесту хвалите, она дары шила, не в лесу шишки обирала, а полотенца собирала“. За дары отдаривают деньгами. За столом все время пьют. Стряпуха кричит: „Заслонка не открывается“ — приходится и ей дарить полотенце. За почешным подают затушенный с мясом картофель и, наконец, пирог.

Следует сказать, что здесь невеста к „красному“ столу наряжается в венчальное платье и цветы (после венчанья она переодевается в тот же наряд, в каком приехала из дому и так остается до красного стола). В Кадниковском у. она тоже, прежде чем сесть с гостями за стол, переодевается в то платье, в котором венчалась, и, если у нее нет фаты, одевает шляпу. В Новгородском же у., наоборот, невеста перед вторым столом снимает венчальный наряд, при этом венок и фату одевает на голову старшей подружки, передавая ей этим свою красу и девичество.

В Новгородском у. подаются те же блюда, что и в Любимском у., только за лапшой следует рыба, за ней жаркое и, наконец, целый ряд пирогов: 1) каравай — круглый пирог, испеченный на сковороде и начиненный рисом и мясом, чаще всего свининой, 2) пирог с рисом и яйцами, или с капустой и яйцами, 3) пирог с вареньем, вместе с которым иногда подается и компот. При этом за столом сидят одни чесляне, а родня жениха угощает: мужчины беспрестанно обносят гостей водкой или самогонкой, медом, пивом; женщины сменяют кушанья (утром у невесты, наоборот, угощали родню жениха). После этого стола бывает еще чай с печеньем и пирогами.

В Ленском районе родне невесты за красным столом также отдается предпочтение: она теперь садится за стол, за которым сидят молодые, а родня жениха рассаживается за столы, расставленные в „куте“, тогда как на сватанье, у невесты, гости с жениховой стороны сидели за первым столом с женихом и невестой, и им подавали все лучшее и в первую очередь.

„Красный“ стол устраивается так же, как и стол на сватанье, и на второй день после свадьбы. На скатертях домашнего тканья раскладывают кучами хлеб, для каждого гостя отдельно: вниз кладут ломти от ковриги хлеба, на них пироги, толстые „шаньги“, тоненькие „налевушки“ с „заспой“, „козульки“ с сыром и поверх ломоть от белой ковриги (черный хлеб в виде шанег, всяких сортов пирогов и пр. преобладает, белого же хлеба кладется только по ломтю; кроме того стряпаются белые сладкие пироги, блины и, как роскошь, корки для рыбных пирогов). Возле кучи кладут ложку и вилку (ножик полагается только к куче того по стороне мужчин, кто будет разрезать кушанье для лиц своего блюда, — из одного блюда едят несколько человек). К кучам жениха и невесты прибавляют по белому каравaю, которые не съедаются ими до окончания всех свадебных столов; кроме того к их кучам кладется полный прибор — купленные металлические ложки, вилка и ножик. Когда хлеб таким образом разложен, поставлены: соль, горчица уксус и рыбные пироги, по обе стороны стола кладут полотенца, которыми покрывают кучи и которые расстилаются по коленям гостей, когда те приступают к еде.

Первым подается пирог, за ним студень разливной, студень говяжий, щи и жареная рыба. Перед началом стола и после жареной рыбы подается по стакану пива (стаканы оловянные); пиво в братыне ходит все время вокруг стола. Затем идет жаркое — „легко“, приготовляемое из легких теленка или овцы, которые наполняются молоком и жарятся в печи; далее сладкие пироги из белой муки с изюмом, каравай, принесенный со сватанья, и кисель.

Молодых, как и на сватаньи, часто угощают гости, поднося на вилках куски кушаний. Молодые встают, берут вилки кланяясь, благодарят и, съев поданное, возвращают вилки.

Угощение длится долго. Гости то и дело заставляют молодых целоваться, крича им „горько“, и испытывают их находчивость. Так, невесте кричат: „Ольга Ивановна, у меня в рюмке рожь“! Она отвечает: „У меня Иван Николаевич хорош.“ — „Иван Николаевич, у меня овес!“ — „Я Ольгу Ивановну привез.“ — „Ольга Ивановна, у меня в стакане есть пшена!“ — „А я Ивану Николаевичу жена“. — „Иван Николаевич, у меня жито!“ — „А у меня Ольга Ивановна есть нажита“. Кричат: „В стакане гуж!“. Невеста отвечает: „Тимофей Петрович мой муж“ и т. д. Разошедшиеся гости кричат, наконец, что в стакане у них уши видны. Молодая должна взять мужа за уши и поцеловать в уста. В стакане у них видна маковка,— молодая целует мужа в маковку; видны ноги,—она кланяется ему в ноги; в блюдце скамейка, — молодые становятся на скамейку и целуются... Шуткам и прибауткам нет конца (Крест. у., Мих. в. Вышневол. у.).

Девушки все время веселят пирующих, поют им всевозможные величальные и „досульные“ песни, за что им платят деньги (Крест. у.).

В Ветлужском крае, когда гости сядут за красный стол, девушки выносят каравай, — высокий, уряженный цветами и елочками из бумаги; посреди каравая, сверху, стоит кукла — безобразный старик с длинной бородой изо льна, в рваной одежде, рваной шапчонке, с вязанкой дров из прутиков за спиной и с клюкой в руках. Подавая каравай, девушки говорят: „Корешок-от подрубитё, вершинки-ти не посушитё, а сосенку-ту позолотитё“. Дружка, ловко вырезав сбоку кусок каравая („жеребей“), подает его девушкам: „Сперва отведайтё сами, а то, может, вы отравы какой наклали“. Но девушки отказываются, зная, что если они отведают каравая, то не получат выкупа. Тогда дружка предлагает им „выговорить“: „Рыла свинья тупорыла, пол двора рылом срыла. По-за косогорову по косогору шла баба, несла девятеры лапти, все черевики, девятерики, все черевики, девятерики“. Девушки стараются повторить сказанное, но часто мешаются; дружка шутит над ними; девушки требуют выкупа. Им дают 10 — 25 копеек. Каравай съедают, а старика дружка подает невесте, предлагая „поводиться с ним“, т.-е. поняньчить его. Затем девушки „чередят“ (хаят) свадьбу, начиная с дружки.

„Дружка, дружка, дружка мой,
Дружка рваный и седой.
Как на дружке-то штаны
После дяди сатаны.
Дружка, дружка, дружка мой и т. д.“.

Дружка дает им денег. Девушки чередят свах:

„Уш и сваха шоболтошнича“...

Им опять дают денег, после чего девушки хвалят поезд в лице дружки:

„Дружка, дружка, дружка мой,
Дружка ласковый какой,
Дружка весел и румян,
Хоть и пьет, а сам не пьян и т. д.“.

В Грязовецком у., как только тысяцкий разрежет пироги с рыбой (см. выше), являются девушки с „конем“ [1]) и просят у тысяцкого разрешения „вывести коня“. Получив таковое, одна из них выходит с „конем“ в руках и говорит

„Иду молодешенька,
Иду зеленешенька
На своих резвых ножках
Во сафьяных сапожках,
На вострых носочках,
На медных на скобочках,
От печи кирпичной,
От столбика горемычного,
По полу по тесовому
Ко столу ко дубовому,
К скатертям браным,
К полотенцам вышитым,
К вилочкам точеным,
К ложкам злаченым,
К ножикам булатным,
К вам гостям приятным;
Ножки с подходом,
Ручки с подпосом,
Голова с низким поклоном,
Язык с переговором.
Здравствуйте, сватушко любезный,
И весь поезд честной!
Извольте любоваться
Нашим конем.
Мы коня наряжали
Вам гостям для потешки,
А нам, молоденьким девушкам,
Пожалуйте, на орешки;
А мне, молоденькой девушке,
Хоть на конфетики для голоску,
Вы, гостеньки не бедные,
Не кладите деньги медные;
Вы, гостеньки отважные,
Кладите денежки бумажные,
Для нашей братии
Тысечки две — три,
Пять — шесть,
И то нам будет в честь;
Семь и восемь,
Мы ваши денежки
В сторону не бросим,
А тысячек и тридцать

[1]) „Конь“ — гипсовая, фарфоровая или деревянная верховая лошадка вышиною до полутора четвертей, длиною до двух четвертей. Он покупается в городе и имеется у девиц в каждой деревне. Подружки вышедшей замуж украшают его стеклярусом, искусственными цветами, лентами и серебряными часами с цепочками.

Господин тысяцкий,
Князь молодой, княгиня молодая,
Гостеньки и гостейки,
Нам молоденьким девушкам
Пригодится.

Затем ставит на середину стола коня и блюдечко; гости кладут туда деньги и девушки уходят. На смену им являются другие, помоложе, с „зайчиком“ [1]). С ним проделывают то же, что и с конем. Потом приходят бабы, которые, пропев пронзительными голосами: „Тебе бога хвалим“, поздравляют родителей жениха и невесты с новобрачными детьми и просят с жениха и гостей деньги за флаги и иллюминацию. Молодых и каждого гостя все время „опевают“ (Ленск. р.), „припевают“ каждому кого-нибудь, — жениху — невесту, парням — девушек, женатым — жен. Ниже приведены те из песен, которые для данного места ранее не встречались:

1) „Ни по улке было улочке...“ (III. № 1737)

(поется жениху, — Тихв. у.).

2) „Уж как Паня воду носит,
Коромысло гнется...“ (III. № 1979, 13 посл. строк).

(поется невесте; там же).

Дружке:

3) „Большой друженьке хорошеньке...“

(там же).

4) „Кто у нас хороший...“ (III. № 2410).

(провожатому, — Тихв. у.; вообще мужчинам, — Валд. и Лужск. у.у.).

5) „Что ни конь идет по бережку...“

(поют мужчинам, — Лужск., Тихв. и Крест. у.у.; или невесту веселят, — Валд. у.).

6) „Как летели голубы, голубы...“ (III. № 1574)

(невесту „веселят“, — Валд. у.; поется также в Лужск. у.).

7) „Иван-то князь кудёрый...“ (III. № 1627).

Или, вариант:

„У Василья и света кудеры...“ (III. № 1929).

---

[1]) Зайчик — также гипсовая фигурка сидящего зайца.

Или, вариант:

„Дубчик, дубчик листоватый..." (III. № 2427)

(поется жениху и гостей „веселят", — Валд. у.).

8) „Что на Пашеньке цепочка горит..."

Или, вариант:

„Как за реченькой огонечек горит..."

(припевка невесте и гостям, — Валд. у.).

9) „Горная барыня ничего не возлюбила..." (III. № 2000)

(поют княгине, — Валд. у.).

10) „Стояли кони вороные..."

(жениха веселят, — Валд. у.).

11) „Через речушку черемуха лежит..."

(припевка гостям, — Валд. у.; тоже Лужск. у.).

12) „Верба, верба, вербочка
Золотая веточка..."

Или, вариант:

„Уж ты верба, ты верба, ты верба моя..."

(гостей веселят, — Валд. и Крест. у.у.).

13) „Уж как Ванюшка богач-богач-богач..." (III. № 2310 и др.)

(жениха веселят; имеется вариант — шутливая, — Валд. у.).

14) „Старший друженька, покушай..."

(дружке, — Валд. у.).

15) „Уж ты свашенька, покушай..."

(свахе, — Валд. у.).

16) [1]) „Сватьюшка турича,
Катеринушка молодича..."

(свахе, — Ленск. р.).

17) „Егор, господин, не скупися..."

(поется гостям, чтобы не скупились, — Ленск. р.).

18) „Во горниче на столе, на столе..." (III. № 1585).

19) „Шелкова нитка
Ко стенке льнет..." (III. № 1506).

---

[1]) Песни от 16 до 21—все относятся к Ленскому р.

20) „Пили, пили бояре вино,
Вили, вили соколы гнездо...“
21) „Кяк у чарочки, да у серебряной,
Золотой был виночек...“ (III. № 1923).

(если с этой песнью обращаются к замужним и у них есть дети, то в зависимости от того, кто есть, сын или дочь, изменяют конец песни)

22) [1]) „Уж как по мосту, по мосточку...“ (III. № 2372)
23) „Земляниченка, ягодка, отчего ты красная росла?
Розан мой алый, виноград зеленый...“
24) „У стола было у столика...“ (III. № 2160)
25) „Орешничек кудреватый,
Кто в компании не женатый,
Розан мой алый, виноград зеленый...“
26) „Уж как кто во пиру сидит хорош...“
27) „Как у нашей у соседушки...“
28) „Пойду, схожу в садок,
Сорву розовый цветок,
Ой розан, мой розан, аленький цветок...“

По выходе из-за стола гости пляшут, поют песни, главным образом, частушки. Они выходят „на сарай“ и под гармонь „толкут на кисель“ — „танцуют русскёва да камаринскёва“, пока не устанут (Кадн. у.). В Ленском районе подвыпившие „сватова“ (родня невесты) образуют на повити хоровод и пляшут почти исключительно одни.

В других местах, например, в Крестецком у., „гуляют“ в избе. В избе душно, тесно. Хозяин и сваха все время следят, чтобы молодых не теснили. Невеста танцует только с женихом и братом.

Девушки от лица невесты поют:

1) „Поработайте, родители,
Вы годик без меня,
На тяжелой на работушке
Припомните меня“.
2) „Не ходи, подружка, замуж,
Под венцом не устоять,
Белы ручки затрясутся
И свечей не удержать“.

Погуляв, пьют чай. Затем, или отправляются на родину невесты, или ложатся спать. (Крест. у.). Молодых тоже уводят спать.

[1]) Песни от 22 до 28 относятся к Ростовскому у.

Дружка напутствует молодых: „Теперь молодых на панклет свести да за хохол трести. Там только как ковирок, только брызги в потолок“ (Ветл. кр.).

Брачная постель.

Брачная постель обыкновенно устраивается в „подклети“ [1]) или в холодной горнице [2]).

Молодых туда уводят крестные (Рост. у.), дружка (Гряз., Валд., Люб. у.у. и Удом. в. Вышневол. у.; в Ермак. в. Пошех. у. — дружка с „братным местом“), сваха (Валд. у.; „постельная сваха“ — Рыб. у.; в Тел. в. Пошех. у. — сваха с дружкой), тысяцкий, или большой боярин (Кологр. у.) или тысяцкий, сваха и дружка вместе (Ленск. р.; Кадн. у.). Провожают молодых с иконой (Ермак. в. Пошех. у.). В Никольском у. вместе с молодыми идут туда и гости, которые там опять пляшут, а молодые угощают их пивом.

Постель для молодых, в Ветлужском крае, заранее приготовляют близкие подруги невесты. Когда молодые приходят, девушки не отдают им постели, пока не получат с молодого выкупа. Получив выкуп, они все же сразу не уходят. Молодой держит себя с ними довольно свободно, хватает и щекочет их; молодая мало обращает на это внимания. Затем молодой выпроваживает девушек; девушки стараются как-нибудь спрятаться, чтобы подслушать, что молодые будут делать или говорить. В Телепшинской в. Пошехонского у. постель приготовляет сваха. Дружка берет сваху, кладет ее на постель, говоря: „Надо дорогу показать“, и сам ложится. Потом они встают, укладывают молодых и уходят. В Ростовском у. на постели лежит та родственница жениха, которая ее готовила. Ей дают денег, чтобы выкупить постель, и она уходит. В Тихвинском у. в прежнее время на кровати ложился деверь; ему надо было дать подарок, и тогда он уступал место жениху, при этом в головы молодым клали кнут. В Ленском районе, хотя постель и бывает постлана раньше, молодая сама должна

---

[1]) Подклеть, подклет — нижнее жилье двужилой избы, подъизбица иногда и не жилая.

[2]) Здесь молодые спят одни весь год до появления первого ребенка (Ветл. кр.).

прибрать ее, посмотреть, нет ли там порчи — собачьей и кошачьей шерсти, смешанной вместе, или сломанных иголок [1]). Молодую иногда заставляют раздеваться при гостях (Тихв. у.). Молодой помогает раздеваться сваха, но иногда молодые сваху не пускают (Рыб. у.).

Когда постель готова, молодая снимает мужу сапоги и за это берет себе деньги, которые он кладет туда для этой цели (Ленск. р.; Кологр. и Рыб. у.у.). Затем молодой ложится, а молодая должна упрашивать его дать и ей место на постели (Кологр., Рыб. и Тихв. у.у.). Когда молодые лягут, тысяцкий и дружка перекатывают молодых друг через друга, приговаривая: „Не раскатывайтесь, спите тесно", и т. д. (Кологр. у.). В Рыбинском у. молодуха нарочно начинает снимать на постели серьги и просит мужа снести их на стол. Если муж ее хитрости не поймет и сделает, как она просит, тогда жена будет над ним большая; если же он не сделает этого и скажет: „Положи под подушку" — все расчеты хитрой молодухи на главенство пропадут.

Каждый из молодых старается дольше не уснуть, так как „кто первый уснет, тот первый и умрет" (Рыб. у.).

Невеста редко отдается мужу в первую и две следующих ночи, так как „если на первую отдастся — не будет любить муж; если на вторую отдастся — не взлюбят свекор и свекровь, а если на третью отдастся — не будут любить деверья и золовки". Если же невесте приходится отдаться с первой ночи, она всеми силами защищает свою девственность: рвет на муже рубашку, царапает ему лицо, кусает его и отталкивает от себя. Рубашку, которая была надета на ней в первую брачную ночь, она сохраняет всю жизнь, никому не показывая ее, кроме мужа (Ветл. кр.).

Первые дни после свадьбы.

Поднимание молодых. На следующее утро молодых будят, разбивая о двери один или несколько горшков (Рыб., Рост. и Валд. у.у., Ленск. р.). В Кадниковском у.

[1]) Порчу через постель насылают и в других местах. Так, в Лужском у. в постели однажды нашли 7 иголок с тоненькими ушками, причем в каждом было по 7 ниток. Это было сделано для того, чтобы молодые не любили друг друга. Пришлось обращаться к колдуну, чтобы тот отколдовал.

открывают дверь в комнату молодых и бросают туда горшок с горохом и серебром. Горшок разбивается, содержимое рассыпается по полу, молодая же должна подмести пол и выбрать серебро, рассыпавшееся с горохом. В Тихвинском у. утром родственники будят молодых: „Что вы спите, молодые, изба не пахана!“ и бросают на пол горшок с мякиной. В Вышневолоцком у. дружка с кнутом в руках будит молодых [1]), разбивая горшок у их кровати. В Лужском у. у кровати молодых бьют стакан, в который предварительно кладут деньги (разбивание горшков у кровати или у дверей молодых знаменует собою потерю девственности невесты в эту ночь, — Кадн. у.).

В Рыбинском у., как только молодуха услышит, что идут их будить, она сбрасывает с себя и с мужа одеяло на пол, — чтобы ей в этом году не хворать.

Когда приходят к молодым с приглашением завтракать, то спрашивают у них, что принести, — икону или горшок с угольями (если у них были половые сношения, то иконы над головами уже не ставят); некоторые спрашивают молодого: „Лед ломал или грязь топтал?“, т.-е. сохранила невеста девственность или нет (Кадн. у.). В Ленском районе этот вопрос задается молодому, когда садятся за стол, причем у молодой также спрашивают, — каково они почевали.

В Александровском у. существовал обычай такого рода: во время утреннего чая муж пробовал у поданного ему стакана с вином дно вилкой в том случае, если молодая была до брака невинной; в противном случае он расшибал стакан сбоку.

В Ветлужском крае дружка встречает молодых со стаканом вина и говорит:

„Осподи Сусе Христе, сыне боже...“

Молодые пьют и целуются. Дружка подшучивает: — „Ну, значит, все благополучно, а мы уже думали, не врозь ли вы спали. Чево доброва, люди молодые, глупые, ишшо, пожалуй, и не догадаются, што надо што-то делать“.

В этом же крае, на четвертый день свадьбы, после того как молодая три раза обойдет и поцелует участников поце-

[1]) В Кологривском у. молодых будит дружка с тысяцким, в Ветлужском крае — сваха.

луйного обряда, она подает мужу стакан вина и кланяется ему особо. Муж, если молодая до брака была невинной, подносит ее отцу на подносе ее ночную рубашку со всеми признаками первой ночи, чем особенно гордятся родители молодой (в противном случае, муж надевает на ее отца хомут). После этого он выпивает вино и с размаху разбивает стакан об пол, в знак разбитой им самим девственности молодой.

В Валдайском у., еще до прихода молодой в избу, туда приходят ряженые девушки, дурачатся, изображают свадьбу. Их угощают вином.

Когда молодые приходят в избу [1]), там уже готов завтрак. Из родного села молодой приезжает отец и еще кто-либо из близких родственников [2]) „зватым“ — приглашать к себе гостей.

Умывание и „поцелуи“. Начинается умывание рук. Молодой стоит с тарелкой или подносом, молодая с полотенцем, а сваха (крестная молодой) с водой. Все гости умывают руки и платят молодой. Затем садятся завтракать (Кадн. у.). В Пошехонском у., как только все станут, дружка пачкает всех гостей сажей, они берут мыло, моются и отдаривают за мытье (20 — 50 коп.); тот же обычай существует и в Тихвинском у.

В Новгородском у. дружки, разбудив молодых, ждут, когда последние оденутся, а затем берут их за руки и ведут умываться. В Лужском у., наоборот, молодая дает дружкам умываться и подает им полотенца. В Ветлужском крае молодых одевает и умывает сваха, которая и ведет их затем к гостям.

В Кологривском у. дружка и тысяцкий, разбудив молодых и посадив их за стол, едут за родителями молодой и за ее „коробьем“ (сундуком с одеждой; см. „Отвоз приданого“). По возвращении, они просят у родителей жениха баню; те отвечают, что „баня истоплена“. В это время у колодца

---

[1]) В Ветлужском крае молодые приходят не скоро, и свахе приходится ходить за ними несколько раз.

[2]) В Рыбинском у., где в этот день „горные“ (родные молодой) приезжают опять, свекор и свекровь молодой встречают их на крыльце с пирогом, водкой и квасом. Кто первый входит на крыльцо, тот и выпивает водку.

„моют“ всех девок, молодых баб и ребятишек, — оплескивают их водой. Молодых моет (притворно, т.-е. делает вид, что моет) невестина сваха в отведенной у родни избе. Это называется „побелиться“.

В Рыбинском у., в старину, умывание происходило во дворе, в таком порядке: приносили ушат с водой и ковш. Одна сваха становилась с полотенцем, а другая — с зеркалом, мылом и гребенкой. Сначала умывались новобрачные, а за ними и прочие родные. В настоящее время „умывание“ здесь состоит в том, что каждый, получивши от молодой подарок (см. ниже, „Дары“) идет „умываться“, т.-е. пьет водку или квас. Иные в это время кричат: „горько“ и заставляют молодуху кланяться мужу в ноги; таких поклонов ей приходится делать очень много.

После умывания молодая целует родителей, называя их тятенькой и маменькой, кланяется им в ноги и просит учить и наставлять по-своему (Новг. у.).

В Рыбинском у., утром, на третий день свадьбы, как только все оденутся и соберутся в избу, молодуха должна поклониться мужу в ноги, затем она кланяется свекру со свекровью и крестному с крестной (если последние присутствуют). После этого пьют чай, а старшие, кроме того, водку, причем молодые кричат: „горько“, а те целуются.

В Ветлужском крае на 4-ый день свадьбы, после обеда, проводят „поцелуи“. Из избы заранее убирают все, что можно, и оставляют посреди избы один стол, накрытый белой скатертью, на котором лежит блюдо или тарелка для денег. Родители молодых садятся вместе, а по обе стороны их — родственники, в обычном порядке. Молодые одеваются в простенькие платья, так как им придется не мало возиться с гостями. Принимать участие в поцелуях могут и посторонние, которые дарят невесту наравне с гостями. Невеста сначала кланяется жениху в ноги, а потом, встав, целует его 3 раза в щеки. Жених со звоном бросает на блюдо деньги, — первый раз рубль, а потом по полтиннику или меньше, затем наливает стакан вина и подает жене. Та, в свою очередь, подносит вино присутствующим, начиная со свекра, и каждому кланяется в ноги. Если свекор недоволен молодою, он долго не пьет вино, и невесте несколько раз приходится кланяться ему в ноги

и целоваться с мужем, пока он не возьмет стакан. Выпив вино, свекор целуется с молодой в щеки и кладет на стол или деньги, или плетку; плетка означает его недовольство молодою и дается для того, чтобы муж ее „учил, как следует". Таким же образом молодая подносит вино, кланяется и целует каждого из участников. Золовки целуются с нею не сразу, а загадывают сначала загадки: „Умиёт ли молодая-та снопы вязать?" Молодая встает, развязывает у мужа пояс, а потом снова завязывает, непременно „ласточкой", а не „воробьем". — „Умиёт ли молодая-та по воду ходить?" Она встает и, подбоченившись, пляшет. — „Умиёт ли молодая-та суслоны ставить?". Она берет фуражку и надевает ее на голову мужу. — „Умиёт ли молодая-та лен чесать?" Она берет гребень и причесывает мужа. — „Умиёт ли молодая-та овечь кричать?" Молодая поет какую-нибудь частушку. После целования золовки кладут под стол грабли, вилы, косы, серпы и другие сельско-хозяйственные орудия. Некоторые из гостей сразу также не пьют, а положат в стакан пуговицу, таракана или соринку и шутят: „Што это, невестонька, разь у жаниховых штонов откусила пуговичу-ту, да и положила". „Эко дело, сколько у них тараканов-то, даже в стаканы лезут". „А сору-то видно горы, чай не неряха невеста, надо выташшить". Молодая вытаскивает рукой, опущенный в стакан предмет, но из стакана все-таки не пьют: — „У тебя топеря поганые руки". Молодая наливает другой стакан и кланяется снова. Другие не пьют, говоря, что вино горькое и надо его подсластить, и молодая должна поцеловать мужа. Родственники со стороны жениха и другие участники этого обряда всеми силами стараются увернуться от целования, для этого мажут себе лицо сажей, обливаются помоями, надевают на голову дойники, ведра, корчаги, залезают под лавки, встают на них. Братья молодого убегают в гумно, взлезают на сараи, овины и клети. Некоторые прячутся в народе, на чердаках, в подполье, — и всех молодая должна отыскать, вымыть лицо и пр. и непременно поцеловать. Не поцеловать кого-нибудь из гостей считается позором для молодой. Обойдя всех участвующих раз, она снова кланяется мужу и, по порядку и родству, — каждому из участников. Мужчины дарят за поцелуй деньгами, женщины — холстом, скатертями, мать молодой дает ей зыбку (люльку).

Метение избы. В Рыбинском у. после умывания молодая переодевается в другое платье, и все садятся за стол пить чай. Затем родные новобрачной уезжают, и уже после их отъезда происходит обряд метения избы. При новобрачной в это время остается только одна ее „постельная“ сваха. Свекровь садится на лавку в переднем углу, берет веник и зажимает его между ногами. Тетки, если они есть, берут старые горшки и бьют их об пол. Кто-нибудь из присутствующих говорит при этом: „В избе много сору, нужно избу помести“. Молодуха подходит к свекрови и просит у нее веник: „Мамаша, позвольте веником избу подмести“. Если свекровь озорница, то займется с кем-нибудь разговором и просьбу молодухи как будто не слышит. Молодая должна кланяться ей в ноги до тех пор, пока свекровь не удовлетворится ее поклонами. Добрая же свекровь сразу отдает веник, причем говорит молодой: „Избу-то мети, доченька, а сор из избы не выкидывай“. Молодуха ей отвечает: „А ты, мамаша, печку-то топи, а дым не выпускай“. Затем она берет веник и немного подметает сор к переднему углу. Муж, свекор и прочие родные сидят в это время на лавке по старшинству своих родственных отношений к новобрачным.

По окончании метения свекровь кладет на поднос гостинцы и куски пирога, которыми молодая и обносит сначала свою новую родню, а потом всех глядельщиков, свекровь же или свекор обносит их водкой. После угощения девушки поют песни и пляшут, потом немного закусывают и расходятся по домам (Рыб. у.).

В Новгородском у. после умывания дружки едут за гостями молодой, по приезде которых в избу приносят мусор, мякину, овес и рожь; разбрасывают все это по полу, бьют горшки. Молодая берет веник и пытается мести, но это ей не удается, так как гости под игру гармоники пляшут по мусору русскую и снова разбрасывают сметенное, бросая при этом на пути деньги, которые молодая и собирает. Пол за нее дометает один из дружек (после того как его угостят водкой) или сестра молодого, которая получает за это платок или аршина два ситца (Новг. у.); ей же идут и оставшиеся на полу деньги (Валд. у.).

В Валдайском у. молодая метет бросаемые ей в солому (которою в этот день устлан пол) черепки к двери, а гости перебрасывают его в передний угол.

В Лужском у. молодая спрашивает утром у свекрови „Богоданная матушка, откуль избушка пашется?“ — „Любимая невестушка, с переднего уголка“, отвечает та, — и молодая начинает мести пол, как ей указано.

В Александровском у. молодая метет сор от порога к окнам и на вопрос, как у них метут, отвечает: „У нас так ведется, сор от порога на перед метется, в окно выкидывается.“ В это же время родные спрашивают молодого, какие горшки бить, худые или хорошие, и в зависимости от его ответа делается то или другое.

В Ермаковской в. Пошехонского у. (в которой метение избы происходит на 3-ий день после свадьбы) свекровь, после того как истопит печь, берет в руки „голик“ (веник) и садится на лавку. Молодуха подходит и кланяется ей в ноги: „Благослови меня, мама, избу мести“. — „Господь тебя благослави. Вот тебе, матушка, голик в руки; мети, матушка моя, да сору-то не выноси, а привези салазочки, на салазочки-то оклади да на двор-то и вывези; а на дворе-то ямку выкопай, да в ямку-то и закопай. Труба-то у нас не прорублена, один только дымоход, а ты, милая, как прорубишь, так не играй в трубу-то“. Молодая метет сор от порога, гости откидывают его обратно и бросают туда деньги, молодая их подбирает и отдает свахе. После метения избы следует обед, а затем гости уезжают домой.

В Кологривском у., на третий день после свадьбы, после того как молодые сходят за водой, кто-нибудь входит в избу и объявляет, что теленочек на дворе замерз. Тогда тащат в избу солому, иногда берут собаку, завертывают в солому и несут в избу. Солому разбрасывают по всей избе и молодая должна ее убрать; кроме того, тут же бьют горшки, которые молодая также убирает, получая за это деньги.

В Удомельской в. Вышневолоцкого у. молодая метет ту солому, которою был устлан пол избы еще во время свадьбы. Теперь эту солому немного соберут и когда молодая примется ее выметать, гости, муж и родители по очереди забирают солому ногами и тащат ее на выметенное место;

в солому бросают деньги и становятся на них или садятся и даже ложатся. Молодая подходит к мешающим ей мести, кланяется им в ноги, целует и берет деньги. Иногда деньги засовывают в потолок или под матицу, чтобы молодая не смогла их достать. Тогда она кланяется мужу в ноги, и он поднимает ее. Затем она кланяется в ноги и целует положившего деньги под матицу. Подметя избу до половины, молодая передает веник золовке или кому-либо другому.

В Михайловской в. того же у. дружка, чтобы развлечь и повеселить гостей, переодевается в худую одежду и навертывает на себя солому, причем берет с собой петуха или барана, также укрытого соломой. Придя в избу, дружка заваливается на пол; петух или баран, будучи в стесненном положении, стараются выкарабкаться и кричат, а дружка им вторит. Его угощают за эту забаву водкой, а молодая убирает солому с полу.

В Любимском у. дружка после завтрака приносит в избу мусору, сваха подает ему полотенце со словами: „Друженькя, полотенце примите, голик свяжите“ (голик до того был связан прутиками). Дружка связывает голик и подает его молодой. Та начинает мести, причем деньги, бросаемые гостями в мусор, собирает сваха, которая кладет их в платок и передает молодой.

В Ростовском у. гости бьют горшки на полу медными пятаками или старинными крупными медными монетами, при этом входят в азарт и, потратив пятаки, в дело пускают и серебро. Эти деньги идут в пользу молодой. Засыпав черепками пол, гости заставляют невесту его мести. Она берет веник, и, держа его за нижний конец, начинает мести пол к переднему углу. Родственники жениха с негодованием подступают к свахе, сосватавшей такую „неумеху“. Тогда родные невесты спрашивают, умеет ли жених дрова колоть. Приносят дров, жених колет тупой стороной топора, неудачно. Его учат. Наколотые дрова навеста несет к переднему углу. Терпение гостей истощается, они ловят сваху, чтобы ее побить. Если сваха не старая, ловкая, то ее не так то легко поймать; она убегает на чердак, на крышу, а был случай, что и в пруд убежала. Поймают, приведут к гостям, положат на лавку и начинают стегать специально сплетенным для этой цели соломенным кнутом. Молодая спешит на вы-

ручку свахи. Заранее приготовленным подарком ввиде платка или материи на платье, она покрывает сваху и этим ее выкупает.

Такое же метение битой посуды происходит и в Ветлужском крае, на четвертый день свадьбы, после того как муж разобьет стакан, поднесенный ему молодою (см. „Поднимание молодых“).

После метения избы [1]) в Новгородском у. следует обед, называемый „княжим столом“ (3-им по счету), в Валдайском же у.— завтрак.

Относительно самого обеда и завтрака можно заметить следующее: обычно устраивают или завтрак, или обед, но в некоторых местах, например, в Валд. и Люб. у., делают и то и другое.

Хождение за водой. В Валдайском у. в промежутке между завтраком и княжим столом молодая „носит воду“ из трех прорубей. Для этого она берет ведра и коромысла и идет с ними к проруби. За руку молодая ведет мужа, впереди идет дружка с кнутом, рядом — сваха с решетом. В решете нарезанная кусками булка (раньше сваха несла еще над головой дугу, вокруг которой была обмотана рубашка молодой, в доказательство ее „честности“). Если молодая из другой деревни, то впереди процессии идет кто-нибудь из родных мужа (золовка или деверь) и указывает дорогу. Дружка держит в руках пояса (выкуп). Приходят к проруби или к колодцу. Там уже сидят один или два „срядника“ (ряженых) и „удят рыбу“. Они не дают брать воду, у них выкупают разрешение. Молодая зачерпывает воду. Со стороны молодой, т.-е. кто-нибудь из ее родни, кричат: „Эй, не вытянуть!“ Тогда со стороны молодого бросают в воду выкуп (пояс или ленточку). Молодая выливает воду (с поясом), пояс дарит кому-нибудь из родных мужа. Несут воду в деревню. По дороге сваха выбрасывает булки из решета на снег или в грязь, как придется, ребята набрасываются на куски, дружка оплескивает водой (остальную выливает).

---

[1]) В некоторых местах обряд метения избы происходит уже после обеда (например, в Мих. в. Вышневол. у. и в Рыб. у.) или завтрака (например, в Люб. у.), в Телепшинской в. Пошехонского у. после блинов, в Ростовском у. в день свадьбы между первым и вторым „княжим столом“,— и даже на третий день после свадьбы (Ник. у., Ермак. в. Пошех. у.).

Если молодая берет воду на реке, она говорит: „Дарю тебя, матушка быстрая река, деньгами, чтобы платье не унесла", и бросает в реку деньгу (чтобы впредь спокойно полоскать в реке белье). После этого молодая второй раз идет за водой. Воду опять выплескивают. Она опять идет в третий раз. В это время срядники все бегают кругом, дурачатся и угощают всех вместо вина водой. Так продолжается до княжего стола. Когда молодая третий раз взяла воду, она несет ее домой. Придя в избу, ставит ведра, выливает из них воду в кадку, а кадку покрывает сверху „рушником" (полотенцем) или платком. „Кухарка" (кто стряпал на свадьбу,—если мать, то мать) снимает его и берет себе. Молодая угощает свекра и свекровь, те пробуют и говорят: „горько!". Молодые целуются. Срядники тоже целуются и занимают места за столом, которые потом у них выкупают деньгами. В это время накрывают столы белой скатертью и готовят княжий стол.

В Михайловской в. Вышневолоцкого у. молодая идет за водой к колодцу со всею молодежью после княжего стола и метения избы. В Удомельской в. молодых на ключ за водой ведет сестра мужа. Там молодые становятся рядом и обливают водой себе ноги. Потом молодая достает еще воды и несет домой. Этой водой гости окачивают друг друга и посторонних, кто подвернется.

В Лужском у. ведут молодых на ключ за водой дружки. Привязывают к ведру платок и полотенце. Дружка черпает воду. Кто украдет ленты — того обливают водой. Надо сорвать и убежать, так чтобы не облили. Удачно убежавший получает подарок. В Кологривском у. молодые ходят за водой на третий день свадьбы, перед блинами.

Княжий стол. Дары. За княжий стол садятся в следующем порядке: князь — молодой, княгиня — молодая, подкнязь (брат или друг молодого) и старший дружка в переднем углу, второй дружка — вправо от молодого, „медовщик" (крестный) против молодого, а сваха (крестная) слева от последнего.

Сидящие берут хлеб, втыкают в него деньги, и старший дружка выкликает „дубом" (т.-е. стоя):

„Есть у нас во светлой светлице девицы певицы..." (III. № 1662).

Выходит девушка, кланяется, вынимает деньги из хлеба, целует всех, начиная с дружки (молодого не целует), выпивает пиво, которое дает ей медовщик, кланяется и благодарит; девушки хором поют:

„Спасибо, Алексей-то князь, что ты нас подарил
Не рублем, не полтиною, золотою гривною".

За столом молодой угощает пивом, молодая подносит кушанья.

После обеда молодая дарит родных мужа, начиная с отца и матери. Подарки лежат на столе, рядом стоит тарелка для денег, бутылка водки и рюмка для угощения. Дружка выкликает мать и отца:—„Есть ли во светлой светлице батюшка родимый и матушка родимая?" Те выходят, сваха дает им дары и кланяется: „Сватушка со сватьюшкой! мало примите, за большое сочтите!" Опять кланяется (вместе с ней кланяется и молодая). Мать и отец отдаривают деньгами. Дальше выкликаются брат, сестра, зять и т. д.— „Братец любимый, мало примите..." — „Сестрица любимая..." — „Зять любезный..." Те выходят, их дарят, а они отдаривают. После этого молодой берет пиво, а молодая стакан и обносят пивом всю „застолицу", т.-е. всех сидящих за столом гостей. Те отдаривают молодую деньгами (Валд. у.).

В Новгородском у. молодая одаривает родных во время обеда, перед пирогом, причем подарки приносит крестная молодой, а к столу призывает и одаривает родню мужа уже сама молодая.

В Михайловской в. Вышневолоцкого у. родню мужа одаривает от имени молодой сидящая рядом с ней крестная. При отдаривании родственники кладут деньги в стакан. В Ветлужском крае одаривает замужняя сестра невесты, причем это происходит в день свадьбы, после красного стола.

В Кологривском у., после „мытья" молодых, их ведут за „красный" стол. Еда на столе закрыта сверху скатертью. Молодая одаривает родню мужа полотенцами. Дружка обращается к каждому: „Сватушка, (имя, отчество) рюмочку выпивай и дары принимай, дары прими и невесту люби", и подносит на полотенце кусочек хлеба. Родители молодого понюхают кусочек и обратно кладут, а гости, приняв-

шие дары, кричат: „Ох, наша невеста видно не по бору ходила, не шишки брала, дары пасла". После этого начинается пир. Молодым кричат: „горько", пьют вино, причем, выпивающие целуют донышко стакана, из которого пили. Приносят тряпичную куклу, а иногда и две. Мать жениха или сваха обращаются к родителям молодой: „Вот на клети-то у нас не больно благополучно, всю ночь баню топила, бабушку звала. Ну и дочка у вас,— в ночь родила". А те в ответ: „Жених, может, скакал, ломал по огородам, так ему и подкинули". Им возражают: „Нет, порода-то ваша". После этого все кладут деньги на крестины ребенка, говоря: „Вина общая, чей бы бычок, а уж ребеночек ваш".

В Рыбинском у., когда все приехавшие родственники молодой садятся за стол, со всеми садятся и молодые. Весь ход обеда тот же, что и в день свадьбы, только здесь молодая уже не кланяется своему мужу в ноги. После обеда молодая переодевает другое платье, приготовляет дары и начинает одаривать родню мужа. Дружка стоит посреди избы с водкой и квасом на подносе, квас наливается в стакан, а водка в рюмки. На лавку садится мать новобрачной и раскладывает у себя на коленях дары, к ней с тарелкой в руках подходит молодая и мать кладет ей на тарелку полотенце. Первым получает подарок муж, который отдает его своей матери, а жене на тарелку кладет деньги, которые та, в свою очередь, передает своей матери, а мужу кланяется в ноги, и тот целует ее. После этого подарки делаются свекру и свекрови, дядьям и теткам, деверьям и золовкам. Если золовка старше новобрачной, то дружка говорит: „Кто кому покорен?" и молодая должна поклониться золовке в ноги.

В Ленском районе после третьего блюда молодые выходят из-за стола, а на их место садятся отец и мать молодого, иногда стряпка и пивовар. За этим столом угощают блинами, которые приносит теща; молодые угощают всех пивом и вином и после каждого поданого блюда переодеваются в разные одежды,— платья и рубашки. Перед обедом молодая дарит свекру рубашку и пояс, свекровке — рубашку, сарафан и пояс, деверьям — рубашки, золовкам — полушалки, стряпке — полотенце, холст и кусок мыла, пивовару — то же, что и стряпке. Иногда стряпке дарится вместо холста —

фартук, а пивовару — рубаха. Подвыпив, свекровка, если она довольна невесткой, свадьбой, дарами и вообще всем предыдущим угощением, начинает хвалить молодую и хвастать ею перед другими. Она одевается в подаренное молодою платье, показывает ее „рукодиль“, а чтобы всем было видно, становится на стул или на скамью. Если же свекровка молодою не довольна, она начинает ее хулить. Стол проходит шумно и весело; но так как девушек за этим столом нет, то гости сами поют песни, повторяя частью уже певшиеся на свадьбе, а также новую песню:

„У броду, броду, у чиста перевозу — диво, эх!
Тут стояли комоны [1]) — диво, эх!..“

В Лужском у. и в Телепшинской в. Пошехонского у. в этот день также пекут блины, в первом случае свекровь, а молодая только угощает ими гостей, во-втором — сама молодая.

В Ветлужском крае блинами гостей угощают в доме молодой, после чего идут пировать к близким родственникам невесты, а затем опять возвращаются обедать в ее дом. В Кологривском у. молодая печет блины на третий день свадьбы.

Катание на лошадях. После обеда время проходит поразному. В Любимском у. все родные после обеда уезжают домой, а молодые катаются вдоль улицы; народ останавливает их, велит молодой кланяться мужу в ноги, а потом целоваться, иначе лошадь не отдают. Вечером, который в этот день называется „веселым“, когда молодые входят в беседу, девицы им поют:

„У ворот, у воротичек, у ворот у решетчатых,
Тут стоял же высок терем...“ (III. № 1620, дал. вар.).

А затем говорят: „Миленький дружок требует в кружок, покажи походочку“. Молодая выходит и благодарит девиц:

„Из под тали, из под тали, голубочки вылетали,
Благодарствуйте, барышни, что припели — пожаловали,
Мою радость позабавили, моево супруга милова
Александра-то Федоровича“.

Или молодая благодарит:

„Вставала не ленилась, говорила не стыдилась,
Благодарствуйте, барышни...“

---

[1]) Комонь (старорус.) — конь.

Или:

„Вставала не скоро, кланялась не низко,
Говорила не речисто, благодарствуйте, барышни...“

Затем девицы вызывают молодого; жена кланяется ему в ноги.

В Новгородском у. все гости к вечеру уезжают кататься по деревням. Лошади в блестящих сбруях запрягаются в санки, взятые (за неимением своих) на прокат у соседей или даже из города. Как молодые, так и все женатые сидят на подушках с разноцветными наволочками. На головах у женщин ярких цветов платки и шарфы. Играют гармоники, поются всевозможные песни, например: „Аленький цветочек“, „Чудный месяц“. В сумерки весь обоз направляется в дом молодой на „яичницу“.

В Ленском районе (также как и в Пошех. у.) гости, выйдя из-за стола, еще некоторое время веселятся, а затем разъезжаются по домам.

При уходе сватова запевают песню:

„По полям ветры дуют, по чистым подувают,
На дворе-то коней запрягают, сватова-те домой поезжают“

Во время пения прощаются с молодыми и новой родней, приглашая их к себе на „хлебины“. Молодая горько плачет, прощаясь с родными. Провожая гостей, молодые и новая родня, в свою очередь, приглашают их на хлебины.

В Никольском у. гости уезжают домой часов в 12 ночи, а сваха опять уводит молодых на подклеть и укладывает там спать.

В Кологривском у. весь „полог“ уезжает домой после обеда, и только родители молодой остаются гостить в доме свекра еще три дня.

В Ветлужском крае, после обеда в доме молодой, все уезжают в дом ее мужа. Перед отъездом молодых благословляют. Деревенские парни запирают ворота своим замком и просят выкупа за молодую. Тысяцкий дает им около рубля, и парни пропускают свадьбу. Впереди всех едет дружка за ним молодые, потом поезжане, а за ними родственники молодой. На пути мужики „ловят сварьбу“ (также как и накануне), и их поят вином. Родители молодого встречают

свадьбу на дворе с хлебом-солью и дают молодым благословение. Молодая при благословении причитает:

„Ой таки дак благослови-ко миня, осподи,
Дак мать божья да богородича...".

Дружка, расталкивая народ, проводит молодых. — „Сторонись желудки, пузырь ползет. Были мы на базаре на ярманке, дорогую купили куничу, красную девичу, молодую молодичу". Молодая в причете просит своих новых родных не осудить ее за слезы. Дружка обращается к свахе и просит у нее обеда: „Свахонька, поварихонька, где ты там?"... Гостей рассаживают за столы по родству. Молодые идут обедать за перегородку. Потом молодые едут за родителями новобрачных. Те, уложив приданое дочери на воз, приезжают уже к вечеру. Здесь, когда воз с приданым приедет и приданое будет выкуплено (см. „Отвоз приданого"), все гости втаскивают его в чулан. При втаскивании, гости часто останавливаются и говорят: „Пристало, не отдерешь, больно уж много нарядов-то у молодой, надо подмазать". Жених обносит их вином и они снова принимаются за работу, припевая:

„Ходом, водом, веселея, дело будет поскорея,
Ходом, водом, идет ходом, водом".

После втаскивания, все тотчас ложатся спать.

На третий день, утром, как только позавтракают, девушки и бабы „чередят" молодую, — „комарик на мушке взял женился"... Их одаривают деньгами и они хвалят молодую:

„Уж как наша молодая проворна"...

Гости в это время пируют. Девушки и бабы опять начинают „чередить" молодую:

„Вот девица была, тонкопрядича была,
Тпру-ко, ну-ко, што за штука, тонкопрядича была.
По две нитки в сутки пряла, за недилю ручешок,
Тпру-ко, ну-ко, што за штука, за недилю ручешок".

Дружка стыдит их за хулу молодой, тысяцкий же дает им копеек двадцать и они, поблагодарив, замолкают.

К вечеру гости и вся свадьба переходит пировать к родственникам молодого, — сначала к тысяцкому, потом к большему боярину и т. д., по старшинству и близости родства.

При переходе молодой ведет свою жену не под руку, а обхватывает всю. У каждого родственника обедают, а после обеда пьют вино, пиво и сусло, при этом все время поются песни, — длинные, про разбойников и разные войны, а также лирические. Дружка в это время все балагурит, приплясывая и ударяя в такт поленом по ведру или заслону. В этот день успевают обыкновенно побывать у тысяцкого и большого боярина и только на 4-ый день обходят всех остальных родственников. Этот последний день пира самый веселый. Гости наряжаются „чертями, кобылой, стариком и старухой", а дружка „петухом". Поются самые неприличные песни и особенно отличаются в этом отношении свахи, которые с гиканьем, под аккомпанимент импровизированного оркестра, пляшут и визгливо подпевают в такт какую-нибудь песню эротического характера. После пляски ряженые уходят, переодеваются и опять возвращаются к пирующим. Один дружка остается „петухом" до „поцелуев" (см. ниже) и все время балагурит, стараясь подражать петуху.

Пришедшие посмотреть на свадьбу бабы вслух делают характеристику молодой, иногда не особенно для нее лестную,— „мала уж больно, кныж-кныжом", или - „экая дыга большушая вывалила". Дружка прибаутками старается оправдать молодую и вообще отвлечь внимание от молодых.

Парни в это время наигрывают на гармошке в сенях и залихватски поют частушки вроде следующих:

„Миня били кирпичём, моёй головке нипочем.
От осинова кола, не стерпела голова".

Или: „Я отчаянной родился, ни о чем не дорожу,
Если голову мне срубят, я полено привяжу".

Обойдя всех родственников, все возвращаются опят в дом молодого. Дружка, попросив у „свахоньки" обеда, приглашает за стол и посторонних, но те не садятся. Во время обеда дружка хвалит сваху, щедро угощающую гостей. После обеда проводятся „поцелуи" (см. выше, „Поцелуи"), после которых гостей кормят ужином и они разъезжаются за исключением родителей молодой.

„Яичница" (отводины, хлебины). В Новгородском у., на второй день после свадьбы, в сумерки, все гости едут на „яичницу" к родителям молодой. Тут опять идет угощение, пляшут русскую, танцуют кадриль. На ужине

первым блюдом подают яичницу, а за ней остальные блюда по порядку.

Яичница приготовляется из яиц с белыми сухарями или из одних яиц. Приносит ее на стол мать молодой и ставит перед женихом со словами: „Зять любезный, прошу не прогневаться". Молодой ест яичницу и хвалит, затем кладет на дно рюмки серебряную или золотую монету, наливает водки и подает теще, та выпивает и уходит. Когда деньги уплачены, гости начинают есть яичницу.

Свадебное веселье яичницею заканчивается, гости разъезжаются по домам, а молодые остаются здесь ночевать.

В последние годы яичница по сговору обеих сторон очень часто отменяется.

По рассказам смысл яичницы такой: в старину молодой должен был дать понять, честна или нет его жена. Чтобы не говорить на словах, он делал так: если жена его оказалась не честною, он вырезал среди яичницы круглое отверстие и яичница с позором уносилась обратно; в противном случае, муж отрезал кусок от края яичницы и дарил теще деньги, как бы за то, что сумела сохранить дочь.

В Грязовецком у. в этот день, часов около двух, из родного села молодой на паре с колокольцами приезжает „зватый" звать молодых и гостей, оставшихся у молодого на ночь, к себе в гости, куда, после угощения зватого, все вместе и отправляются „поездом". Поезд встречают иллюминацией, флагами и выстрелами из ружей. Когда все гости соберутся полностью, начинается „столованье" в том же порядке, как и в предыдущий день. К „столу" являются девушки с „елочкой", вставленной в горшок с землею, сплошь увитой лентами и увешанной бусами и серебром. Одна из девушек выходит с елочкой в руках и говорит:

„Иду молодешенька, иду зеленешенька"... [1]
Извольте любоваться девьей красотой, (называют имя невесты).

Затем она поздравляет молодых и собирает деньги:

„Пошла девья красота (берет елочку со стола) рассердилася"
(Ш. № 1697, строки 39—48, № 1391).

---

[1]) См. песню о „коне" в день свадьбы.

Обращается к жениху и говорит:

„Нашу милую подружку понарядней водите..." (оч. дал. вар. Ш. № 2140, или 2452, или 1787).

Девушки получают от гостей деньги и уходят. Вслед за ними приходят мужики, поют стих, поздравляют жениха с „законным браком", а родителей молодых с „новобрачными детьми", и просят с жениха на „рогожку" или выкуп за невесту, назначая приблизительную сумму. Тысяцкий с ними рядится, пока не сойдутся на какой-нибудь сумме, которую им тут же и уплачивают. За мужиками являются бабы, тоже поздравляют новобрачных и просят у них за флаги и иллюминацию. Получив деньги, все кричат жениху: „Ура", „люб"! и расходятся.

В Кадниковском у. гости уезжают на „хлибёны" к родителям молодой после завтрака и только поздно вечером возвращаются по домам. Молодые остаются ночевать. На следующее утро приезжает отец молодого и увозит их к себе. Перед отъездом молодая кланяется своим родителям в ноги и благодарит их за то, что они выростили ее и пристроили.

В Череповецком у. такая поездка называется „ехать на отводины" (в Мих. в. Вышневол. у. едут туда вечером). В Ростовском у. едут к теще „загащивать" и остаются там одну ночь; а на третий день со дня свадьбы возвращаются, а через день опять едут туда на три ночи.

В Крестецком у. хлебины протекают так: мать молодой готовит яичню и подает ее на сковороде; сверху яичня покрыта блюдом, а на блюде платок; зять бросает на платок деньги, мать их берет и уносит. Зять разбивает блюдо об пол; ему подают старые ложки, он пробует взять яичню и ломает ложку, берет другую и тоже ломает, третью и четвертую,—и так до десяти. Затем берет кусок ячни, ест дает жене, и яичню уносят. Подают другие кушанья, угощаются. Под конец опять подают и едят яичню. Молодые ночуют у матери, а на другой день, уезжая, дочь берет с собой свою прялку, куделину и три веретена.

В Тихвинском у. хлебины также устраиваются на второй день; здесь опять „заводят гулянье", собирают столы и опять поют те же песни, которые пелись на свадьбе (как и в Новг. у.

здесь существовал раньше обычай на поданной яичнице отмечать честь и бесчестье молодой, но теперь этого не делают).

В Валдайском у., если свадьба с „отводинами", т. е, справляется три дня (после чего родные молодой отводят ее в дом мужа), то на второй день к ночи молодые „едут на яичню" к теще. Яичня подается в конце обеда. Во время обеда пьют пиво и шутят, — „в пиво таракан попал, горько!" — молодые целуются. В доме родных молодой проводят весь день, иначе „люди осудят, скажут, — плохо берегли". К ночи отец или брат молодой провожает ее в дом мужа, едут „сажать молодую". Из родного дома ей дают прялку, два веретена и две ложки.

В Удомельской в. Вышневолоцкого у. на отводины молодые едут после двухдневного пребывания в доме мужа, причем родители молодого едут вместе с ними. В дом они входят через двор. Мать молодой выходит им навстречу и обсевает их житом (жито, значит „жизнь"), чтобы они лучше жили и чтобы у них родился хороший хлеб. На отводинах гостят обыкновенно дня два-три, а затем возвращаются домой.

В Ленском районе на хлебины ходит только ближняя родня молодого, — родители, братья с женами, замужние сестры и сват со сватьей. Пир бывает очень непродолжительный.

В Ермаковской в. Пошехонского у. на отводины едут через две недели после свадьбы.

На третий день обычно молодая принимается уже за повседневную работу. В Никольском у., как только в этот день гости уедут домой, а в Кадниковском у., как только сама молодая вернется от своих родителей, она идет кормить скот хлебом, привезенным дружкою (в Кадн. у. — свахою) два дня тому назад из ее дома (чтобы скотина ее любила и была сыта), а затем носит дрова и воду в избу. Перед работой она просит благословения у свекра и свекрови: „Тятенька и мамонька, благословите меня скотину покормить". (В Валдайском у. кормление скота происходит на четвертый день после свадьбы). Вообще в первое время, прежде чем приниматься за какую-либо работу, молодая должна спрашивать, как ее делать, хотя бы она знала эту работу с дет-

ства. Чем больше она спрашивает, тем считается лучше и послушнее (Новг. у.).

В Кологривском у. молодая на четвертый день топит баню и приглашает туда своих новых родителей: „Батюшка и матушка, пожалуйте в баню! Вода тепла, с потолоку текла, веник-от мягок, париться гладок". На пятое утро молодая одевает лапти и обращается к родителям, падая им в ноги: „Батюшка и матушка, благословите за скотиной ходить". В этот день она впервые выгоняет скот в поле.

В Ветлужском крае на пятый день после свадьбы, утром, после завтрака с блинами, родители невесты ходят по жениховым родственникам, пируют там до половины дня, а потом возвращаются обедать к жениху. Пообедав, перед отъездом домой, мать невесты кланяется свекру, свекрови, деверьям и золовкам своей дочери в ноги и просит не обижать ее и учить уму-разуму. Молодые провожают их до полевых ворот, сидя на облучке саней. Проводив, идут домой, взявшись за руки. Вечером молодая топит баню, моет полы в избе, а затем идут вместе мыться.

В Пошехонском у. на четвертый день, вечером, устраивается „молодишник", на который приглашаются подруги и товарищи с обеих сторон.

Первый год после свадьбы.

Первое время после свадьбы молодая усиленно старается показать свою силу и усердие в работе. Так, в Ветлужском крае молодая в первые дни, несмотря на зимнее время, ходит за водой и за сеном без верхней одежды и вообще мало защищается от холода, чтобы доказать, что она здорова и „не зябкая", чего особенно не любят в деревне. Утром молодые встают раньше всех, особенно молодая. На каждое дело она бежит впереди всех, старается исполнить более тяжелую работу и, вообще, ни минуты не остается без дела. Вечерами к молодым приходят тысяцкий и дружка, проведать об их жизни. Иногда они идут на посиделки, и девушки усаживают их там на лучшие места; молодая поет частушки, главным образом, такие, каких не знает здешняя молодежь, и, вообще, знакомит их со своей „дивичьей жизнией", „играми на своей родине" и проч.

В Кадниковском у. почти неделю после свадьбы молодая каждый день одевается в шелковое платье и шляпу и прядет лен. Приходят к ней девушки и молодухи, тоже с прялками, в самых лучших нарядах: „молодушку перехаживать".

В первую после свадьбы субботу родители молодой приезжают с гостинцами и увозят молодых к себе в дом на воскресенье. Мать молодой привозит скатерть, полотенце, мешок, две ложки, чашку, два чайных стакана, две вилки и две чайных ложки. (Поездки в воскресные и праздничные дни к родителям жены молодые совершают в течение целого года, — Кадн. у.).

В Рыбинском у., дня через три после брака, приезжает теща звать молодых к себе в гости, и привозит с собой пряженцов, которыми и оделяет новую родню. Молодых она увозит с собою, а свекра со свекровью, деверьев и золовок приглашает на известный день. Если свадьба была в воскресенье, то молодых увозят в гости в четверг, а первая „пòзнать" назначается на воскресенье. После первой „пõзнати" молодые ездят в гости к своим родственникам. В гостях у молодой спрашивают: „Кто это сидит рядом с тобою, назови-ко?" и она должна назвать своего мужа по имени и отчеству.

В Ветлужском крае молодые едут в гости к родне молодухи в первую субботу после бани, в воскресенье же, с утра, туда отправляется вся семья молодого, со старыми и малыми, а также тысяцкий, дружка, большой боярин и главная сваха. Пируют по очереди у всех родственников молодой, причем угощение здесь бывает не хуже свадебного. Дружка особенно старается угоститься, так как на свадьбе пить в волю ему не полагалось. Молодые держат себя довольно свободно и поют песни вместе с прочими гостями. Все ходят по деревне с гармонистом, под музыку которого пляшут и поют песни, особенно в этом отношении старается дружка. Нагулявшись на улице, снова ходят по избам и пьют вино, причем главным образом, стараются „до полусмерти" напоить дружку за его веселье на свадьбе; всякими ласковыми словами и хитростью стараются поднести ему вино вне очереди:— „Пей, дружка, пей — брюха не жалей. Брюхо не мешок, не лопнет, как горшок. Уж на што курича и та пьет, на што воробышок и то клюет." Дружка не упрямится: — „Пью

до дна прямо из ведра, пью водку, не жалея глотку. Под хожу сбочку, подавай ишшо рюмочку. А если надоело подносить, так нельзя ли ковшичка попросить".

Гости по солнцу стараются угадать время, дружка их сбивает с толк:

„Перьвой, дру́гой-пер...м в угол.
Три, четыре — причепили. Пять, шесть — бьют шерсть.
Семь, восемь — сено возим.
Девять, десять — деньги весим.
Одиннадчать, двенадчать — на уличе бранятча".

После часов дружка перебирает и дни:

„Понедильники-кадильники. Овторники-покойники.
Середы-сережки. Четверги-кочережки.
Пятничи-пьяничи. Субботы-распороты.
Воскресенье-новоселье, всех людей на потресенье."

Не оставляет в покое и месяцы —

„Енварь-пономарь. Февраль-враль.
В марте — курича напьеча из лужичи.
В априли — земля приет.
Май — коню сена дай, а сена нет, один помет.
Июнь — в пустой сусек плюнь.
Отойди, до июля погоди,
Июль — слезай с ходуль.
Август — прохвост, подвязал кобыле хвост.
Сентябрь — больно ряб. Октябрь — став мешки в ряд,
Вези на мельничу, валяйся с похмельичу.
Ноябрь пришел — хлеб на базар ушел.
В декабре солнышко-поворот на лето,
Да медвидича не обидидча".

Так как дружка характеризовал месяцы импровизированно, то ему тут же делают разные указания, как толковать времена года. Поздно ночью гости разъезжаются по домам, с песнями и пьяными выкриками, а молодые ночуют и рано утром возвращаются домой.

В Валдайском у. после свадьбы делают вторую баню для молодой, причем для „чистоты" ей кладут в шайку серебро, а так как в эту баню молодую можно „испортить", то туда же кладется и игла. Если молодая после бани захиреет, то говорят: „Свекровь испортила", поэтому часто в баню не ходят.

На масляной устраиваются „попойки", сначала в доме молодого, а потом по очереди у родственников (Кадник. у.).

В Ветлужском крае на маслянице, в воскресенье, вечером вся молодежь сходится у полевых ворот или посреди деревни, где и жгут на костре сделанное из соломы и наряженное в рваную одежду чучело „масленки“. Сюда же приходят и все молодожены. Молодежь их ловит и тащит в несмятый сугроб „оввалять“. На самый низ кладут молодую, на нее мужа, а сверху валится молодежь, человек 20. Молодую спрашивают: „Как зовут“. Она еле слышно отвечает: „Иван Михайлович“. Тоже самое спрашивают молодого и он говорит имя, отчество своей жены. После этого молодых заставляют поцеловаться.

На первой неделе великого поста сестра или другая близкая родственница молодой приезжает в дом зятя в качестве „тистеницы“. Каждый день этой недели варится тесто из ржаного солода, и молодежь обыкновенно мажет ими друг друга (Кадн. у.).

В Ветлужском крае в посту женская часть новой родни устраивает „биседы“. Для этого все собираются с пряхами у родных молодой, а потом у родных ее мужа. Кушаний готовят иногда не меньше, чем на свадьбе, припасают также вино, сусло, пиво, „муржушный“ квас и проч. Придя на „биседу“, все садятся и прядут, затем угощаются, пляшут, поют песни и загадывают молодой двусмысленные загадки, чтобы приучить ее к жизни во всех отношениях.

После загадок бабы гадают молодой, сколько у нее будет детей и кто умрет раньше, муж или она. Для этого приносят сухих бобов и считают, — если бобов четное число, то муж и жена умрут приблизительно в одном возрасте, если же нечетное, то берут два зерна, одно из которых чернят сажей и считают зерном молодой, а другое оставляют чистым; оба зерна кладут в подол молодой, и одна из женщин вынимает со словами: „Чье зернышко попадетча, тому и умерать скорея доведетча“. Чтобы узнать, сколько у молодой будет детей, гадают так: идут в хлев и считают годовые черточки у овцы и барана. Сколько черточек у овцы, столько будет дочерей, сколько черточек у барана, столько будет сыновей.

Каждый вечер за молодой (если она находится у своих родных) приезжает ее муж и увозит на ночь домой, если дом недалеко; если же дом верст за 10-20, то муж через

день приезжает к молодой, и они ночуют здесь вместе. Биседы продолжаются дня 4, а иногда с неделю.

В первую после свадьбы Пасху в конце „Светлой“ недели, именно во „вьюнишное“ воскресенье молодые, устраивают „вьюнины“, т.-е. приглашают гостей молодухи и обильно их угощают; затем молодая надевает лучшее платье или пальто (смотря по погоде), берет на руку корзину с яйцами и идет по деревне, с каждым встречным трижды целуется и дает яйцо. Раздав таким образом все яйца, она возвращается домой. Гости разъезжаются. В это вьюнишное воскресенье, рано утром, детвора собирается под окнами молодых и кричит: „Вьюна молодуха, выходи к нам на крыльцо, выноси красно яйцо“... (III. № 2357). Молодая выходит и оделяет их яйцами (Рост. у.).

В Ветлужском крае, на Пасху, в Фомино воскресенье, детвора обоего пола от 7 до 15 лет, группками в 10—15 человек, идут „окликать молодых“. Войдя в избу и став у порога, сперва молятся на икону, а потом поют:

1) „Молодая молодича, подавай наше еича,
Не подашь еича, уведем молодча“...
2) „Молодая молодушка поймала воробышка“...
3) „Молодая молодича заманила в поле птичку“...

Молодая каждого оделяет особо приготовленными куличами, пирожками с яйцами и творогом, или яйцами, окрашенными луковичной шелухой. Получившие благодарят молодую:

„Молодая молодича, эка умнича,
На работу-ту пойдет, кучу деток поведет“...

В Петров пост молодая приготовляет у своих родителей сыр и несет к родным мужа, оделяя им свекра, свекровь, тысяцкого, обоих бояр, захребетников, дружку и свах. Те отдаривают ее творогом, яйцами или деньгами.

Весь первый год замужества молодая должна ходить нарядною и чистою, чтобы не подать повода к пересудам деревенских баб, — „вот мол, какая молодая, одеть у нее нечего, за собой следить не умеет“ (Новг. у.).

К. Мыльникова.

В. Цинцинус.

Свадьба в Салтыковской вол., Моршанского у., Тамбовской г.

В настоящем очерке я даю описание единичной свадьбы, виденной мною в деревне Лебедянке в семье И. А. Зимина; попутно привожу материал, собранный мною путем расспросов в этой и соседней (Сядемской, Спаского у.) волости.

Свадебные обряды в этих волостях довольно сильно отличаются друг от друга. Это объясняется, я думаю, тем, что в данном районе волости (они обычно совпадают с церковными приходами) представляют собой замкнутые мирки; население очень пестро. Села отличаются друг от друга по говору и по укладу. Волость, это, обычно, крупное село и лежащие кругом, часто из него же выселившиеся, деревни. Связь сел между собою слаба и каждое соблюдает свои обычаи. В самой Салтыковской волости тоже существуют отличия — часть деревень, ближе лежащих к заводу и к станции железной дороги, старый ритуал почти оставила. В самом Салтыкове и в Лебедянке он еще жив и свеж. Правда, у соседних „ягунов“ [1]) Сядемской вол., пожалуй, больше сохранилось обрядовых песен, а в Салтыках на свадьбах часто поют „какие придется“. Свадебный чин у Сядемцев цельнее выдержан во всех моментах, так как лучше сохранились обряды в сватовстве, — быть может потому, что там между сговором и свадьбой проходит неделя-полторы, а в Салтыковской волости 1-2 месяца. Зато в Салтыковской волости самая свадьба пышнее: „по старинному“ наряжают „вершников“ и „позыватых“ (см. канун и день свадьбы), лучше выдержаны свадебные роли и ритуал самой свадьбы, и на ней концентрируется внимание. Это заставило меня остановиться на Салтыковской вол. Она достаточно характерна и в ней, пожалуй,

[1]) „Ягуны“ — от частого употребления в речи слово: „яго“ (его).

лучше всего отразилось, как именно начинает отмирать прошлое.

В памяти населения обряды и песни еще очень живы: если через месяц расспросить участников этой же свадьбы, они ей придадут привычно-законченную форму. А реально год от году свадьба меняется: обряд все больше комкается и вянет, — душа из него уже ушла. То, что приняло твердые окаменевшие формы — позы, положения, действия, — еще остается, а самая игра артистов — песни, прибаутки, ужимки, импровизационная, комедийная часть — испаряется. Никто не отрекается явно, не говорит, что вообще обряда не надо, но тем, как делается, тщательностью отделки, не интересуется. Женщины пытаются и сейчас иногда поточнее исполнять ритуал, но мужчины откликаются вяло, смазывают, торопят. „Пора уж бросать эти глупости-то", твердил, на виденной мною свадьбе, дружка, только что вернувшийся красноармеец, — „не тяните уж". Он не протестовал против венчания в церкви, или вообще против установившихся обрядов, но требовал минимума. Руководить молодыми — руководил, суетился, усерднейше угощал гостей брагой и самогоном, но прибауток и присказок, полагающихся дружке, не говорил: не знал, да и, пожалуй, хвастался незнанием. Вместо „красные девушки", — „гражданочки" или „барышни", вместо „люди добрые" — „друзья". Самый ритуал ему стал не интересен. Он — представитель молодежи. И выбор в дружки именно такого человека очень показателен. Обыкновенно дружка — наиболее бойкий, разбитной и умеющий распоряжаться обрядом родственник. Здесь сочли вполне достаточным, что он просто „дока" парень, человек бывалый и бойкий. И для других совершавшееся выходило случайно и нерешительно. Не были уверены, что именно надо, а что уже не стоит выполнять.

— „Вы что же, — спрашиваю, — свиную голову украшать будете?" — „Да и сами не знаем, красы-то у нас нет. У вас тряпочек каких не найдется ли?" Я дала им цветных бумажек и голову украсили (см. о голове „День свадьбы"). Но другого необходимого к свадебному столу аттрибута, „курника" (см. „Канун свадьбы") так и не сделали — „недосуг было". Так во всем. Важности особой ничему не придается: успеют — сделают, не успеют — и так сойдет. И весь чин

проходит неразборчиво, сокращенно, полушутя. Быть может из-за этой шутливости особенно охотно рассказывали мне: „Вот, мол, как у нас чудно делают". Будто каждый понимал, что через 10 лет этого уже не будет и старался — „пусть знают, как было". „Чудно-то чудно, а хорошо, — сказал один старик, — у нас свадьба изо всех мест параднее." Стремление, чтобы запомнили и узнали, так сильно, что хозяин особо просил меня: „Нельзя ли про свадьбу моего сына в газетах напечатать, как и что было. В книге-то мало кто прочтет, а вот в газету бы..." Так на меня и смотрели, как на представителя прессы. Рассказывали обо всем, что и как. Сами сравнивали с соседями.

Венчаться во всем районе исстари принято осенью, в престольный праздник. В Салтыковской волости таким „престолом" считается Михайлов день, 8-ое ноября (стар. стиля); в Сядемской—Казанская, 22 октября. На „престол" приходится наибольшее количество браков. Обычай брака в этот день настолько крепок, что две не-церковные свадьбы, которые были в этом году в волости, тоже праздновались в Михайловщину. Венчаются в другое время только в случае крайней нужды. Привожу цифры за 1924 год. Всего в волости зарегистрировано 157 браков. Из них 75 приходятся на ноябрь месяц и 82 на все остальные. Вторым по количеству свадеб стоит февраль — 24 брака, а летние месяцы: в июне — 14, в июле и августе — по 4 брака. В летние месяцы около 40% вдовцы с той и другой стороны. Возраст брачущихся тоже правильно меняется: в то время как в ноябре для муж. 20 лет, а для жен. 19,4 года, в июне он для муж. 32,1—для жен. 29,9 лет. Такие же колебания наблюдались и в предыдущие годы. Летом заключаются только спешные, вызванные хозяйственною необходимостью браки, нормальные же приноравливаются к осени.

Жену обыкновенно берут из своей же или из соседней деревни, во всяком случае из того же прихода.

1. Сговор и предсвадебное время.

Сговор, как я уже упоминала, в Салтыковской волости происходит обычно месяца за полтора до свадьбы. Сначала „тишком" в сумерки, чтобы никто не видал, посылают тетку или крестную мать жениха разведать о согласии родителей

невесты. Потом, в случае согласия, идут его родители, не снимая шубы, под матицей и начинают вести уже деловой разговор, договариваясь о приданом, о том, как будут справлять свадьбу и т. д. Устраивают „запой“. В настоящее время это просто выпивка, без всяких обрядов. Этим у Зиминых и ограничились. Отец решил, что сына пора женить, „чтобы парень не баловался“. Тот было не хотел, но отец „припугнул возжам“ (сведующие люди говорят, что и „поучил“) и он согласился. Послали тетку сватать. Невеста, как и старшая, уже три года жившая у них, сноха, была из бедного дома: старик держится такой теории, что бедная будет лучше работать. Родные отдать девушку согласились с радостью. „Дело спрыснули“ — и все. Раньше „запой“ проходил торжественнее. Собиралась вся родня. Приходили девки „корить“ невесту и при этом пели:

Свет ты, Марьюшка, изменщица,
Свет, Ивановна, обманщица! (см. Шейн № 2319)

Невеста отвечала:

Не я изменила, изменил кормилец батюшка,
Родимая матушка.
Кормилец мой, батюшка,
Знать, я вас объпила, объела,
Цветным платьем обносила и т. д.
(варьируя в зависимости от уменья девки „кричать“).

Подруги поют ей:

Авдотьи родна матушка,
Свет по горенке похаживала
Свою дитятку побуживала.
„Ты восстань-ко мое дитятко,
Приголубь ты свово сокола“ —
— Я бы рада приголюбити,
Мое сердце не воротится,
Оно кровью обливается.

По лужку, лужку
Дороженька лежит широконькая (2 раза).
По этой по дорожке
Беседушка ли шла (2 раза),
Шла прошла (2 раза)
Беседушка веселенькая.
Сударка ли я была,
Рядом я сидела (2 раза),

Рядом я рядочком.
И чай с водкой я пила, (2 раза)
Сделалась хмельна (2 раза)
Во хмелечке я девушка
Пару слов дала, дала (2 раза)
Буду я, милой, твоя,
Я буду, милой, твоя,
вековешная,
вековешная, неразлучная.

После запоя бывало: 1) „Кроенье", — бабы и девки собирались у невесты кроить приданое. Пели песни (те же, что в канун свадьбы). До обеда бабы кроили белье, потом всех угощали обедом и бабы уходили к жениху, а девки оставались у невесты помогать шить. 2) Завивание плетня у жениха. Рассказы о „завиваньи" я слышала довольно смутные [1]).

Повидимому, вскоре после запоя устраивался смотр хозяйства жениха и вот тогда-то после осмотра дома родные невесты шли во двор. Там уже были приготовлены два кола. Их вбивали в землю и между ними заплетали хворост — „вроде как плетень". Тут же во дворе пили вино и потом возвращались в дом на пирушку.

В Сядемской волости предсвадебное время составляет неразрывную цепь со всем обрядом и насыщено ритуалом гораздо полнее. Как только девушку засватали, она становится в доме в особое положение: не работает, только шьет себе приданое, ходит в особой „печальной" одежде — в простой „поньке" и рубашке без кумачных „поликов", с черными рукавчиками. Все это время у нее живут подруги, помогающие ей шить. Каждое утро она встает раньше всех, убирается, надевает на голову алую ленту и „кричит", будя подруг:

„Любимые мои подруженьки,
Поспалась ли вам темная ноченька"

то, что в Салтыковской волости она кричит в утро свадьбы.

К ней приходит жених „есть яичницу".

Девки ему „играют":

Что наш зятюшка не весел,
Буйну голову повесил.
Черной шляпой он накрылся (2 раза),

[1]) Передавал мне об этом обычае священник и подтвердили двое стариков.

А горячими слезами залился,
Не корыстну себе жену взял.
Не корыстну не завистну,
Не по мысли, да не по разуму своему,
Не умеет она ни ткать, ни прясть.

Яичница в Сядемской волости является ритуальным свадебным блюдом. Ее приходит есть жених к теще и на второй день свадьбы, с нее начинается все дело. После запоя жених ведет всю свою родню в дом невесты есть яичницу. Устраивается гулянка. Девушки поют:

1) Садил мужик черемушку и т. д.
2) Смиренная беседушка,
Мой батюшка пьет (2 раза),
За мной молоденькой шлет.
А я молодка-молодехонька
За ним позамешкалась.
Я замешкалась за курами,
За гусями, лебедями
И за вольной пташкой журавушкой.
Журавушка край бережку похаживает,
Шелковую травушку пощипывает,
Со холодной водицей прихлебывает
И на все четыре сторонки поглядывает.
На той, бает, стороне сторонушке
Там четыре двора.
Как во этих во двориках
Все по кумушке живет.

II. Канун свадьбы.

1) У жениха. Днем в обоих домах идут приготовления: стряпают, пекут, варят; расставляют столы и скамьи; приносят самогон и брагу; приготовляют санки и сбрую. Отцу Зимину показалась своя сбруя недостаточно хорошей и он решил отправиться к знакомым, в соседнее село, „чтобы вся была золоченая“. Мужчины уже несколько „на веселе“.

Днем, под вечер, часа в 3, пришла невестина родня, бабы и девки и родня жениха (только девки). Входят с песнями. Их усаживают за столы и начинается угощение. Угощают дружка (старший брат жениха), сноха (его жена) и „стряпши“, специально нанятые на свадебные дни. На столах стоят блины, блинцы, вареная, резаная кусочками свинина, моченые

яблоки. Между расставленными вдоль всех окон столами, в проходике, сноха, с кружечкой и черпачком в руках, угощает. Перед ней — ведро с брагой. Сидят девки и „орут“ песни:

1) Нам сказали, наш Никита да грозен,
Грозен, грозен немилостивый. (№ 1963, Шейн).

2) Во суботу день невастный...

или просто частушки. Сноха наливает черпачком в чашку браги, говорит: „Здравствуйте!“ и, кланяясь, отпивает. Потом передает сестре невесты — „На-ка, Сашенька, выкушай, с тебя начнем!“. — „Да что с меня, и без меня люди есть“. — „Да нет, с тебя, вон ты под образа-те забралась“. Уговаривают. — „Ну, здравствуйте!“. Та встает, отпивает немного и передает обратно сноxе. Допивается чашка и идут к следующей. Опять поклон, „здравствуйте“, отпивание из чашки.

По первой пьют — церемонятся, только пригубливают. Сноха уговаривает: „А ну-те, что вы, пейте, пейте! Кума-машка, начинай! Машка-баба разбитная и — хоть почти и не родня — приглашена специально для песен. Пить и она церемонится, песню, однако, заводит. Чашка обходит весь круг с поклонами. По второй — идет веселее. Дружка вместо браги приносит ведро самогону. „Солдат, солдат, — кричит ему мать, — угощай гостей“. „Солдат“ старается. „Кушайте, гражданочки, кушайте. А вы, друзья, — вон из избы!“ — внезапно оборачивается он назад. Изба полна ребятишками. В зимних сумеречных стеклах, снаружи, торчат приплюснутые носы. В избе все время хлопают двери и вкатываются зрители. Останавливаются, дружно лузгая семечки. Пол — сплошная хрустящая белая шелуха, пальца на два. И она будет еще и еще накопляться за все праздничные дни (выметать на свадьбе сор нельзя, счастье выметешь). За столом веселье, гулянка, раскачиваются обнявшись девки, шевелятся ситцевые спины и заливаясь кричат голоса:

Садил мужик черемушку,
Садил, поливал.
Расти, расти, черемушка,
Не тонка, не высока.
Цвети, цвети, черемушка,

Как белая заря.
Созрей, моя черемушка,
Как черная грязь.
Незрелую черемушку
Нельзя ее сорвать.
Просватана невестушка,
Нельзя ее так взять.

— „Осади назад! Назад друзья, что не видали, уйди!“— уже грозно кричит „солдат“. — „Ванек, оставь их, пусть смотрят...“ Но Ванек выгоняет всех вон, на морозный воздух.

И во время, ребята даже рады, — по деревне идут „позыватые“ [1]) (сестра невесты и сестра жениха). Нога в ногу, взявшись за руки и подпираясь посошками идут две девушки. Одеты они в черные суконные „понитки“ (поддевки) с широкими пестрыми шарфами-кушаками. На головах — твердые высокие парчей шитые венцы — „ленки“. Сверху яркие шерстяные „фаты“, стянутые полоской кружев. Под венцами на лбу черные „кудри„ — хвостовые перышки селезня. В ушах, вместо серег, „пушки“ — комок гусиного пуха. Вся шея и грудь увешена бусами и „гайтанами“ (шнурами бисерными с крестом). Сзади развеваются яркие ленты. Девушки идут бойко, помахивая железными с закругленным концом посошками. Вместе поворачиваются, входят в ближайшую избу. Рядом, становясь в красный угол, крестятся и кланяются. Потом, все так же враз, говорят: „Настасья Петровна (хозяйской дочке), Марья Лексеевна (невеста) желает вас на девишничек“. И, со шныряющими впереди мальчишками, выходят из избы. Останавливаются, шушукаются, склоняя друг к другу высокие, украшенные головы, идут к двери следующей избы. Раньше полагалось обойти все дома деревни, где есть девушки, хотя бы этим „девушкам“ было год от роду. Но теперь так не делают: — „Этак и голова заболит кланявшись“. И позыватые, сговариваясь между

---

[1]) В Сядемской волости „позыватых“ нет, их заменяет там „соходатый“ — родственник невесты, приглашающий гостей и являющийся парламентером невестиной родни. Он идет к жениху накануне свадьбы и спрашивает — „Ну как, у вас, все готово?“ Если да, — с ним отправляются в дом к невесте два брата жениха, неся пирог и брагу и приводят в гости к жениху всю родню невесты. У него бывает гулянка.

собой, идут только к более близким или более почтенным.

Обойдя всех, они приходят к жениху. Там пир в это время уже давно кончен, девки и бабы, в полпьяна, с шумом, визгом и песнями, ушли к невесте. Отпестрели платки на улице и замолкли крики. Сумерки. Накрыты снова столы у жениха. Входят девушки позыватые, вместе с ними и два парня, тоже позыватые (братья невесты). Раньше, как мне рассказывали, кто-нибудь из парней ходил по домам приглашать вместе с девушками и говорил после них: „Ласковы хозяева, желают вас, батюшка и матушка, на девишничек", но теперь этого не бывает. Парни вообще не играют никакой роли. Они только сидят по бокам девушек, посаженных в красный угол, и угощаются. Позыватые, прежде чем угощаться, должны вести сложную и замысловатую игру. „Опытные", бойкие позыватые ни одного слова не скажут, ни одного блюда не съедят без приговорок и загадок. В этот раз девушки обе были „стеснительные" и обряд проходил вяло. Они молча ссыпали в узелок все гостинцы, выставили пустые тарелки и принялись „уписывать" те блюда, которыми угощали. Ели молча, чинно и сосредоточенно. Подносил дружка самогон. Пригубливали девушки, чашками пили парни. Таскали им стряпши пироги и моченые яблоки. Толпился кругом народ. Позыватые сидели „што иконы", укутанные в „фаты" и венцы, обвешанные бисером, одетые в теплые поддевки. Лица у них разгорелись и блестели от пота, щеки покраснели. Наконец, кто-то из толпы уж присоветовал: — „Жениха-то что-ж вы, красные девушки, не зовете?" Они переглянулись и сказали: — „Давайте нам жениха." — „Жениха вам? — спросил дружка, — я жених". — „Нет, нет, ты не наш." — „А я разве плохой?" — „Не плохой, да не наш". — „У нас другого нету, у нас другого нету!", — подхватили стряпши. — „А этот не наш." — „Вашего жениха нет, красные девушки, мы его в лес за дровами проводили." — „Гражданки-барышни, — приставал подвыпивший дружка, — а я чем не жених? В Красной армии служил, в городе побывал." — „Нет, дайте нашего жениха. Он не такой, он причесаный, принаряженый, русы волосы припомажены." — „Нет вашего жениха, хотите — сидите, хотите — идите". Позыватые уперлись на своем: — „Без жениха не уйдем." Раньше

ше, бывало, что выводили мнимых женихов несколько раз: сначала маленького мальчика, потом старика или бабу; но здесь, после описанной торговли, сразу вышел сам жених с чашкой самогона на подносе.—„Ну что, теперь ваш?“—„Это вот наш, наш!“ Он им кланяется: — „Здравствуйте красные девушки!“ Они встают и тоже кланяются. Жених подносит самогонку. Позыватая пригубливает и делает гримасу: — „Ой, чего-то она такая горькая! Видно, что нас не ждали, избу не обметали, с потолка сор не снимали, — вот он и попал в самогонку. Или вы ее не цедили?“ — „Как не цедили, да она чистая“, — говорят со стороны жениха. — „Нет, вы ее должно быть, с полынью варили, пить нельзя—горько!“ Жених целует девушку. Та отпивает: — „Ой нет, все горько!“ Опять целует, — иногда до трех раз,—пока скажут: „сладко.“ Потом та же история, вторая „мает“ жениха. Наконец, он угостил их и позыватые садятся. Жених должен подчевать их сам. Но позыватые „мудрят“: „Мы не хочем сена, давайте нам овса.“ Им подают семечки. — „Мы не хочем блинов, подайте нам девять дыр с оборочкой.“ Им дают девять кренделей-баранок. Таких присказок много, но эти девушки не знали их, им подсказывали со стороны. Опять тянется угощенье. Прошло уже несколько часов. Темно. В избе жара и духота невыносимая — мигают лампы, не могут гореть. Наконец, позыватые собираются вылезать из-за стола и говорят жениху: „Микита Иванович, просит у вас Марья Лексеевна котки-лапотки и мыльца брусочек“,—обычно, опять шел некоторый торг и потом жених протягивал мыло и лапти (так всегда ведется и до сих пор). Но тут дружка вмешиваясь сказал: — „Лапти? Мы и сроду лапти не нашивали. В нашем, барышни, доме их и плесть-то не умеют“... Позыватые продолжали еще некоторое время торговаться, но им так и не дали.

Выйдя из-за стола, позыватые пошли к невесте. Так же как не дали лапти, не соблюли и старый обычай — ставить перед позыватыми „курник“, — особый пирог, в несколько этажей, из черной муки с пшенной кашей и не очищенным крутым яйцом внутри. На верху пирога, держась на запеченном в тесто курином „мосле“ (кости), делаются из теста же головы жениха и невесты. Невеста повязана платком, на женихе надета шапка.

2) У невесты. Крестная „сряжает“ невесту. Раньше обязательно топили баню, теперь иногда моют прямо в избе, в печке [1]). Только после того, как невеста вымылась, крестная кличет девушек заплетать косу. Пока моется, невеста „вопит“:

Милые мои коленочки,
Не будет вам переменочки.
Милые мои ладышки,
Не будет вам отдышки.
Достался лопоть,
Весь век не слопать.

А когда подруги (обычно две ближайшие) заплетают ей косу, она вопит:

Гуляйте вы, мои подруженьки,
А я отприялася, я открасовалася.

Заплетя косу, девки берут невесту под руки и ведут из избы (или бани) в горницу. Пока крестная одевает ее, невеста должна стоять совершенно неподвижно и должна только креститься при каждой новой вещи. Ей за пазуху насыпают хмель и мак „от лихого человека.“ Раньше в поддевку втыкали дюжину булавок, тоже как предохранительную меру, но теперь невеста большей частью сидит „раздеткой“, в одном платье, тогда булавок вообще не втыкают. Так и в этот раз невесту переодели в голубое сатиновое платье полосками (надета на выпуск кофта и широчайшая юбка), в розовый шелковый платок с бахромой; прикололи на груди брошку и... значек золоченый — серп и молоток,— кем-то привезенный из города. Расталкивая толпу, повели через сени из старенькой темной избенки в горницу. Когда подводят к двери, невеста „кричит“:

Не смею я ухватиться
За батюшкину золоту скобу.

Отец отворяет ей дверь. Она кидается ему на шею и кричит

Благодарю тебя, кормилец батюшка,
На пару, на баинке, на мягком веничке (хотя в этот раз невесту и не мыли).

---

[1]) В Сядемской волости в баню и теперь водят обязательно. Причем туда ее ведут тихонько, крадучись, стараясь, чтобы никто не заметил. Обратно же ведут из бани с песнями и криками. Девушки бьют в косы и сковороды, чтобы отогнать нечистого. Пока невесту моют в бане, вся ее родня гуляет у жениха. „Девишника“ накануне свадьбы не бывает.

Когда сажают за стол, она кричит:

Не мне бы, горькой, за этим посадиком сидеть,
Сидеть бы моему кормильцу батюшке,
Родимой моей матушке,
Милыим моим братцам
И любезныим невестушкам.

Ее выводят из-за стола и она начинает подчевать усаживающихся за нею девок блинами, блинчиками, мочеными яблоками и, конечно, семечками. Пол в доме у невесты, как и у жениха, устлан толстым, шуршащим слоем шелухи. И пирующие, и смотрящая толпа усердно, не переставая, не прерывая, жует и плюет. Умудряются грызть их даже во время песни. Девки поют:

Летели голубья через двор,
Ударили крыльями об терем.
(Шейн, № 2080 и № 1963).

Наконец, девок угостили. Докладывают: „Скоро идут девишником". Невеста и позыватые поспешно садятся, накрывшись большим платком, „в куту" (углу за печкой, где постель). Входит новая толпа от жениха. И тут обычно начинается одно из самых главных свадебных действий. Но на этой свадьбе я его, к сожалению, не видела, да оно почти и не состоялось по некоторой несчастной случайности. Дело в том, что одна из главных персон в этом случае — отец жениха; „без него родные не пойдут." А он еще днем, захватив изрядное количество самогона, и уже порядочно „накачавшись", решил поехать в соседнее село, искать золоченую сбрую для свадебной упряжи. Поехал и пропал. Время к полночи,— его все нет. У невесты ждут, присылают узнать, в чем дело. У жениха смятение. Отыскали отца только после полуночи. Весь народ уже разошелся, да и участники были в полусонном состоянии. Поэтому, дальнейший обряд привожу так, как он был, по словам рассказчиков, на других свадьбах в ближайшие годы.

3) Приход „девишником". Жених приходит вместе с отцом, матерью, крестным, крестной, двумя дружками, каравайниками и толпой сродников. Идут к невесте „выкупать рубаху". Они садятся за стол, а девушки, подруги невесты, начинают „срамотить" их. Сперва дружку:

Как у дружки
Черви на макушке.

Ай дружка хорош,
На собаку похож,
На бешенную, на повешенную.
Дружка на скамейке сидит,
Под скамейку . . . висит,
Телята сосут,
Поросята грызут.
Ссали свахи на вьюшку,
Летели брызги на дружку.

Потом крестную срамотят (настолько нецензурно, что не хотели мне повторять).

Им дают денег, чтобы замолчали, но они начинают срамотить жениха:

А жених-то какой,
Как котенок, слепой.

Опять дают денег. Тогда они хвалят дружку:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий,
Лучше всех у нас друженька,
Умная головушка
И широкая бородушка.
Он дарит дары
Не рублевые, не полтинные,
А золотые гривны.

Потом признаются:

Горлышки пересохли,
Ноженьки пересмякли,
Сватьи пива захотели.

Их угощают брагой. Дружки выводят жениха из-за стола и подводят к трем накрытым девушкам, сидящим в куту. Он должен угадать, которая невеста и угостить ее. Подносят стакан браги. Но его выхватывает позыватая и раскрывается. Все кричат: „Не угадал, не угадал! Обмишурился!“ Позыватая пригубливает брагу и говорит: „Что-то легок стакан!“ Дружка кидает туда деньги. Позыватая начинает пить и давится: — „Ой, горько! Видно, брага не цеженая“. Жених целует ее. „Сладко!“ Она выпивает остальное. Опять подносит жених стакан и его берет другая позыватая. Та же история. Наконец, стакан получает невеста. Теперь обычно она тут же сбрасывает платок, а раньше ее „закрыткой“ вели „под матку“ (матицу). Там жених с невестой кланяются друг

другу, держа в руках по стакану с вином, меняются стаканами, пьют вино и целуются. Девушки начинают „играть“:

Струнка лебедку побила,
Мария Никиту полюбила.

Жениха и невесту сажают за стол, он лезет ей под кофту и „ищет у грудей ширинку“ — вытаскивает носовой платок. Теперь этот обычай совсем уже отошел. Жених и невеста просто „чикаются“ (чокаются) под матицей, или даже там же в углу целуются и невеста остается сидеть в углу, уже „раскрыткой.“ Остается крепким только обычай обязательно „чикаться под маткой“ свату (отцу жениха) со сватом (отцом невесты) и свахе (матери жениха) со свахой (матерью невесты). Потом жениха и его родню сажают за стол. Крестная невесты подносит ему рубашку, брюки, кальсоны, поясок и платок. „Микита Иваныч! Марья Лексеевна шлет вам дарик. Дарик примите, блюдичко позолотите, бутылочку поставьте“. Дружка ставит на тарелку бутылку самогона и кладет деньги. Деньги крестная отдает на шапку жениху, а бутылку берет себе. Родня жениха выпивает и закусывает, только не долго, а он сидит в переднем углу и ничего не ест.

Они скоро уходят. Садится ужинать вся невестина родня,— девки, позыватые и сама невеста. Отец и мать угощают. После ужина невеста кричит:

Не обессудите, милые подруженьки,
Каковы хлеб — соль случилися
У моего кормильца батюшки.

И начинает причитать:

Во последочки я горькая хожу
По новыим сеням, по широкому двору.

Ее унимают подруги. Уговаривают ложиться спать, все ложатся вместе с ней.

III. День свадьбы.

1. Утро в день свадьбы у жениха.

С утра идет стряпня и приготовления. В этот день главное пиршество в доме у жениха. Бегают какие-то бабы, им же нет числа, помогают печь блины, пробуют брагу, режут мясо, свинину, гусятину. Дружка и отец справляют, укра-

шают пестрыми тряпками и бубенчиками упряжь, привязывают колокольчики и ленты к дугам. Стряпши украшают сырую свиную голову бумажками и тряпочками (ее потом поставят на стол перед молодыми). Потом мать и одна из стряпш берут каравай (спеченый уже накануне), крестят его, ставят на лопату и прикрепляют по бокам две зажженные 5-копеечные свечки. Все это суют в печь (холодную) и, продержав несколько минут, вынимают. Завертывают каравай в белое полотенце и кладут на стол, покрытый чистым столешником, в красный угол. К этому времени стол уже совершенно свободен. Родные все съехались закусили и ждут благословения жениха. Блюда убраны. Стоит только украшенная бантиками сырая свиная голова[1]) да этот каравай.

Раньше каравай сажали в печь, как передают, гораздо более торжественно. Никто не должен был смотреть, как его совали. Совать должны были обязательно двое родных, муж и жена (обычно тетка со своим мужем). Каждый из них зажигал свечку со своей стороны и вдвоем вдвигали лопату. Примечали: с чьей стороны больше сгорит свеча, мужчины или женщины, тот из молодых раньше умрет. Теперь этого нет, каравай сажают и вынимают без особых обрядностей, почти по привычке.

Но вот все готово. Начинается благословенье. Подстилают на пол „халат“ (суконный тулуп, а не шубу, как на севере), на него становится на колени жених. Отец и мать держат образ на белом полотенце, сначала благословляет им отец. Жених, не вставая с колен, трижды кланяется в землю, потом поднимается, целует образ, целуется с отцом и опять встает на колени. Так же точно благословляет и мать. За ней — крестный отец и крестная мать. Каждый говорит: „Бог благословит в новой жизни“. Жених молчит. Входит дружка, говорит: „Кони запряжены, вершники все приехали, поезд готов“. Его посылают, вместе с вершниками,

---

[1]) Что обозначает свиная голова — объяснить мне никто не мог. Ее украшает кто-нибудь из девушек родственниц или стряпш. Стоит она на столе во все время свадьбы, пока за столом сидят молодые, и каждый раз, когда они выходят из-за стола, убирается. Никаких обрядов с ней не связано. У южных великоруссов свинья считается символом богатства и плодородия.

предупредить невесту. [Вершниками называются молодые парни, товарищи жениха, которые едут впереди и сзади поезда верхами. Таких вершников на этот раз было 4. Бывает их и 3 и 5 человек. Выбирают хороших лошадей, если возможно — жеребцов. Парни надевают поверх курток яркие рубахи, или женские „шушунчики“, подпоясываются пестрыми, развевающимися кушаками. На голове широкие соломенные шляпы, носимые только в этих случаях, украшенные бумажными или тряпочными цветами, перьями и длинными лентами, свисающими до плеч, В руках жгуты или плетки. Кони тоже разукрашены]. Дружка с вершниками уезжает, а стряпши начинают собирать обед. Обедают все поезжане и вернувшийся дружка; отец и мать их угощают. Жених не ест. Кормят щами, студнем, вареной свининой или говядиной, молочной кашей и блинами. На столе стоят ведра с самогоном и с брагой. Из них черпают ковшичком и, наливая в чашку, передают поочередно. Пообедав, все поезжане выходят рассаживаться.

2. Утром у невесты. Невеста будит подруг, причитая:

Вставайте, мои милые подруженьки,
Спалась ли вам темная ноченька и т. д.
(См. у Шейна).

Ее унимают. Все садятся завтракать. Потом наступает время ожидания. Все сидят по лавкам, изредка переговариваясь. Грызут семечки. Заглядывают в окна, сообщая уличные новости. Поминутно хлопают двери в избе: вбегают ребята, вваливаются бабы — посмотреть, постоят минутку и опять уходят. В воздухе дым от махорки, запах самогона и шелушенье семечек. Невеста сидит сложа руки. Наконец, на улице гармонь и радостный визг ребят. С гиканьем и песнями подкатывают украшенные сани. Впереди скачут вершники в соломенных шляпах и лентах; соскакивают с коней и водят их перед домом. В санях сидят девушки и, передавая правившему поддружью гармонь, — вылезает дружка. Он приехал справиться, готова ли невеста и предупредить, что скоро приедет поезд. Входит в избу. Там уже все полно народом. Публика, как из земли выросла. — „Ну, как у вас?“ — „Будем собирать, ко времени справимся“. — „Я упредить приехал“. Ему подносят брагу. Он выпивает, закусывает и опять с гармонью и песнями

катит девушек, что есть духу, по деревне к дому жениха. Ехать выбирают самых голосистых песенниц и они всю дорогу „играют“ частушки.

После отъезда дружки, невесту в задней избе начинает к венцу обряжать крестная. Одетую (раньше обязательно закрытую большой „фатой“ — шелковым платком) выводят в горницу и сажают в красный угол. Она опять кричит:

Не мне бы, горькой,
За этим посадиком сидеть и т. д.

В это время достают икону, расстилают халат, приготовляют все для благословения. Выводят невесту из-за стола и благословляют совершенно так же, как жениха. Она кричит всем благословляющим по очереди:

Баслови, родитель батюшка,
Во чужие люди незнакомые.
Баслови, родная матушка и т. д.
Баслови, крестовый батюшка и т. д.

После благословенья ее сажают в угол на постель и ждут поезда.

3. Поезд. Кони давно готовы. Чем больше число лошадей, тем наряднее считается свадьба. У бедных всего три упряжки: в первой дружка с подружьем и девушки, во второй — жених с крестной матерью и крестным отцом за кучера, в третьей — ближняя родня. Если свадьба „справная“, как, например, у Ивана Абрамовича, то три передние упряжки запряжены по паре лошадей в „санках“, как здесь называют сани, вроде извозчичьих, а кроме них еще пара „саней“, вроде розвальней, в одну лошадь, где едут родня подальше и девки, подруги невесты. Отец и мать жениха не должны провожать поезжан, или смотреть им вслед. Они садятся в передний угол и ждут, чтобы поезд уехал. Им не полагается даже выходить из избы, когда рассаживаются. Но тут отец не выдержал — очень уж ему хотелось, чтобы „все справно было“, когда я буду фотографировать (я сказала, что сфотографирую поезд). И вот он выскочил, чтобы дать последние инструкции, рассказать, как стоять; прокричал: — „Ладней, ладней, ребята!“ и ушел опять в избу. Интерес к фотографии

колоссальный. Я встала с аппаратом поодаль. Двое вершников выехали вперед, двое встали сзади. Дружка, прежде чем сесть, три раза с образом обходил поезд. Гикнул и подбоченился поддружье, схватился за гармонику дружка. „Снимаю!“ Все застыли. „Готово!“ Поезд полетел вперед.

Приехали к невесте. Все, кроме вершников, входят в избу. Невеста сидит в переднем углу. Рядом надо посадить брата с вальком. Стали искать: — „Надо сесть которому-нибудь, ребята, вы где?“—говорит отец.—„Кум Яшка, кум Яшка, садись!“,—кричат поезжане.—„Ну вот еще, нашли чучелу, не сяду я“,—заявил парень.—„Ну, Ваньку сажайте когда большак не хочет!“. Посадили мальчика лет десяти, младшего брата.

Раньше, когда брат садился рядом с невестой, ей полагалось причитать:

Милой ты мой братец,
Не накидывайся на пиво пьяное,
На вино зеленое,
Не продавай ты меня, горькую,
За золоту казну.

Она заливалась уже, как только входили поезжане:

Приехали мои разлучники,
Разлучать меня с родимой матушкой,
С кормильцем батюшкой.
По правую руку сядет друг—недруг,
По левую приезжая сватенька.
Приезжая сватенька,
Послушай моего глупого разума,
Не расплетай мою русу косу,
Не отвязывай шелков косник.
Русу косу мороз убьет,
Шелков косник молонья сожжет.

А когда отец соединял руки жениха и невесты, она продолжала:

Кормилец ты мой батющка,
Не давай мою белую руку
Чужому дитю на поруганье.

Теперь вся эта причитальная, песенная часть, отпала.

Торга никакого не было. Дружка протянул мальчику 20 копеек, тот спрыгнул, и пулей улетел с ними на улицу. Невеста молчала. Жених сел рядом с невестой и ее отец

соединил их руки. Крестный жениха просто вывел их из-за стола и подвел под благословение. Опять расстилается халат и становятся на колени молодые, на этот раз уже рядом. И так же, как раньше в отдельности, благословляют теперь обоих родители и крестные отец с матерью невесты. Молодые каждому кланяются в землю. Невесту одевают в шубу, и крестный за руку выводит их к поезду. Берет невесту на руки, сажает ее в сани. Рядом садится жених, а сам крестный вскакивает за кучера. Крестная жениха суетится с иконой, влезая в третьи сани. Ее повезет поддружье. Такое рассаживание—всего лет 15. Раньше невеста ехала в церковь отдельно от жениха со своей крестной; их вез поддружье, а жених впереди с крестной и крестным, как приезжал за невестой [1]).

Девки играют ей:

Не долго венчику над ступкой висеть,
Не долго Манюшке в девках сидеть...
(Шейн, № 2167).

Жениху поют:

У прудика, прудика,
У студеного колодезя
Михайло господин
Он коня поил.
Разыгрался его конь,
Потоптал он Манюшкину бель.
Ты, Михайло господин,
Содержи своево коня.

А дружке:

Кто у нас хорош, пригож,
Кто лучше всех...

Когда все идут садиться на лошадей, дружка еще до того как сели, обходит три раза поезд с иконой и потом уже командует: „Садитесь, мои поезжане, по местам, как соколы по гнездам!". Невеста едет отдельно от жениха, закрытая.

Наконец, все рассаживаются. Дружка бежит в кладовую, где наскоро торгуется с позыватыми, выкупая подушку.

---

[1]) В Сядемской волости, прежде чем уехать от невесты в церковь, поезжане всегда обедают. Жених и невеста сидят за столом, но ничего не едят. Невеста сидит с распущенными волосами, закрыв лицо фатой—шелковым платком.

Приносит огромную, пеструю подушку, подкладывает ее под невесту. Позыватые тоже усаживаются в сани (задние). — „Готово?“ — „Все, слава богу!“ — „А с образом-то, с образом обойти!..“ — „Ну, давайте скорее. Как обходить-то надо?“ — спрашивает. — „Слева, с левого конца начинай“. Он берет икону и быстрым шагом, скоро и деловито крестясь, три раза обходит поезд. Торопится. На лице усмешка и нетерпенье — „ехать бы скорее, не валандаться“. — „Ну теперь все?“ — „Все“, — отвечают старики, — „с богом!“ Гикают и махают жгутами вершники, выскакивая вперед. Развеваются у них пояса и ленты на шляпах. Кони роют снег. Выкатывают из-за ряда кладовых и ветел, на середину улицы, черные сани, одни за другими. Поскрипывая раскатываются задние розвальни, с кучей девушек, и поезд несется из деревни, через поля, к церкви, к селу.

4. В церкви. Этот день исключительный в году; венчается почти вся волость. Площадь перед церковью, как на базаре, переполнена людьми и лошадьми. В церкви не пробиться. В году, когда много свадеб, два священника, отдыхая по очереди, венчают часов с 10 утра до полуночи. В этом году свадеб гораздо меньше, но все-таки приходится ждать часа три. А венчают здесь всегда ускоренным темпом: враз по четыре пары. Венцов над молодыми не носят, их прямо надевают им на головы, и священик начинает церемонию, обводя восемь человек. Раньше, по рассказам, сразу после венчанья соблюдались некоторые особые обычаи: невесте заплетали тут же, в сторожке, волосы на две косы, надевали „рога“ — бабий головной убор, угощали окружающих особым пирогом [1]).

Сразу после выхода молодых из церкви стреляли из ружей, или били в чугунные сковородки — „чертей отогнать“. Но теперь все это оставлено. Обычай с выстрелами встречался еще очень недавно, — так венчался, например,

---

[1]) В Сядемской волости до сих пор невесту в церкви обряжают по бабьи, надевают ей „кику“ и волосы, заплетая в две косы, закладывают на голове. Раньше невесту из церкви везли закрытую, отдельно от мужа, но теперь и там это оставлено. По приезде молодую благословляют свекор со свекровью и их сразу ведут в особую горницу и кладут спать. „Сродство“ принимается за пир. Через некоторое время молодых поднимают и все их поздравляют.

в 19-м году председатель комбеда. Это была великолепнейшая свадьба, приехавшая на 22-х реквизированных у помещиков экипажах, стрелявшая из всех ружей и пировавшая целую неделю. — О ней говорят до сих пор. Теперь стремятся покончить скорее. Молодые просто выходят из церкви. Все рассаживаются, и свадьба возвращается домой, к молодому.

5. В доме у мужа.

В избе почти пусто. Стряпши сидят и глодают „мослы“ (кости) в передней избе; родные слоняются из избы в горницу и обратно, придумывая последние приготовления. Уже темно. Тускло светит маленькая лампочка. Пол до-бела залузган. Кое-где кругом валяются объедки. Тихо. А потом на улице чей то крик: „Приехали, приехали!“ Звон бубенцов и топот лошадей. Сразу вкатывается толпа народу, шныряют мальчишки, отец кричит: „Свету! Бабы, все лампы зажигайте, до последнего фонарика, ничего не оставляй!“

Поезд не сразу подъезжает к дому: он прокатывает до конца деревни, поворачивает обратно и уже тогда останавливается перед крыльцом. Молодые вылезают из саней и ждут. Отец с матерью, продержав их с минуту, выходят на крыльцо, берут у крестной икону и благословляют ею. Зовут входить и на пороге осыпают молодых хмелем и маком. За руки вводят в избу. Раньше, когда молодые входили, стряпши били горшки. И теперь раздались голоса: „А горшки-то, горшки, чего-ж вы?“ Но дружка сказал: — „Вот еще, чего зря посуду портить. Старую дурь-то пора бросить“. И горшки, к досаде мальчишек, были оставлены. Молодых сажают в передний угол. Отец с матерью подходят к ним и спрашивают: — „Микита Иванович, ты куда приехал?“ — „Домой“. — „Каво привез?“ — „Марью Лексевну“. — „Марья Лексевна, ты к кому приехала?“ — „К Микиту Иванычу“. — „А ну, детки, — отец сказал что-то вроде речи, — расскажу я вам, как жить: друг друга любите, совет держите, отца с матерью слушайтесь, работайте. Чево говорят - судачат, внимания не обращайте. Вот я вам совет какой подарю“. Он хотел с ними поцеловаться, но дружка говорит: — „Да ты погоди, ты поучи их, как целоваться-то, а то так — горько. Ты пример покажи“. Отец с матерью целуются. Потом целуются молодые и их

целуют отец и мать. За ними так же идет с крестным и крестной. Молодых уводят в чуланчик. Дружка идет впереди и раскрывает двери. Раньше дружка и крестная „мягчили постель“: вдвоем ложились на нее, „чтобы пример дать“. Но в этот раз дружка сказал: „Постель мягченая. Они сами уж лягут, сумеют“. — „Сумеют, сумеют, отдыхайте, — поддержали другие, — угощайтесь“. Мать и стряпши понесли туда угощение — мяса, блинов, яблоков и браги. Молодых оставили одних. До того, как начать ужинать, они должны вынуть из-за пазухи по „пирушке“ — белой булке с запеченной внутри монетой, которую каждый возил с собой в церковь, разломить пирушки и съесть половинки от двух разных булочек. На этом гадают — кому попадется монета, тот будет счастливее. После булок начинают ужинать.

А в горнице в это время пируют поезжане. Пир длится несколько часов. Горланят песни:

У нашего соседа
Веселая беседа:
Сидят гости со гостями,
Стары бабы со мужьями,
Молодые со дружками,
Красны девки со парнями
Одна девка без парня,
Без парня без Ивана.
Что, наш Ванюшка, не весел,
Головушку повесил.
И чему Ваньке веселиться,
Заутру ему жениться.
Женка его не корыстна,
К делу не завистна —
Ни ткать, ни прясть не горазда.
Пожил Ванька, полукавил,
Своей женкой помытарил,
Он мытарил три годочка,
На четвертый преступило, —
Вся семейка ее невзлюбила —
Ни свекор, ни свекровка,
Ни деверь и ни золовка.
Я золовке своей взговорила:
«Ты золовка, ты моя мудренка,
Сама выйдешь в чужи люди,
Выйдешь уразумеешь,
Тады мне младе поверишь“

Поют и те песни, которые пелись во время кануна свадьбы жениху и невесте (см. Шейн. № 2080, 1936).

Раньше и, судя по теме текста, еще совсем недавно, во время пира поезжан, приходили крестная и брат, или сноха невесты и приносили ее постель. Они, прежде чем войти в избу, стучат, говоря: — „Мы к вам с обыском, пропала у нас белая овечка. Искали, искали, по следку бежали, следок снегом замело. Насилу сюда дошли". — „А какая же у ей метка?" — „Посередь уха дырочка". — „Нет, нет, идите прочь, у нас нет овечки". — „Дозвольте остаться, мы беженцы с войны, пустите проночевать". — „Тесно у нас". — „Мы где-нибудь в уголку, за этим не гонимся, постель у нас своя, подушка своя, — все есть. Только закусить малость; это — просим милости". Их сажают за отдельный стол и угощают лучше всех. Когда, наконец, все наедятся, со стола уберут, расстелят опять белый столешник, поставят свиную голову, выведут молодых и посадят в красном углу. Свиная голова ставится перед ними весь день, как только они садятся за стол. На столе, кроме нее, еще ведро с брагой и „сыр-каравай", — нарезанные на блюде кусочки хлеба и отварного мяса. Гости начинают поздравлять молодых. Это время раньше — важнейший момент в роли дружки. Он сыплет шуточками и прибауточками, подчует гостей „сыр-караваем" и всячески выманивает у них деньги для молодых. Угощая гостей, говорит:

Николай Степанович,
Ножки мои с подходом,
Ручки с подносом,
Голова с поклоном.
Наше дело на ново
Нам много надобно.
Нам надо купить козу,
Возить на ей воду,
Надо ее подковать,
Надо за ее деньги отдавать.
Вода-то хоть у нас близко,
Да ходить за ей склизко.
Сыр-каравай примите,
Блюдичко позолотите,
Наших молодых полюбите.

Гость кладет на блюдо деньги, съедает кусочек и подходит поздравлять молодых. Они, уже сами, угощают его брагою. Молодой держит в руке ковшик, а жена сидит с завернутой в платок левой рукой. Он наливает, ставит чашку ей на руку и она с поклоном подносит гостю. Тот отпивает и говорит: „горько!“ Молодые целуются. Так поздравляют все, до малого ребенка включительно. Длинная и торжественная церемония продолжалась часами. Но здесь „солдат“ одним махом отменил ее. „Раньше, — сказал он, — обносили гостей сыром и уговаривали, да пора уж это оставить. Вы, товарищи, кто хочет, сам подходи, а угощать — мы с удовольствием“. И он вооружился черпачком для браги. Подошли крестный с крестной. Крестный сказал довольно длинную речь и в заключение положил на тарелку 20 копеек. Крестная просто хотела начать целоваться с молодыми, но дружка спохватился: — „Нет, так уж нельзя! — Пример покажи. Пример-то нужен, без этого уж нельзя!“ Крестный и крестная поцеловались между собой, а потом поцеловали молодых. Так же подходили, целуясь между собой и другие пары из гостей. Когда, наконец, поздравили все, молодые сели в красном углу. Скамьи от стола отодвинули, дружка взял гармонь, а девки „заиграли прибасни“. Пошла плясовая. Народу в избе — негде сделать 5 шагов. Духота такая, что начинают гаснуть лампы, но это не смущает плясунов. Увеселялись далеко за полночь.

Наконец, разошлись. Молодых отвели в их чуланчик, где они сами должны постлать постель из невестиного приданого, „чтобы никто не сглазил“.

IV. Второй день.

Раньше на другой день после свадьбы бывало так называемое „веселое утро“. Гости оставались все до утра, и молодая, в присутствии всей родни, в первый раз за все дни свадьбы, мела избу, а молодой совком подбирал сор и швырял к печке. Гости бросали им в сор деньги.

Потом, тут же утром, приходили родные невесты, приносили ей „поесть“ и, вместе с присутствующими, отправлялись в дом невесты. Пир шел целый день. Но в этот раз было гораздо тише. Утром не было никого. Свои

деревенские, разошедшиеся с вечера, не собирались, а родня из других деревень сразу с утра, позавтракав, уехала по домам. Среди них поддружье и крестный тоже. Без гостей, столь нужных, все расстроилось. Дружка уехал искать самогон к вечеру, старики отдыхали. Никого не было. В избе еще копошились какие-то две стряпки да сноха. А в горнице, на лавочке, сидели молодые и с ними, постоянно меняясь, толпились несколько девок, парней и „мелочи"-ребятишек. Девки то так стояли, перешучиваясь, то начинали „прибасать" частушки. Одна или две пары заводили танец. „Молодой" наигрывал на гармони. Жена, сидя рядом, деловито лузгала семечки. Иногда она переставала, останавливалась и запевала с девушками частушки. Потом принималась вновь за семечки. Смотрели на улицу. Девки плясали деловито и бросали совсем неожиданно. Обрядовая часть была явно исчерпана. Молодой решил заняться делом более современным и вытащил „Справочник красноармейца", затеяв разговор о том, „что есть бюджет?".

Наконец, уже после полудня, пришли таки бабы от невесты, принесли ей „поесть". Собралась родня и опять начался пир. Затянули песни. Сидели долго. Потом отправились в дом к родителям невесты „всем скопом" с ее родней уже под вечер и „в полпьяна".

Там угощались дальше. Вся родня — в избе, а сами молодые, позыватые (сестра жениха и невесты и братья невесты), дружка, — в особой горнице, отдельно. К другим они вышли только поужинав.

Молодые сели в красный угол. По бокам их сели отцы, а рядом с отцами — матери, — так, что рядом с невестой была ее семья, а с женихом — его. Молодые на людях ничего не ели. А пир разгорался все больше и больше. Жара. Духота. В песнях уже ничего не понять, каждый поет свое. Самогон льется рекой. Идеал — довести людей „до положения риз" — был успешно достигнут.

Н. Гагенторн.

Свадебный подарок на Украине [1]).

После свадьбы родители жениха приезжают в дом невесты с „пряхой“ и „барилой“.

„Пряха“ — это фигура прядущей на прялке женщины, сделанная из теста и запеченная в печке; размер ее 15 *см*; вся она выкрашена в цвет, соответствующий белому платью городского покроя (кофта с юбкой), на голове из черной овечьей шерсти свита прическа; на ногах у нее чоботы (на эту деталь обращали большое внимание мои хозяева и их соседи, которые с большой нежностью разглядывали пряху); прялка расписана белой, коричневой и черной красками.

Эту фигурку родители жениха дарят матери невесты со словами: „Мы взяли у вас работницу пряху, вот вам взамен от нас работница пряха“.

„Барило“ (бочка) также приготовлено из пшеничного теста и запечено в печке. По форме барило представляет собою миниатюрную бочку с обручами, размер которой равен 9 *см* в длину.

Ее родители жениха дарят отцу невесты со словами: „Мы взяли у вас водоноску, возьмите вместо нее бочку для воды“.

Е. Карачевская.

---

[1]) Полтавская губ., Кременчугский округ, Бригадировский район, дер. Прилепка.

Игра в „бачу“ на Печоре.

Среди нескольких старинных игр, встречающихся у русского старообрядческого населения Печорского у., Архангельской губ., особенно оригинальной и интересной можно считать игру в „бачу“.

При объездах всех шести волостей Печорского у. эту игру удалось обнаружить лишь в двух волостях: Устьцилемской и Пижемской, имеющих русское старообрядческое население.

Игра исключительно девичья, строго связанная со временем. Играют в „бачу“ в течение великого поста до Пасхи.

Игра ведется „бачевыми“ палками, которыми сшибают попа — „бачу“.

Процесс игры таков: в праздники девушки в шелковых праздничных сарафанах выходят на дорогу. По жребию одна „водит“. До начала игры все участницы становятся у черты, проводимой на снегу, и с носка ноги, придерживая палку за ручку, бросают ее вперед: чья упадет ближе всех, та водит. Бача ставится в круге и сшибается палками, бросаемыми девушками поочередно. Когда палки все брошены, девушки бегут за своими палками; водящая в это время должна успеть поставить бачу и занять место у черты раньше какой-либо из девушек, побежавшей за палкой. Опоздавшая водит.

Игра напоминает игру в „попа“, но оригинальными являются бача и палки. Бача делается длиной от 3 до 4 верш. и представляет из себя конус, острым концом соединенный с шаром. Бачевые палки все богато орнаментированы. Бачевая палка это обычный подарок парня девушке, за которою он ухаживает: палку делает он сам и дарит ей.

Палка вырезается ножом или точится на станке для изготовления веретен. Краски разводятся в рюмках или

битых стаканах такие, какие имеются под руками. Обычно: красная, зеленая, синяя, иногда желтая и часто охра местной добычи.

Палки можно разбить на группы:

I) Прежде всего по способу производства:

1) вырезанные ножом и
2) выточенные на станке.

II) По отделке:

1) крашеные и
2) некрашеные.

Наиболее характерные формы палок, вырезанных ножом: многогранная и круглая. На поверхность без дальнейшей обработки наносится краска самого разнообразного рисунка, или поверхность орнаментируется ножом.

Наиболее типичным можно считать орнамент в виде ромбов, употребительный и вообще на всех деревянных печорских изделиях и могущий, с известным основанием, считаться местным орнаментом.

Пижемские палки редко украшаются резьбой, чаще имеют круглую форму и по поверхности расписываются. Характер росписи палок Пижемской волости также совпадает с общим характером вообще пижемской росписи, фигурирующей на соленицах, прикладах кремневых ружей, ложках и пр.

Проф. В. Г. Богоразом и проф. Л. Я. Штернбергом отмечалась возможная фаллическая основа игры.

Палки, вместе с другими коллекциями, доставлены в Музей Этнографии и Антропологии Академии Наук С.С.С.Р

Д. Травин.

Свадебные причитания зырян [1]).

Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы!
„*Калевала*".

Современные зыряне являются народом оседлым на далеком, лесистом севере СССР и занимаются земледелием, охотой, рубкой и сплавом бревен.

Как ни бедна культурно-бытовая сторона их жизни, как ни тяжелы условия работы, как ни сурова и бедна природа Севера, все-же главные моменты появления, роста и смены старого поколения новым находят у них свое выражение. Продолжение рода и связанный с ним свадебный обряд, как и у всех народов, занимают первое место в ряду других социальных импульсов жизни зырян.

Большую часть времени на Севере заполняют холодные, суровые зимние дни. Поэтому весьма естественно, что наступление весны и короткого лета радует, оживляет и вливает в жизнь зырянина струю свежести и надежды. В этот период года у зырян увеличивается число браков. Браки к этому периоду приурочиваются особенно потому, что весна и лето, и связанная с ними полевая работа требует больше рабочих рук, от успешности и плодотворности работы которых зависит все благосостояние зырян. Таков взгляд на женщину, которая должна стать производительной силой в семье отца жениха.

Катыдпомцы [2]), как и вообще зыряне, — практики. Что практично, что крепко, то красиво. Прекраснейшее солнце— самое дорогое, любимое, красивое и желанное явление в при-

---

[1]) Причитания мною записаны на зырянском языке в 1920 г. в деревне Гортшэр Онежской вол., Устьвымского у., у пожилой вдовы Анастасии Романовны Клюевой, пользующейся популярностью по всему верхнему течению р. Выми. Мало свадеб проходит без ее участия.

[2]) Дер. Катыдпом, Зырянской Области, по р. Выми.

роде — нужно привлечь к работе. Мало того, что оно освещает и греет всю землю, „весь мир“; нужно, чтобы оно по желанию людей реально помогало, — так, чтобы его работу можно видеть, как работу сознательного человека. Катыдпомцы не прочь диктовать солнцу, чтобы оно не очень палило около ручья, где стоит у них мельница, чтобы оно отправилось за пороги сушить сено, где происходит коллективная уборка лугов.

Первая любимая песня зырян обращена к солнцу — „Шонды банэй-оломой“ — „Жизнь — солнечное лицо“, или вернее, — „Солнечноликая жизнь“. Все расценивается, измеряется солнцем: и человеческая жизнь, и любовь, и красота, и всякое дело, направленное на радость человека.

Свадебные причитания зырян сводятся по содержанию к той самой жизни — радости — солнцу, или, вернее, в них оплакивается удаляющееся солнце — жизнь девушки-зырянки. Самые любимые и ласковые выражения зырян в обращении к окружающим, это: Шонды — ай — „солнышко — отец“, Шонды — мам — „солнышко — матушка“, Шонды — пи — „солнышко — сын“ и т. д. В причитаниях выражается скорбь и благодарность девушки отцу — солнышку, благополучно вырастившему ее до зрелого возраста и теперь выдающему замуж; солнышку — матушке, которая ласковым словом и советами вывела ее в люди; солнышкам — братьям, накупившим ей приданое, подарки; солнышкам — сестрам, не стеснявшим ее желания во время гуляний на вечеринках, праздествах, в гостях; светлым солнышкам дядюшкам и тетушкам, любезно принимавшим ее в девичье время. Эти же свадебные причитания отражают картину семейных взаимоотношений, положение зырянки в семье до и после замужества; раскрывают процесс патриархального строя зырян, не раз намекая на прошлое зырян, некогда живших небольшими общинами, деревнями и, в особенности, на умыкание женщин.

Первое причитание начинается через несколько дней после того, как сваха (или сват) успела договориться с родителями невесты и также получила согласие со стороны невесты. Собственно говоря, последнее, т.-е. согласие невесты, не обязательно. Сплошь и рядом девушку выдают

насильно за немилого, за вдовца. Оттого и жалуется невеста, что ее продают за бесценок, как овечку. После того, как сват и родители невесты договорятся на счет приданого, назначается день помолвки, после которого девушка становится невестой. В назначенный день, обычно вечером, жених со своими родителями и самыми близким родными (10 — 20 чел.) прибывают в дом невесты. За столом жених передает невесте кольцо (в большинстве случаев серебряное), троекратно обмениваясь с ней, что происходит при участии крестного отца жениха. После этого невеста встает из-за стола со слезами на глазах, садится на лавочке заднего угла избы, закрывается платком и начинает причитать. Медленно, тягуче, жалобно она протягивает первые слова: „вердан — вердысе“ — „кормилец — поилец“, сначала одна, потом понемногу пристает и плакальщица.

Во время причитаний невесте дают деньги те лица, к которым причитания относятся. Всех больше должен давать жених. Причитания продолжаются 3 — 4 — 5 дней. В последние дни невеста на этом специально наживается. Этот способ извлечения денег даже одобряется в деревне, в частности, когда девушка выходит замуж из бедной семьи. Деньги идут на необходимое обзаведение и личные расходы невесты в доме жениха. Молодуха в течение одного-двух лет не получает со стороны родителей жениха никакой помощи, кроме еды. Ей приходится на 1 — 2 года припасать заранее обувь, платье, одежду, грабли, косу, серп и даже шест для лодки и железные наконечники к нему, нужные во время пребывания на порогах, где простой шест в виду каменистой почвы скоро притупляется. (Такое явление до последнего времени наблюдается в д. Кони, Турьинской в., в селе Весляне, в Онежской, Шемецкой, Княжесодской волостях по р. Выми). Все это, как сама невеста, так и деревня учитывает заранее. Особенно в этом отношении чутки замужние женщины, дарящие невесте последние свои 2 — 3 коп. иногда без всякого причитания со стороны последней.

Во все время причитания невеста ударяет себя руками по обоим коленям, чтобы глубже и трагичнее пережить последний момент девичьей жизни.

Первое причитание общего характера; оно относится к отцу, матери, братьям, сестрам и, словом, ко всему се-

мейству и начинается, как и все остальные причитания, словами: „вердан-вердысь“, т.-е. кормилец поилец.

1. Кормилец-поилец, да и добрый солнышко-батюшка,
Сладкое солнце, да и грудная матушка,
Не сыновнюю ли вы голову расцениваете?...
Город, говорят, вы построили
С роднями да коленами (колено-потомки),
Со зелеными (молодыми) братьями да сестрами.
Золотое солнышко. Я вас слушала,
Слушалось ухом.
Золотое солнце, да я смотрела
Глазами с бровями.
Кормилец-поилец, да и доброе солнышко-батюшка,
Кормилица-поилица, да и грудная матушка,
Я чаяла (думала), что вы расценивали,
Кажется, самую лучшую лошадушку.
С середины лестницы, было, вы посматривали, —
Расценивались за дойную коровушку,
По середке в сенях облюбовали лучшую овечку, —
Вы, оказалось, да и расценивали
Первое свое солнышко-доченьку.
Расценили вы да и за бесценок.
Кормильцы-поильцы, да и в два слова тысячные батюшка-матушка.

Вы, оказалось, да расценивали меня, —
Первое солнышко да и первое дитя.
Кормилец-поилец, да и в два слова тысячный брат (братья),
Кормилица-поилица, да и в два слова двухтысячная сноха (хи),
Кормилицы-поилицы да и милые сестры, —
Все вы так в один голос
Мною торговались да расценивали... (продали).
Кормилицы-поилицы... (громкие удары по коленам)
Меня одевали
Сверху шелком, снизу-золотом,
Меня держали
В башмаках да в ситцевом платье.
Хлебом для гостей кормили (для гостей, т.-е. праздничным, хорошим хлебом)

Спасибо же да спасибо
С головы да и до ног,
Доброе солнце-батюшка,
Да и грудная матушка!

Второе причитание посвящено жениху. Невеста после первого причитания возвращается к столу и через несколько минут после определенных блюд снова садится на лавочку и плачет. Вместе с невестой плачут и гости, и публика,

и родные, и больше всех — девицы ее возраста. Любящий жених через 2 — 3 минуты иногда встает и останавливает невесту, рыдая и сам. Тогда же он первый дарит ей деньги. В этот любопытный момент слезы переходят в остроты, смех, нападки по адресу жениха, если он мало подарил денег. Нередко невесте в таком случае приходится выручать жениха.

2. Кормилец-поилец (имя — отчество)..
Мое солнышко, плечо да понизивший (снизивший),
Мое солнышко, сердце да пожимающий (сжимающий),
Мое солнышко, смех с гладкого лица скрывший (уронивший),
От парней, девиц меня отделивший,
Красивые песни мои (пение) прервавший.
Кормилец-поилец, да и братушко (брат),
Дорогую девичью честь да поправший,
Все мое дорогое девичье (лача) [1]) отнявший,
Девичье тело — солнышко
Под каблуком растоптавший.
Ладонь мою ты сжал
Мою волю да дорогую девичью жизнь.
Кормилец-поилец, да братушко (брат)
С севера, говорят, ты прибыл,
С вышины да большой тучею,
С юга, говорят, ты прибыл,
С низу — крутым (строгим) командиром.
Кормилец-поилец, да и братушко (брат),
Слыханный кормилец-братушко,
Словно в церкви свеча горишь,
Словно надцерковный крест — заметен.
Кормилец-поилец, да милый братушко,
Да одногодка мой (друг),
В Питер-городе услыханный,
В Москве-городе эхо оставил.
Похвальное солнце
Да похваленое!
Величаешься, солнышко,
Величеством.
На широкой дороге (вуз) [2]), солнышко, славишься.
На весах ты да
Самое тяжелое зерно.
Убегающего — имающий,
В летающего — стреляющий,

---

[1]) Лача — „свое“, „я“, „женственность“.
[2]) Вуз — широкое место, южная часть России, южное, людное место.

Конец тропинки — продолжающий,
С верхушек берез — сваливающий,
Кормилец-поилец да братушко (брат).

Третье причитание относится к крестной матери — восприемнице жениха. (Характерно здесь то, что это причитание фактически направлено, как видно из содержания, не по адресу. Скорее всего оно подходит к крестной самой невесты). Этим причитанием невеста заранее старается больше расположить к себе крестную жениха, нежели его мать. Часто бывает так, что крестная жениха оказывалась лучшей подругой, советницей крестника и его жены во время семейных раздоров и в другие трудные минуты. Это причитание происходит в тот же вечер, после небольшого перерыва, когда невеста опять подходит к столу или беседует с женихом на лавке. Крестная жениха дарит невесте крестик, иногда платок или также деньги.

3. Кормилица-поилица, да и сестра,
С одной стороны, ты у меня —
С южного конца — соседушка,
С другой стороны, ты у меня —
Славная хорошая (добрая) сестра,
С топленым маслом, солнышко, мягким голосом,
С нетопленным маслом, солнышко, ласковым словом,
Откликающаяся (отзывчивая),
Крепким голосом вызывающая,
До середины лестницы навстречу идущая,
Сзади провожающая
До середины большой дороги,
Хлебом-солью оберегающая (покровительствующая),
Пивом-водкой навстречу идущая,
Злыми глазами (сердитыми) не смотревшая,
Худым словом не обмолвившая.
Кормилица-поилица сестра!
В зеленые (молодые) годы лучшее гостиное место,
Двухнедельное с делом „местопребывание“, [1])
В праздничные дни пироги у тебя я съедала,
От всей руки твой ржаной ломоть (кусок) отламывала.
Спасибо да спасибо,
Кормилица, милая сестра.

---

[1]) По реке Выми зырянки-девушки отправляются в гости к своим родным на 2 — 3 недели. Они с собой берут „дело“ — домашнюю работу, например, пряжу для вязанья носков, рукавиц и пр. Кроме того, отчасти помогают в работе родным.

С невымытым лицом
Да я к тебе приходила,
Босоножкою
Да полы истаптывала,
Без боязни заходила да без стыда жила,
С полуденной работы приходила
В чем (где) не знала я, да ты учила.

Четвертое причитание посвящено отцу жениха. В нем невеста умоляет его о ласковом обращении с ней в наступающей ее семейной жизни. (Кстати замечу, что такого же содержания и причитание, посвященное матери жениха, и поэтому содержание его не будет приведено).

4. Кормилец-поилец, да милый дядюшка,
Моему солнышку-батюшке равный.
Кормилец-поилец, неродимый батюшко,
В сюртук ты одеваешься,
Попа, дьяка встречающий
Да покровительствующий (заботливый).
Я к тебе приду да
Не бей меня же ты никогда рукой,
Да не топай на меня ногой,
В незнакомом деле да ты покажи,
В неумелом деле да научи,
Не чурайся же ты меня;
Как своих дочерей, держи,
Кормилец-поилец да дядюшко.

На этом первый вечер, вечер помолвки, и кончается. Родные и родители жениха отправляются домой. Жених остается у невесты. Он договаривается о сроке свадьбы, о количестве гостей и т. п.

В пятом причитании — ариндзи — объезд по родным, невеста предается воспоминаниям и благодарит родных. Объезд или, вернее, последнее прощание, имеет место в кругу самых дорогих и близких родных по мнению родителей и невесты, — зятя и сестры, крестной, дяди — брата отца. Если дядьев у невесты несколько, тогда она посещает их по очереди и по старшинству. Из вежливости дядья и близкие родные иногда сами заранее приглашают невесту.

Посещение продолжается 1 — 3 — 4 дня. Невеста едет не одна, а с целой компанией девушек, приглашенных ею для шитья венчального платья и нужных вещей к свадьбе.

Пятое причитание состоит из двух частей: до и после угощения.

1. До угощения:

5. (1). Кормилец-поилец, да и (имя, отчество и родство).
Еще раз да
Я к тебе пришла
С друзьями.
Да я к тебе прибыла,
По русской земле шла я,
По высокой горе.
Синим сукном (войлоком) покрыта
Да просторная дорога.
Зеленым сукном перетянуто
Кругом по лугу.
Сто лошадей с седоками затоптали
Да гладкую дорогу.
Без боязни я к тебе пришла,
Да без стыда.
Кормилец-поилец, (родня, имя отчество).
Под божницей посередине
Села без боязни, стыда.
Кормилец-поилец, да и (родня).
Неиссякаемое, неубываемое
Да доброе местопребывание.
Без боязни, стыда сюда я приходила.
На ногтях стоял (а) ты от сердца.
На крыльях ты поднимался (лась) от радости,
Бесценная да и большая (великая) родня.
Еще раз я к тебе пришла
Со своей свободой да девичьей,
Да девичьим положением (см. лача).
Спасибо же опять да спасибо
За ласковую встречу, угощенье.
По русской земле я шла,
Красивые песни распеваючи,
По Коми (Зырянской) земле мы шли
Добро девичьи разговоры разговариваючи
Со своими равными девушками-товарищами,
Кормилец-поилец да и (родня)!

2. После угощения:

5 (2). Кормилец-поилец (родня).
Я еще раз да у тебя сидела
За бранною скатертью, [1])
За ведерным да самоваром,

---

[1]) Большая русская скатерть, накладываемая на стол по праздникам.

За четвертушкой водочки.
За березовым столом я сидела,
За осиновым да я сидела
Хлебным коробом (корзина, где хранится хлеб,
ложки и ножи после обеда).
На еловой да я сидела,
Точно пена, белой лавочке.
В половине (горница) я сидела на светлом окошечке,
Под высокими да я сидела
Образами.
Угощалась (гостила) я там, как старшая гостья.
Ржаной ломоть садилась поесть,
У груди.
Да стальным ножом резала.
Мягкий пирог садилась отведать,
Кончиком пальцев отламывала,
Съедобные сочные да
Под зубами не хрустели, — таяли.
Жирное мясо садилась поесть,
Стальным ножом разрезанное,
Жирную рыбу еще раз садилась поесть,
Пресной солью посоленную,
Похлебку еще я садилась поесть
Ложечкою, изготовленною русским молодцем.
Ржаное пиво да я пила,
Круто нахмеленное.
Овсяное пиво я еще пила,
Перцем насыпанное.
Пшеничное пиво я пила, —
Да медом наполненное.
Еще раз так ела — пила
У кормильца-поильца доброго (имя отчество),
Наготовленное да приготовленное.

Шестое причитание относится к лицу, побывавшему на фронтах, служившему в армии, товарищу-сверстнику по игре и беседе в деревне. Вообще это причитание общего характера. То же самое, с некоторыми пропусками о пребывании в солдатах, причитывается и остальным парням деревни.

После годов войны — империалистической и гражданской факт пребывания в армии уже не так глубоко волнует деревню, но во время свадьбы, все-таки, это причитание не пропускается, — и лица, побывавшие в армии, пользуются почетом больше, чем зеленая, подростающая молодежь.

6 (1). Кормилец-поилец (имя, отчество),
Да мой солнышко-братушко (брат),

Одногодка — друг!
В церкви ты яркая свечка,
Как надцерковный крест
В людях сверкаешь,
На широкой дороге (ср. вуз) —
Самый дорогой.
На весах ты, солнышко,
Тяжелее всех.
Длинную дорогу ты прошел, —
Та не суживалась (прекращалась).
По широкой дороге ты ходил, —
Она не суживалась.
Кормилец-поилец да братушко,
С крутыми ты ходил
Да командирами,
К грозным ты ходил
Великим послам,
Много ты тогда там и голодал,
Много трудного ты встретил,
В окопах и землянках лежал,
День за днем и час за часом
Смерти боялся.
Много горя горевал
В дни — без еды, ночи — без сна.
Лиственное сердце (лиственница—хвойное дерево,
растущее на севере).

Твое там растаяло.
Малиновая кровь твоя там угасла.
Беличий пух — твое тело —
Там у тебя почернело.
Под грозными пушками,
Да под крупными пулями
Много страха ты пережил.
Золоторунную душу,
Голову и душу, как под жребием таскал
И, все-таки, пришел,
Одногодка — друг!
Мы ведь с тобой гуляли
По Зырянской (Коми) земле,
Про меж собою беседовали
Парне - девичьи разговоры... (останавливают)
Спасибо же, спасибо,
Да за доброе слово,
Кормилец-поилец да
Милый одногодка — брат.

Дальше причитания посвящаются всем соседям, соседкам (парням, девицам, молодухам, старым и малым), каждому

в отдельности и в течение 3—5 минут. Содержание их однообразно. Привожу одно причитание для примера.

6 (2). Кормилец-поилец (имя, отчество),
Дорогой (я) сосед (ка),
Не забыл ты меня, — посетил,
Своим ласковым словом
Да прибодрил
Меня в тяжелую минутушку,
Мою бедную долюшку
Напоследок разделил... (останавливают)
Спасибо же, спасибо,
Да за доброе слово,
Кормилец-поилец да
Милый (имя отчество, или просто: „соседушка").

В седьмом причитании невеста оплакивает свою домашнюю жизнь, проведенную под крылышком матери и отца с добрыми братьями и сестрами. Причитает она одна рано утром (в 6—7 ч.) по проведении последней ночи в доме своей семьи. Это причитание называется „кызас" [1]).

7. Кормилец-поилец, да светлое солнышко-батюшка.
Да дорогая грудная матушка.
Еще раз да так я спала
Сладким, крепким сном,
Да девичьим крепким сном,
На своей волюшке,
Да со своей женственностью (ср. лача),
В длину я спала
Да на полу,
К ночи на постеленной —
На пуховой перине,
На подушке со ста перышками,
Под тысяче-шерстным из семи овечьих шкур одеялом, —
Сладким солнышком да грудной матушкой
Постеленной.
Уложила, да обласкала,
При первой песне петуха
Матушка по колено прикрывала,
При второй песне петуха
Да по грудь меня покрывала,
При третьей песне петуха
Да и голову мою прикрыла, —
Только тогда я сладким сном спала,

[1]) Кызас — причитание, т.-е. название причитания, которое происходит в последнюю ночь под утро.

Среди тысячных солнышек братьев — сестер.
На утреннем солнышке мне давали спать,
Пока солнце на грудь не попало.
Кормилец-поилец да святой петушок!
К неродимой матушке я приду — да,
Не смею тронуться с порога.
Мною, как кошкой, будут вертеть,
На меня, как на собаку, будут смотреть.
Ты ведь запоешь да
На стол полетишь,
Да и это место тебе не нравится.
Оттуда ты полетишь на перекладины,
Да и это место тебе, святой петушок, не нравится.
Тогда оттуда ты идешь
Да и полетишь к житнице,
Только там тебе понравится.
Как в своем гнездышке было
Твое зимование, —
От руки, от чужих глаз пищу ждешь, —
Такое мое будет новое житье.

Восьмое причитание связано с баней. С трех-четырех часов дня назначается особое лицо (обычно маленький брат племянник, племянница), которое и затапливает баню, подметает пол, греет воду и пр. Невеста перед входом в баню стоит за дверьми и три раза читает вслух: „Во имя отца, и сына, и святого духа". Банщик отвечает из бани три раза: „аминь". Банщик в этот день является как бы пажем невесты. Вечером дружка-шафер при раздаче подарков уделяет ему особое внимание, и дарит ему самый большой рыбник или жареную утку, телятину и бутылку водки или бурак пива.

8. В кормилицу-поилицу банюшку (баня)
С четырьмя девушками я пошла
По синим сукном покрытой дорожке.
Четыре лошадки, четверо мужчин, здесь работали,
Натаскали тебе (баня) и срубили,
Шелковым мохом наконопатили.
Из жемчужных каменьев горенка (печка) построена...
Кормилица-поилица банюшка,
Сладким солнышком — грудной матерью
Огонь, вода натасканы,
Добрым солнышком-батюшкой
Дрова наколоты...
Под вечерним солнцем, с великим благословением,
Меня послали париться.

(Как) сера-азь гум [1],
Мой рост вырастили,
Меня выхолили и вывели
Точно пшеничное тесто-солнышко...
Точно беличий пух—мое тело.
Землянично-светло-солнечная кровь
Моя распускалась, распускалась в банюшке.
Еще раз я, свободная, пришла сюда
Да по моей воле.

После бани невеста причитает, главным образом, своим родителям, братьям, сестрам, золовкам, племянникам, каждому в отдельности. Эти причитания по содержанию сводятся к первому.

Девятое причитание направлено по адресу дружки-шафера, который ведет жениха и гостей к невесте, и затем, после пиршества в доме невесты, уже только жениха и невесту—под венец. Дружкой в большинстве случаев бывает крестный отец жениха. За отсутствием крестного (смерть, заработки) дружку назначает по усмотрению сам жених.

Причитание начинается при появлении дружки около дверей вечером в 8 — 10 ч. Это причитание в шутливой форме больше всего интересует молодежь, побуждая ее на ряд новых шуток, колкостей и острот по адресу дружки и гостей.

Еще за версту, приближаясь к дому невесты, гости жениха дают знать о себе выстрелом. Около дома невесты выстрелы учащаются. Гостей останавливают у забора несколько раз особые местные группы и расспрашивают дружку, куда и зачем он идет, кто вождь, кто царь и т. д. Гости входят не через лестницу, а через сарай (пристройка к задней части дома вроде сеновала), напоминая этим посланников с востока. При закрытых дверях между шафером и лицом со стороны невесты происходит спор, объяснение, словесная схватка. Шаферу задается ряд вопросов, загадок, притч, большей частью, из ветхого завета, на которые он очень часто затрудняется ответить. Содержание спора вкратце таково.

Вопр.: Кто идет?
Отв.: Посланник великого князя, боярина (имя, отчество, фамилия, уезд, город, волость).

---

[1]) Сера-азь-гум – название растения из семейства зонтичных, стебель дикой моркови, растущей на севере, в особенности, возле стогов сена, поставленных на зиму.

Вопр.: Кто ваш царь?
Отв.: Его императорское (такой-то).
Вопр.: Где и как вы шли?
Отв.: По морю и по суше (по земле).
Вопр.: Как зовут первого человека?
Отв.: Адам-глава.
Вопр.: Как звать первую женщину?
Отв.: Ева-матушка.
Вопр.: Зачем вы пришли?
Отв.: За царевной (имя, отчество).
Вопр.: Ее нет, она живет на острове в замке.

Замок этот заперт наглухо. Ключ брошен
В море и его проглотила щука-рыба.
Поймай ее, распори брюхо со спины,
Сохрани ее голову, забери ключ и приходи
Сюда. Тогда ты увидишь царевну.

Отв.: Ехал я по морю, шел я по суху, плавал на парусах.

Длинной острогой поймал щуку-рыбу.
Нашел ключ, принес голову щуки-рыбы.
Господи благослови. Отворяйте!

Вопр.: Прочитай молитву.
Отв.: Богородица дева, радуйся!

Встречный ответ: Аминь. Дай ключ. (Дверь немного приотворяется и шафер дает деньги—10 коп.).

Встречный ответ: Не подходит, ключ мал. (Шафер дает 15 коп.).

С сарая отвечают:

— Не подходит, ключ мал.

— Перепутал я,—вот еще. (Шафер дает 20 копеек).

— Ключ немножко не подходит!

— Вот тебе последний ключ (Дает 50 коп.).

— Ключ мал!

— Врешь! Открой добром. Я дал тебе настоящий ключ.

Раздается выстрел и происходит небольшая свалка (в шутку). Дверь открывается силой.

— Господи благослови. Дайте дорогу к царевне.

— Дружка идет от великого князя-витязя!".

Дружка доходит до дверей и невеста начинает причитывать.

9. Кормилец-поилец,
Да и дружка, говорят, идет
С безобразной головой,—овинным затором,

С безобразной бородой,—соломенными стельками
От сапог.
С глазами, — точно оторванный сук дерева.
С носом,—точно зарубок на коромысле.
Дружка, говорят, идет
С рукой, — точно кривая горбуша (коса),
С ногами,—точно оглоблями сохи,
С килою (грыжа),—словно пивным горшком,
Меж ногами,—словно прелая редька висит.
Дружка, говорят, идет
Со своей собачьей ордой (стадом).
С севера — грозной тучей.
Он сватью приводит
С дрянным передником,
С испорченной (иссушенной) грудью.
Кормилец-поилец,
Да и дружка прибыл,
С виду словно русский боярин,
Глаза и рот—русские пряники,
С шелковыми волосами на голове...
Дружка, говорят, прибыл
С коленом (родом), — словно русскими боярами;
И привел он свою сватью
В шелковом платье на плечах,
Вместо косынки — алая патка (шелковый платок) на голове
В хорошо вышитом в жемчуге кокошником.
Шелковую ленточку подарил,
Двадцать копеек денег положил.

В десятом причитании невеста оплакивает свои волосы, косу. При этом она приходит в высший экстаз злобы, боли, жалости, нетерпения и особенно крепко ударяет себя по коленам. Это же причитание является финалом плача.

10. Кормилица-поилица,
Моя наплечная коса,
Русским молодцем изготовленным гребнем причесанная,
Желтым шелком-солнышком лоснящаяся,
Моя кормилица-поилица коса,
Моя надплечная краса;
Куда же она у меня распалась?
Весенним солнцем я ездила на рыболов, —
Может быть, она там у меня распалась?
Весенним солнцем ездила на плотах [1]),
Тогда, может быть, распалась?

---

[1]) Сплав бревен, где участвуют и женщины.

Летним солнцем я была
На заливном, на широком лугу,—
Не там ли она у меня распалась?
Кормилица-поилица коса...
Где же будут ее искать
Мои тысячные миленькие братья?
На двенадцатидневном солнечном базаре
Тридцать солнышек-лавочек прошли,—
Там, думали, быть может, найдут
Мою кормилицу-поилицу косу.
Откуда-то мой маленький братик нашел
И на блюдечке принес...
Кому же буду ее оставлять?
Маленьким девочкам оставлю, —
У них вши и блохи заедят.
Средним девочкам оставлю, —
Они в грязь затопчут.
Взрослым девушкам оставлю,—
Они и сами не возьмут,
Своей у них хватает,
Своих им некуда девать.
Старым бабушкам оставить—да, —
У них совсем она поседеет.
Пожилым женщинам оставить, —
У них мужья выдергают.
Молодухам ли оставить, —
У них и без нее двенадцать
Узлов завязано на голове.
Уж самой придется да также завязать
Мою кормилицу-поилицу косу.

В 11—12 ч. ночи, после благословения родителями иконой и хлебом (коврига) и после умиленного прощания, начинается пир за 5—6—12 столами в 2—4 комнатах. Гости—женихово колено — рассаживаются за передними столами. Жениха с невестой усаживают в переднем углу под образами. Дружка соединяет руки жениха и невесты и пьет первый стакан пива. Он же со сватьей раздает и подарки невесте, родителям, братьям, банщику, родным, девушкам, помогавшим невесте и, наконец, публике. Начинается пир. Девушки запевают свадебные песни. „Бояре“ помогают, подхватывают, запевают другие песни. Под конец начинается пляска—и на улице, и в сенях, и в комнате. Пляшут гости-бояре, гости невесты, девушки и охотники из публики. Пир продолжается до утра.

Днем в 11 — 12 часов жених и невеста идут к попу и записываются. Происходит венчание, куда собирается вся волость—посмотреть.

После венчания жених и невеста отправляются в дом родителей жениха и входят через сарай. В это время происходит встреча новобрачных и благословение их. Затем начинается угощение до следующего утра. Вечером молодых кладут спать с пением священных песен, а публике раздается несколько блюд каши, киселя, подается и пиво. Характерным является выкуп женихом постели сначала у крестного отца, а потом у его сыновей.

На другой день, под вечер, невеста раздает подарки родным жениха, поднося их на блюде и низко кланяясь. На третий день утром она печет пирог. Но к тому моменту уже большинство гостей разъезжается и на пироге присутствуют лишь самые близкие родственники: родители, братья, сестры и крестные жениха и невесты.

Таково, вкратце, содержание свадебных причитаний у зырян по реке Выми. Причитания и обряды в других районах, заселенных зырянами, несомненно, носят несколько иной характер [1]).

За годы войны, революции и гражданской войны многое в свадебных обрядах изменилось, упростилось, но корни их лежат еще глубоко в пожилом и отживающем поколении.

Кстати, уместно будет сказать несколько слов о приданом девушки-зырянки. Более зажиточные родители дают вместе с невестой одну корову, 2—3 овцы, 50—100 р. деньгами, пожню-расчистку в 3 — 5 телег; иногда еще прибавляется пахотное поле на 2—3 пуда ржи, и, в первую очередь, дают самотканного холста 60—300 аршин. (Холст идет на подарки родственникам жениха по кускам в 5—10 арш., смотря по близости родственной связи). За девушку из бедной семьи родители дают деньгами 30—40 руб. и, что безусловно считается необходимым, холста 60—90 арш. Редко бывает так, чтобы за девушку ничего не давали. Это бывает в тех случаях, когда жених из-за сильной привязанности

---

[1]) Свадебные обряды и причитания зырян частично записаны М. Михайловым, А. Цембером и Г. Лыткиным (См. Лыткин — Зыряне и зырянский край, СПБ, 1898).

к девушке действует на свой страх и риск, не считаясь с общими правилами волости. Родители его долгое время не прощают ему этого поступка. Девушка одиночка, сирота, при выходе замуж, непременно должна иметь определенную сумму денег (50—100 р.), без чего родители жениха долго не соглашаются.

Редкое явление, но факт, что в некоторых волостях на Печоре, отчасти на Удоре (верховья р.р. Вашни и Мезени) жених платит родителям невесты. По всей вероятности, у зырян некогда это имело даже широкое распространение.

В годы войны приданое невесты сводилось к одной корове, 60 — 80 арш. холста. Теперь же с улучшением экономического состояния деревни, приданое невесты приближается к довоенной норме. В селе Княжпогосте, Николай Андреевич Габов взял приданое — одну корову, 10 руб. денег, 120 арш. холста, 6 платков, сарафан, рубашку, платок и пояс для матери; рубашку и штаны для отца. Другой гражданин, выдавая замуж свою дочь, положил на приданое годовалого теленка, 100 арш. холста и подарки родителям жениха. В д. Куавицкой, Онежской волости, в приданое дали 5 овец и одну лодку. Вследствие слабого денежного оборота в Усть-вымском районе (июнь — июль мес. 1924 г.) приданое в денежной форме фигурирует очень редко и то в небольшом размере (10 — 15 руб.).

Ныне ставится вопрос об отмене приданого. Деревня заводит дискуссию на эту тему. Происходит спор между девушками и парнями. Родители, у которых много сыновей, не соглашаются на простую сделку. „Что нам из этой голой руки“, — говорят они. Наоборот, родители, имеющие много дочерей, настаивают на отмене. В Княжпогодской волости составлен „доклад“ и отправлен в Уездный Женотдел. — „Невыгодно нам. Вы получаете работницу да еще добро“ (т. е. приданое). — „А кто вам велит наплодить дочерей?“. Часто диалог доходит до ругани. Из-за этого бывают ссоры в семье.

Из старых обычаев сохранилось приглашение зятя в дом тестя на пирог. В пирог кладут лучинки, щепки, спички, нитки, тряпочки и пр. Зять должен съесть и этим показать свою выносливость и покорность к родителям невесты.

Второй обычай — пирог невесты в доме жениха на второй или третий день после свадьбы. Молодухе во время стряпни

все время стараются мешать, портить, сорить, припрятывать вещи. Это продолжается целую неделю для испытания ее характера и внимательности к работе.

Третий обычай: — ковригу с крестом, оставшуюся после благословения и венчания, трое суток оставляют под подушкой в постели новобрачных и эту ковригу должны съесть только молодожены.

Небезынтересны некоторые другие подробности свадьбы. При сватании дверь оставляют несколько открытой. Сват или сваха сидит в это время под переводным бревном потолка и под себя кладет платье. После соглашения сват и отец невесты берут друг друга за руку, один смотрит на запад, другой на восток, и затем кто-нибудь из семьи ударяет по рукам. Во время соглашения иногда спрашивают согласия со стороны невесты. Она отвечает: „Я не знаю". Если она произносит эти слова громко, то, значит, она не согласна выходить замуж; если произносит тихо — согласна.

Во время помолвки отец или старший в доме подносит по стакану пива. Невеста раздает подарки, — большей частью, платки. Жениху преподносится первый стакан пива и шелковый платок. После этого невеста садится около жениха и спрашивает у матери: — „Скоро ли меня уложат спать?" Мать отвечает: — „Еще не скоро". Ранее зырянка, по рассказам стариков, выходила замуж в 12 лет и часто в доме жениха перед тем, как ложиться спать, уходила на берег, свой кокошник засыпала песком и забавлялась по ребячьи. По возвращении домой она часто спрашивала: — „скоро ли ляжем спать". Еще: при помолвке подается первое блюдо— сметана. Жених три раза пробует это блюдо и потихоньку стукает ложкой по лбу невесты (кощкас — стуканье). Невеста после этого начинает свои причитания.

Г. Старцев.

Некоторые данные о браке и свадьбе у остяков.

Данные о браке и свадьбе остяков собраны мною летом 1925 года в Березовском, Обдорском районах и среди остяков, живущих по р. Вах, Александровского района, Томской губернии.

Не претендуя на полноту, сведения эти, тем не менее, превосходят по объему все другие материалы, собранные предшествовавшими исследователями. Упоминания о браке остяков имеются в книге Григория Новицкого (Краткое описание о народе остяцком, СПБ, 1815 г.), у С. Патканова, Егон фон-Кеперра, Альквиста и других. Однако, никто из этих лиц не указал родственных взаимоотношений и связей, а также границ, в каких происходило и происходит вступление в брак, — ограничиваясь лишь обычным описанием внешнего торжества свадьбы.

Брак у остяков имеет целью продолжение рода и приток новой рабочей силы. Женщины у них более хозяйственны, чем мужчины. На женщинах больше обязанностей: они должны поспевать наравне с мужчинами на рыболовство, готовить пищу, шить одежду и пр.

При браке имеет значение здоровье, главным образом, женщины. Часто бывают случаи, что если одна из невесток обращает на себя внимание семьи мужа своим здоровьем и физической выносливостью, то младший брат женится на ее сестре.

В пределах своего рода браки допускаются только в четвертом и дальнейших поколениях, но между членами различных родов заключаются свободно. Вахские остяки женятся на Тазовских, Обдорские на Березовских, Юганские на Кондинских или Вахских и наоборот.

Во всех случаях проводится агнатическое родство, т. е. родство по мужской — отцовской линии. Жениться могут: муж старшей дочери на свояченице, т. е. младшей сестре своей умершей жены. Отец с сыном могут жениться на род-

ных сестрах. Два брата тоже могут жениться на родных сестрах. Младший брат может жениться на жене старшего брата, но наоборот нельзя. Сын может жениться на мачехе, но при этом не становится отцом для остальных братьев и сестер. Единоутробные же брат и сестра, хотя они происходили бы от отцов, принадлежащих к двум разным родам, вступать в брак не могут. Вдова не имеет возможности вернуться в прежний род, но может вторично выйти замуж в род своего мужа. Однако, строгого левирата или „ужичества" среди остяков не существует. В. Бартенев [1]) указывает еще на то, что дядя может жениться на племяннице. Далее он же сообщает: „Один и тот же мужчина может жениться на двух родных сестрах и т. д. Одним словом, — пишет он, — обычай не признает только тех браков, которые совершались бы между членами одного и того же рода, хотя за давностью лет родственные отношения членов рода уже определены быть не могут". Последнее положение я, исходя из собственных наблюдений, оспариваю, так как браки, в пределах своего рода, допускаются у остяков в четвертом поколении, о чем упомянуто выше.

Свадьба. Сватовство и свадьба у остяков так же, как и у самоедов и вогулов, не сложны ни по форме, ни по содержанию. Нет у них даже тех церемоний и той пышности и блеска, какие можно наблюдать у соседей их — зырян.

Обычно жених-остяк покупает себе невесту. Плата (калым) по форме натуральная — олени, собаки, медная посуда (чайники, котелки и пр.). Размер платы зависит от состояния семьи жениха. Если отец последнего имеет 500—700 голов оленей, то при свадьбе родне невесты выделяет 15—20 оленей. Бедный жених (60 — 100 голов) выделяет не более 3 — 5 оленей. В более бедных оленями районах вместо оленей дают за невесту жеребенка, лодку или собак и медные вещи, или даже дорогие меха (2 — 3 песца или лисицу).

Невеста, в свою очередь, везет в дом жениха почти столько же добра и „в обиде" не остается ни та, ни другая сторона, — получается просто обмен оленями и вещами.

---

[1]) В. Бартенев. На крайнем Сев.-Западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПБ., 1896, стр. 96 — 97 — 98.

Начало свадьбы таково, что по выбору жениха назначается сват, который получает впоследствии вознаграждение и вместе с гостями пирует. Богатый жених платит свату до 5 оленей, бедный же награждает его котлом или одним оленем.

Сват, обычно, произносит в юрте родителей невесты речь на условном языке и в традиционной форме. Привожу речь свата Канева (село Мужи, Обдорского района), которую он произнес в 1922 г. в одной юрте перед свадьбой: „Мой сын был на охоте. Он видел красиворогого оленя, дикого оленя. Охотился долго и вернулся домой с пустыми руками и печальными глазами. Он послал меня: не поймаю ли его я. Я нашел след. След, хотя несколько раз прерывался, но по-моему привел, куда следует, след привел меня к вам. Я думаю, что я его найду у вас и мой сын обрадуется. Не на аркане (его) поведу, а на себе потащу. Чаем и сахаром буду поить". — „Вот она, вот эта вещь - ребенок (aj - ot)!" — указывает на невесту вся семья. Невеста старается укрыться, спрятаться. „Если сможешь, выгони на улицу и веди" — отвечает отец, в случае согласия семьи и невесты. Если согласие семьи не последует, отец и братья как бы сердито отвечают: „Как хочет ай-от (т. е. маленькая вещь). Если она уйдет, мы догоним и приведем домой. Идите дальше, ищите другого оленя". Если свадьба происходит летом, сват говорит иные слова. Мною, например, записана такого рода речь: „В сети моего сына попадалась дорогая большая рыба. Она из всей силы рванулась и уплыла. Я пошел по берегу и узнал от других людей, что вы ее поймали. Я ее хочу купить у вас за много оленей".

Когда согласие достигнуто, родители невесты получают от свата подарки — новые чайные чашки или чайник, или котелок, а невеста — серьги, бусы или платок.

В назначенный день сват с родителями прибывает на свадьбу. Родители жениха везут дополнительные подарки для всей семьи [1]).

Жених на свадьбе у невесты не присутствует. Из-за этого бывают курьезные случаи, что родители его берут

---

[1]) Передача оленей происходит в зависимости от сезона года. Если свадьба бывает летом — в это время олени пасутся в стороне от жилищ,— то передача оленей — по возвращении оленьего стада из тундры (под осень). Зимою же выделение оленей для передачи бывает сразу же после свадьбы.

ему в жены другую сестру невесты, которой жених не имел в виду.

Во время пиршества едят лучшие кушанья — сушки (крендель), русское масло, белый хлеб, оленье мясо (специально режут оленя) и пьют крепкий чай с сахаром. За неимением русского (коровьего) масла угощаются рыбьим жиром.

Плясать у невесты на свадьбе нельзя. Пение песен допускается. Особых свадебных песен у остяков нет, и каждый поет, что ему заблагорассудится или, по выражению остяков, — „что на глаза попадет".

Участие шамана не обязательно, но если он живет в соседней юрте, его приглашают в качестве гостя. Он, обычно, говорит по адресу невесты приятные слова в загадочных образах, как например: — „Я видел сон. Белый лебедь отстал от стаи птиц. Я видел другой сон. Будто, другой белый лебедь остался. Когда один летел, другой заметил и тогда полетел за ним. Они стали разговаривать: „Ты кто?" Другой отвечает: „Я помощник отца. А тебя как? — „Меня мама и сестры покинули". Они сели на озеро. Потом еще говорили и поженились".

Пир у невесты продолжается 2—3 дня. Менее богатые остяки пируют один день и даже один вечер. Столько же времени пируют у жениха.

После пира невеста надевает лучшие платья, меха в несколько рядов, оленьи пимы [1]) и малицу [2]) с узорами. Ее сажают на нарты в первую пару оленей. Сват или ее брат везет ее в жилище жениха. Родители и вообще родные невесты запрягают еще несколько пар оленей и следуют за ней. Подъезжая к жилищу жениха, они начинают кружиться вокруг него с запада на восток с криками: „Гей, гей, открывай!" и при этом кружатся быстро и с такой целью, чтобы свалить невесту с нарт. Предусмотрительная невеста еще около своего жилища старается сесть и завязать себя покрепче. Если невеста свалится — изменчивая будет; если удержится на нарте — верная, надежная жена. Если невесте приходится ехать на лодке (летом), то лодку стараются раскачивать. Боязливая и крикливая — изменчива; если она не

---

[1]) Пимы — оленьи сапоги.

[2]) Малица — одежда из оленьей шкуры.

проронит ни одного слова (и даже не будет смеяться), — положительная женщина.

Затем ее, со всеми коробами и мелкими вещами, ведут в приготовленный женихом полог (ситцевый балаганчик в юрте).

Жених, еще издали замечая процессию, старается спрятаться в ближайших кустах, в лесу или в соседней юрте. Его ищут и ведут затем к невесте в полог, осыпая его и невесту шутками и намеками. Трагично положение обоих, если они при встрече обнаружили подмен, т. е. если жених встретил не ту девушку, о которой думал и наоборот. Из полога тогда доносятся слова ругани: „Кто тебя привел?“ — „Где мне знать!“ и т. д. Поднимается шум, крики. Жених старается бежать, куда глаза глядят. Однако, его волокут в полог и заставляют примириться с невестой. Потом садятся пировать. Поются песни, начинаются кувырканья, пляска. Молодой чете несутся пожелания — хорошей любви, много детей и пр.

Наряду с этой формой брака, среди остяков распространен обычай умыканья (кражи) женщин. Браки с умыканьем преобладают. В большинстве случаев, брачующийся путем умыканья, жених сговаривается с девушкой. Но бывает и так, что остячка просто исчезает во время какой-либо работы. Это значит, что остяк, карауливший ее, может быть, двое-трое суток, подкрался и уволок ее [1]). Если семья девушки о происшедшем случае догадывается сразу, то братья или отец пускаются в погоню и стараются отнять ее. Даже едут в жилище похитителя и применяют силу, но тут в защиту жениха выступают его соседи и силой же оставляют девушку за ним. Через год-два между родителями с той и другой стороны происходит примирение. В таких случаях невеста не получает приданого и жених не платит за нее калыма

Положение женщины в семье и в роде.

До четырнадцати лет (период зрелости) женщина у остяков считается чистой; выше этого возраста—нечистой.

Ее положение после четырнадцати лет резко изменяется. Об этом моменте девушку предупреждает мать или бабушка.

---

[1]) В некоторых районах русское население, живущее рядом с остяками, переняло обычай умыканья. Так, например, Елисеев Гавриил (гражд. села Нижне-Вартово Александр. района, Томск. губ.) в 1922 году достал себе жену путем умыканья.

После такого возраста девушка не может переступать через сети (невод) и другие охотничьи-рыболовные снаряды; если она это сделает, то мужчина-владелец снарядов, через которые она перешагнула, считается нечистым. Он очищается в таком случае бобровой струей, имеющей, по мнению остяков, магическое свойство. Эта струя ценится остяками чрезвычайно дорого: за 0,1 грамма этой струи остяк может дать целое стадо (10—15 голов) оленей или 2—3 песца. Созревшей девушке не разрешается более резать и чистить некоторые породы рыб, — главным образом, щуку и налима, — иначе в нее вселится Куль (Kul) — бог рек и озер, раздует ей живот, и она должна неизбежно умереть. Если мужчин в доме нет, она для разрезания рыбы зовет мужчин из соседней юрты.

При наступлении менструации и в последующее время девушки и замужние женщины живут, как и при родах, в отдельном помещении, где они поправляются от „худой болезни". Остяки-мужчины к менструации относятся не лучше, чем к сифилису. От менструации нельзя заразиться, но пребывание в жилище женщины при родах или менструации может привести к плохим последствиям: смерть мужа, или одного из членов семьи и, вообще, возможна перемена к худшему в жизни семьи. Беременная женщина очищается бобровой струей. Ее платье считается поганым.

За несколько дней перед родами женщина должна особо каяться в своих поступках. Если женщина родит первый раз, то должна говорить о всех своих поступках с детства. Накануне вторых родов должна каяться с момента первых родов и т. д. Покаяние происходит перед женщинами, вызванными по ее желанию и пользующимися уважением в ее семье. Они выбираются таким образом, что одна должна быть со стороны мужа, а другая и третья — со стороны ее родных. Им она должна говорить все, что она совершила за тот или иной период времени: о лицах, с которыми она гуляла, изменяла ли мужу; должна указать лицо, с кем она сходилась, время и место, а также, кого бы она хотела полюбить; не украла ли, ругалась ли и проч. Основным вопросом все-таки остается половой, — ее взаимоотношение с мужем и его родными.

После родов женщина в течение „двулуния" кахтен-тылись-колас, т.-е. четырех недель,—закрывается платком и не может

удалиться далеко от жилища. Также нельзя ей заходить в соседние юрты.

Ребенка после рождения моют и кладут в зыбку. В виде подстилки кладут туда мох или размельченные гнилушки (гнилое дерево). Тогда же мать начинает кормить ребенка грудью.

Обычай закрывания. Обычай закрывания состоит в том, что женщина должна покрывать свое лицо и голову платком (или руками) от мужчины. Закрываться должны: жена старшего сына от свекра и от мужа золовки (сестры своего мужа); жена младшего сына от старшего деверя (брата своего мужа) и от мужа старшей золовки (сестры своего мужа); теща от своих зятей; старшая сестра от мужа своей младшей сестры; мачеха от мужа младшей падчерицы.

Обычай закрывания считается не только семейным, но и родовым. Женщина, нарушая этот обычай, навлекает на себя ряд укоров и ограничений вплоть до исключения из семьи и даже из рода. Больше того: нарушая этот обычай, она сама себя должна считать выбывшей из родственной среды. Близкие не уговаривают ее остаться в семье, а, наоборот, гонят, говоря: „Какая ты женщина, если не закрываешься“. Она не может также примкнуть к другому роду или семье, пока не раскается в своем поступке.

В понятие „закрывания“ вкладывается уважение к тому или другому лицу, занявшему по линии родства то или иное положение. Считается, что не закрывающая свое лицо женщина становится к мужчине в недоброжелательное отношение, питает к нему определенную неприязнь, от которой мужчине грозит смерть. В таких случаях мужчина бежит от этой женщины и ее семьи и не навещает их до тех пор пока семья не исключает ее из своей среды или сама женщина не попросит у обиженного прощения через одного из лиц своей семьи. Обиженный же, в случае непрощения должен откупиться от смерти принесением жертвы богам. При этом обязательно должен участвовать шаман.

Г. Старцев.

Телеутская свадьба [1]).

В настоящее время брак в 15—16 лет считается у телеут нормальным по возрасту. Неравных браков в смысле количества лет почти не бывает. И раньше их устраивали только богатые, имевшие возможность несколько раз платить калым. У богатых прежде нередко бывали случаи, когда в целях приобретения рабочих рук женили малолетнего мальчика на двадцатилетней девице. Впоследствии, когда муж достигал зрелого возраста, жена уже обычно старилась, и он женился на второй, молодой, оставляя первую жену жить при себе. Некоторые проделывали так до 3—4 раз.

Определенного свадебного периода у телеут нет. Всякий женится тогда, когда ему удобнее, когда он может уплатить калым и устроить свадьбу.

В смысле религиозных обрядов и различных церемоний брак остался прежним.

Брак бывает двух видов: 1) с согласия родителей и невесты и 2) уходом, который в настоящее время наиболее распространен.

Тот и другой брак по своим нормам друг от друга отличаются, что придется отметить ниже. Придется также упомянуть о браке вдовцов и вдов.

Теперь браков без согласия девицы не бывает, — все равно убежит. Раньше были и такие случаи, когда невесту связывали и отдавали, — убегать не смела.

Согласие родителей, если их нет, согласие старших родных, необходимо [2]). Хотя девица и убежит с женихом, но

---

[1]) Материал собран летом 1924 г. в Улусе Чарга Ойратской автономной области.

[2]) О браке с согласия родителей пришлось записать со слов нескольких старых женщин и мужчин; все записаное сразу же в присутствии телеут, умеющих мыслить по-русски, проверялось, исправлялось и переводилось под руководством А. В. Анохина, хорошо знающего язык и вообще Алтай.

согласия на другой же день во что бы то ни стало надо добиться, — иначе жить нельзя: вышедшая замуж умрет, или дети будут калеки.

На незнакомых не женятся и за незнакомого замуж не выходят. Молодежь встречается на рождественских и пасхальных праздниках. На Рождестве устраивается по вечерам нечто вроде наших бесед, где молодежь проводит время в играх (работой девушки не занимаются). На Пасхе устраиваются совместные игры — табыр, в которых принимают участие замужние и женатые. Игры сопровождаются соответственными песнями.

Если парню хвалят девушку, он найдет удобный случай познакомиться с нею, даже может поехать под каким-либо предлогом к ней, — гостеприимные и радушные телеуты каждому дадут приют.

Свадебные церемонии делятся на несколько моментов:

1. Куда — сватовство.
2. Jараштык — сговор.
3. Тоі — свадьба,

а) Паітал баш — варка головы.
б) Пälмäн — пельмени.

Сватать приходит брат или даже отец жениха, иногда близкий друг его. Приезжают или приходят обыкновенно утром или днем. Войдя в дом, сват обменивается с хозяином трубками. Бывает, что сват сразу не говорит, зачем он пришел. Нередко заводят разговор обиняками, такими словами:

Пылан кіік ажыӈын	Бабки зверя сохатого,
Пырхажып бірґä оінојылдор	Бросая друг в друга, поиграем!
Маka уландар баш јуунап	Все молодые собравшись,
Jірӈажып бірґä оінојылдор	Веселясь вместе, поиграем!
Äлік кіік ажыӈын	Бабки зверя-козла
Äкчäжіп бірґä оінојылдор	На руках катая вместе, поиграем!
Маka јакшылар баш јуунап	Все хорошие собравшись,
Ічіжіп бірґä оінојылдор	Пия вместе, поиграем!

Начинается угощение чаем и всем, что у хозяев имеется. Только после чая, а то и сразу по приходе, сват объявляет, зачем он пришел. Иногда отец невесты спрашивает его об этом, говоря: — „Нäґäрäк кеlді“ — что нужно?. Сват отве-

чает: „Кудалап кälдім“ — приехал сватать, наливает отцу чашку (чöічі) вина, подносит, говоря такие слова:

Торхоның јіindіі
Тостың kадылдыі
Тöрöгöн полорҕо кälдім
Тäрäң тäп kачарҕа äмäс
Куда кälдім
Таіҕыс тäп кіріргä äмäс
Куда кälдім
Äмдігіндäң ала äмäс
Артäгідäң ала туҕан болҕан

Мы приехали для того,
Чтобы сродниться, как слои
Бересты и как швы шелка.
Глубокую реку переезжая,
Приехали сватать;
Маленькую речку переезжая,
Приехали сватать.
И теперь и раньше
Были родней.

Отец невесты отвечает: „Туҕандарымдың јуунадып сураін“ — сначала соберу свою родню и спрошу.

Родственники всегда собираются; присутствие их необходимо; желанию отца они помешать не могут и обычно быстро соглашаются. Кроме родственников собираются посторонние, чтобы выпить вина.

Когда родственники собрались, отец им объявляет:

Ја туҕан тöрöгöндöр
Кызыма kуда кälді
Ажым ічäінбä тäп
Јöп сурап јадым

Ну, мои родственники,
Дочь приехали сватать!
Можно ли пить вино,
Прошу вашего совета?

Родня отвечает: „Сам знаешь, отец, если будешь пить (вино), то и мы согласны“.

Иногда проходит порядочно времени, пока отец даст согласие. Сват этим временем угощает вином родственников, которые раньше отца согласились, и всех присутствующих, каждый раз поднося и отцу; отец обычно отказывается. В таком случае сват несколько раз приносит арачку (3 раза) и всех угощает.

Как редкое исключение, бывает, что на брак дочери не соглашается мать и, следовательно, не берет чашки вина. Тогда сват уезжает домой. На другой день возвращается с вином, угощает мать и с нею вместе опять всех родных.

Наконец, отец принял первую чашку; но, прежде чем выпить, он передает ее родственнику, знающему молитвы; если умеет, сам читает их, побрызгивая вином из ложки.

Обращаясь к родовому Ульгеню, потом к другим Ульгеням, кропит с полчаса на южную стену дома: она самая почетная, — на юг уходят все духи. Затем, повернувшись, кропит туда, где висит люлька и читает молитву Маі - äнä, детскому

покровителю. Повернувшись к печке, обращаясь к От-äнä— матери-огню, кропит в чело печки. Дальше повертывается к двери и кропит позоҕо — злому духу; кропит, повернувшись к полке — алкы, äмäгäндäр'ам, кровным духам — предкам из женщин; кропит во все четыре угла. После каждого кропления произносит:

Бревнам дома,
Белому огню,
Восьми сторонам,
Четырем углам [1])!

Когда дело улажено, перед отъездом свата домой уговариваются о калыме. Средняя норма его в мирное время была следующая: 200 рублей денег, 2 лошади, пять ведер араки. Богатые же платили 300 рублей, 3 лошади, колотую кобылу и овцу.

При всяком запросе калыма сват обыкновенно отвечает: „Cläрдін аітkаноҕор jöп ползын", т. е. я согласен. Однако, окончательное согласие дает тогда, когда приезжают на яраштык, день которого тут же назначается; при этом также назначается день свадьбы (через 5—9 дней), и сват уезжает домой.

Когда девица идет замуж уходом, сватовство бывает несколько иначе [2]), почему об этом я здесь скажу отдельно.

Девицу обыкновенно увозят ночью, предварительно сговорившись. На следующее утро сват приезжает с вином в дом невесты. Родные невесты обычно долго не соглашаются. Сват возвращается с аракой три — четыре раза и поит всех присутствующих.

В наблюденном мною случае мать невесты сначала не принимала свата, гнала его из дому, обзывая оскорбительными словами, но он, несмотря на все это, угощал присутствующих и родню, давшую согласие раньше матери, при этом всегда подносил и матери, но она сердито отталкивала чашку.

Израсходовав 5 четвертей арачки, сват уехал, не получив согласия, чем был очень огорчен. „Без благословения никак

[1]) Тексты молитв приведу ниже.
[2]) Этот момент пришлось наблюдать лично.

жить невозможно, — говорит он, — приеду еще через неделю, привезу столько же арачки. Не согласится, — придется зарегистрироваться и жить так; дело в том, что не дадут ämägändär'ов, а без них никак невозможно. Ох, плохо будет!"

Если согласие родителей получено, дальнейшие свадебные церемонии совершаются по указанному плану. Если же не получено, будут жить так. Яраштык в последнем случае отпадает и тоі устраивает только жених, пригласив свою родню; родню же невесты не приглашает, хотя она и дала согласие.

После назначения дня привоза калыма, со стороны жениха начинается приготовление к свадьбе. В доме невесты этим временем почти никакой подготовки не происходит.

Если у жениха не хватает денег для уплаты калыма, он объезжает своих родственников, которые дарят ему деньги, кто сколько может. (Деньги дарятся жениху и в том случае, если он богатый и в помощи не нуждается). Если после дарения еще не хватает, то он берет у тех же родственников взаимообразно.

В установленный день привозится калым. Лошади, коровы, приведенные для этой цели, оставляются на дворе. Колотый же баран, арачка, хлеб вносится в избу и кладется на полу перед столом, за которым сидят старшие, наиболее почитаемые родственники невесты (отец и мать сидят где-либо в стороне: за столом они сидят только в том случае, если старших родных совсем нет). Гости жениха стоят у порога. К столу подходит сват, в 2—3 трубки кладет табак и подает сидящим; остальные из сидящих сами берут табак. Затем начинается соглашение. Деньги сват отдает не все, а по частям, стараясь оставить некоторую часть в пользу жениха (бывает, что это удается; иногда возвращают даже лошадь).

Когда сговор окончен, знающий молитвы берет в руки чашку с вином и кропит [1]), т.-е. совершает чачылӈы. Предварительно он говорит:

Чыӈар аідыӈ чоӈуно	При восходе света месяца,
Туар аідыӈ jарkынына	При восходе света солнца,

[1]) После каждого кропления вино добавляется.

Прежде кропили верховным Ульгеням, а потом и другим (пенатам дома).

Jакшылыка ӱlгäрlікä	По доброму разговору,
Ісäндікä тамандыка	По здоровому хождению
Ілгäк — чалҕак кӧдäрі ползын	Ссоры вражды пусть не будет.

Затем читает молитву Ульгеню, родовому богу невесты и при этом кропит на южную сторону. Текст молитвы следующий:

Аідын арунда	При свете месяца,
Кӱнӱң кӱркӱндä	При свете солнца,
Адар таңын атканда	При восходе зари,
Ару кӱнӱн чыкканда	На восходе чистого солнца,
Сäрläп таңын адарда	При первых лучах зари,
Сілкін кӱнӱп чыҕарда	При колебании первых лучей солнца
Ак чачылҕы темдäп jадым	Белое (чистое) кропление брызгаю.

Затем, повернувшись, кропит на то место, где висит детская люлька. Во время кропления читается молитва Маі-äнä — детской покровительнице:

Кыс ару Маі-äнä	Чистая дева, Маі äнä!
Одус кыстың ортозында	Среди тридцати дев
Ус ару Маі-äнä	С чистыми устами, Маі-äнä,
Ак Ӱlгäнäң тӱжäрдä	Спустившаяся от белого Ульгеня,
Аі солоңы тартынып тӱшкäн	Спустившаяся на радуге подобной месяцу.
Кӧк Ӱlгäнäң тӱжäрдä	Спустившаяся от синего Ульгеня,
Кӱн солоңы тортынып тӱшкäн	Спустившаяся на радуге подобной солнцу.
Ак боканҕа сӧöніп тӱшкäн	Спустившаяся, опираясь на жертвенную развилину,
Алтын кастак тудуп тӱшкäн	Спустившаяся, держа золотой лук.
Тарак башту Маі-äнäм	Имеющая гребневидную голову, Маі-äнä.
Корбочызын коркуспа	Не пугай ростки (детей);
Тар кojыныңа суҕунуп турзун	В узкую пазуху положи,
Тапчы äдäгäңä тӱнӱп тур	В узкую пазаху зажми,
Оң колтуҕунҕа суҕунуп тур	Под правую подмышку положи,
Оң ämчäгін äміс тур	Правою грудью питай,
Кӧзі jаманҕа кӧргӱспäі	Дурному глазу не показывай,
Кӱні jаманҕа тандатпаі тур	От злого желения отгоняй;
Аіна käläр jаныңа	Если придет злой дух,
Алтын кастаҕың тудупуп тур	Со стороны держи золотой лук;
Jäктің käläр jаныңа	Что придет от злого духа...
Jаба оҕуң курҕуп тур	Стрелу и пулю заряжай,
Jакты kälää пастырба	Пришедшего злого духа не допускай;
Jäлді болзо кактырба	Зловредный ветер не допускай;

Jаманды jajiладып тур	Все дурное развевай;
Jакшы паштап тур	Всем добрым руководи;
Арбалап кылҕалап тур	Охраняй всходы ячменя:
Арышчылап тазылдап тур	Корни вереска укрепляй!

Повернувшись к печке, алкычы, читает молитву От-ӓнӓ (огонь). Он просит у огня для жениха и невесты благословения на благополучие и разрешения на новый брак.

Аiдың болзо арундо	При свете луны,
Күнүң болзо күркүүндӓ	При свете солнца,
Адil күк ӓдӓрдӓ	При звонком голосе кукушки,
Амil аҕам пүр алҕанда	Когда покрывается лес листьями;
Сӓрlӓп таңым адардо	При первом дрожании зари,
Сiлкiнiп күн чыҕарда	При первом колебании солнца...
Одус башту От-ӓнӓ	Тридцатиголовая мать-огонь,
Оiҕон камыш кулакту	С ушами из пористого камыша;
Кырык башту кыс-ӓнӓ	Сорокоголовая мать-девица,
Jӓтті түшкүн түшкүндү	По семи спускам спускающаяся,
Jӓтті jaiкам jaiкамду	На семи зыбунах качающаяся,
Jaiкым бажы каскакту	Преклоняю голову, восхваляемая;
Jӓтті түшкүн түшкүндү	По семи спускам спускающаяся,
Түшкүн бажы алкышту	Опускаю голову, прославляемая,
Үч очоктың Үрүм кан	Урюм-царь трех очагов.
Көгөрүп көкө түшкӧн кан	Синеющая синева, спустившийся царь,
Үзүlбiскӓ түшкӧн кан	Непрерывающийся для нас, спустившийся царь;
Jажыл торко кiмдү	В одежде из зеленого шелка,
Jажыл jалын кубатту	Радостное зеленое пламя;
Кызыл торко кiмдү	В одежде из красного шелка,
Кызыл jалын кубатту	Радостное красное пламя;
Ада болуп чакkан	Будучи отцом высекаемый,
Ӓнӓ болуп камыскан	Будучи матерью зажигаемый,
Одус пашту От-ӓнӓ	Тридцатиголовая мать-огонь,
Оiҕан камыш кулакту	С ушами из пористого камыша.
Ак чӓкӓкті jajылып	Белым цветам расцветать,
Ак үрүзi төгүlгӓн	Белый навар разлившая.
Көк чӓчӓгi jaiлҕан	Способствовавшая синим цветам расцветать,
Көк үрүзi төгүlгӓн	Синий навар разлившая.
Одус пашту От-ӓнӓ	Тридцатиголовая мать-огонь,
Jӓтті түшкӓн түшкүндү	По семи спускам спускающаяся,
Сүргүlдүнi jӓтті ajacka jajылҕан	Освещающая светом семи ясностей.
Одус пашту От-ӓнӓ	Тридцатиголовая мать-огонь,
От ордында оiнду	Огонь, играющий в ямке.
Ажыра бiлгӓн оiмок ару каiракан!	Чистый оймок (наперсток) всезнающий, уважаемый,

Тонды болзо ӓргіскӓн	Все мерзлое тающий,
Чііді болзо пыжырӈан	Все сырое варящий,
Ажыра бiiгӓн, оiмок ару каiракан	Чистый оймок (наперсток) всезнающий, уважаемый.

Повернувшись к порогу, читают молитву позоӈо — дверному духу (этот дух — злой, его надо задабривать).

Ӓр ӓжыктiӈ сакчызы	Хранитель мужественных дверей,
Ӓр бojiбыстын курчуӈубыс	Ты — самый обруч наш!
Jӓр пӳдӳрдӓ пӳткӓн кан	Когда творилась земля, творился и ты, царь.
Jӓс кобордо копкон кан	Когда выплавлялась медь, выплавился (появился) и ты, царь.
Улу кӧрӳк позылӈан	Великий мех раздувавший,
Улу сопот соӈылӈан	Великий завод двигаемый,
Су молоток соӈылӈан	Водяной молоток двигавший;
Jӓттӓн ajy тӓрӓзi	70-ти медвежьих шкур не хватало тебе
Jӓӈ уштука jӓтпӓiтӓк	На обшивку рукава;
Алтон ajy тӓрӓзi	60-ти медвежьих шкур не хватило до
Ajak учка капаiттаӈ	Ступни ног.
Ӳlгӓн бiiӓ ӳзӳlӳ	Неразрывный с Ульгенем,
Jус была jарӈылу	Творящий суд со всеми другими духами,
Ӳlгӓн ӓжiк кар-адам адам кӳртӳ	Ты — дверь к Ульгеню, старый Адам
Ai коросы jорукту	Сын ездящий ночью на ущербе месяца;
Ajy башмак ӧдӳктӳ	Имеющий башмаки из медвежьей шкуры;
Тӳн каразы jорукту	В темную ночь ездящий;
Тӳктӳ башмак ӧдӳктӳ	Башмаки имеющий с шерстью.
Ӳч ӓжiктӳ кара кош	Трехдверный кара-кош,
Ӓнӓзiнӓ jai бӓрбӓс	Не подчиняющийся матери,
Адазына jai бӓрбӓс	Не подчиняющийся отцу,
Адам кӳчтӳ	Мой отец сильнейший!

Повернувшись к полке — алкыш, кропит кровным духам, т. е. кровным предкам из женщин, так называемым ӓмӓгӓндӓр'ам — старухам [1]).

Чӧк каiракан	Уважаемые!
Төргӧ болзо jӧрӧгӧн	В переднем углу сидящие,

[1]) Духи покровительницы замужних женщин, чаще всего изображающие умерших женщин данного сёока. Два раза в год ӓмӓгӓндӓр кормят соломатом с маслом. Лет через 10-ть приносят в жертву белую овечку. По случаю болезни, чаще всего глаз, ӓмӓгӓндӓр кормят вне очереди. Во время свадьбы кропят вином.

Тӧш алыжа аттурҕан	Тесно грудь с грудью сидящие,
Ушту јӓрдӓң учалҕан	Из Уштинской земли прилетевшие,
Ӓнчі полуб ӓчіп кӓlгӓн	С приданым пришедшие;
Јӓlӓдӓгі колуңдыі јӓргӓlӓшкӓн тігіттыі	Сообщившись вместе, приехали на привязанных жеребятах.
Тӧжӧгӓргӓ јінді тартынҕаң	С подвешенными бусами на груди,
Тӧбӧгӧргӧ ӱlбрӓк каданҕан	С воткнутыми (головными уборами) в темя перьями,
Канҕа чапкан чыраілу	С красными красивыми лицами,
Каҕастыі піттӱ	С видом, как белая бумага,
Тајы канаң тараҕан	От царя Тајы расплодившиеся,
Тајы торко тон кіігӓн	Одевшие шубы из шелка Тајы,
Таі тӧ ат мінгӓн	Ездящие на верблюдах Тајы;
Коңудаідаң косколҕон	Отделившиеся от конгудая,
Кол бажында оіноҕон	Играющие на руках (пестование детей),
Ӓнчі полуб ӓжіп кӓlгӓн	С приданым (имуществом) пришедшие,
Ӓн ӓдӓкті кӓlгӓн	Пришедшие с имуществом,
Ату Карымның тӧрінӓ јӱнӓгӓн	В переднем углу, по имени карым, сидящие.
Алкзызыңа азылҕам	На почетном брусе,—чествую (вас).
Јулап болзо јаілыптур	Не думайте, не сердитесь, сидите.
Сӱттӓі болзо сӱзӱlӱп тур	Как чистое молоко, пусть будут...
Аланчыктың сактап тур	Жилище наше охраняйте.
Ак јалында курчап тур	На чистой поляне скрепляйте (опоясывайте);
Кырчаіжа кӱрӱжпӓгӓр	Не глядите злобно друг на друга,
Кыңраіжа саношпаҕор	Между собой не ругайтесь;
Тіlі болзо пір болзын	Пусть будет у вас один язык (дружно живите).
Тібір тігӓр тың болзын	Крепки будьте в защите;
Корбочокту корҕуспаҕор	Новых побегов (детей) не пугайте.
Јалынҕаңым уҕуб туруҕар	Будьте внимательны к моей просьбе,
Јалбанҕаның сӧзін туруҕор	Будьте внимательны к моей мольбе!

Кропят во все четыре угла:

Аланчыҕым ак јалҕым	Бревнам дома, белому огню,
Сӓгіс кыјын тӧрт	Восьми сторонам,
Толуҕум	Четырем углам.

После кропления, привезенное мясо и все другое кладется в тарелках на стол. Родня жениха угощает родню невесты.

На почетное место (на лавку посреди стола) садится самая почетная и старшая гостья (если таковой нет, то —

мать невесты). От нее налево садятся по старшинству другие женщины. Направо от женщин садятся мужчины, причем рядом с почетной женщиной сидит почетный мужчина и так далее.

Ту чашку с аракой или вином, из которой кропили, жених доливает и подает почетной сватье; та выпив, тут же одевает на него рубаху, шелковую или другую. Ей же подают мясо (грудину); она отрезает ножем, закусывает. Вторая чашка вина подается почетному мужчине; ему же в это время ставится мясо; он пьет, также режет мясо и закусывает. Затем вино и мясо подается следующему лицу и т. д.

Этим яраштык заканчивается.

Все привезенное женихом убирается; гости невесты удаляются из-за стола. Их место занимает родня жениха. На почетное место садится жених; налево от него — женщины, направо — мужчины, — опять же все по старшинству. Угощает их родня невесты своей аракой и всем, что приготовлено, преимущественно различным печеньем, чаем и пр.

Угостившись у невесты, родня жениха ходит в гости из дома в дом к родне невесты. Это — первое знакомство.

К вечеру жених и гости его уходят домой, а если далеко — ночуют. Перед уходом приглашают родню невесты к себе в гости. Тут же уговариваются о дне тоі — свадьбы.

Описанный яраштык относится к тому случаю, когда невеста убежала. Если невеста убежала, то благословляют молодых на новую жизнь в доме жениха, когда вернутся с яраштыка. Жених и невеста тогда начинают угощать севших за стол гостей. Первую чашку вина подает жених почитаемой родственнице, а невеста — уважаемому гостю, причем оба кланяются в ноги им. Старшие долго чванятся, отвлекаются разговорами, наконец, читают молитву благословения. По окончании ее, они левой рукой поднимают за голову жениха с невестою и выпивают вино.

Поется почетному гостю:

Ак палык маін сызып дäп	Пусть белой рыбы жир капает
Ак табак салдым алдына	В поставленную белую тарелку.
Аккоі балазның алдына	Перед старшим из детей
Ак чарка тутым ічсін дäп	Держу белую чарку, пей!
Кök палык маін сызып дäп	Пусть синей рыбы жир капает

Көк табақ салдым алдына — В поставленную синюю тарелку.
Көкшін балазның, алдына — Перед старшим из детей,
Көк чарка тутым ічсін дәп — Синюю чарку держу, пей [1])!

Когда же девица идет добровольно и с согласия родителей, есть некоторые нижеследующие особенности. Когда родня невесты сидит за столом, жених с невестою подносят вино: жених — старшей родственнице, невеста — старшему родственнику. Родственница снимает в этот момент с жениха шапку, подает ему в руку или кладет куда-либо и одевает на него шелковую или другого материала рубаху. Жених и невеста кланяются в ноги старшим родственникам (если таковых нет, то родителям). Те, держа в руках чашку с вином, произносят хвалебную песню благословения — Алкыш сөс:

Төң јәргә ўін сал — На высоком месте ставь дом.
Төбө јәргә малын кўт — Пусть за передними полами твоими ходят ребятишки.

Алдыңғы кәдәгін бала басын — На высоком месте имей скот.
Кіінгі әдәгін мал пассын — Пусть за задними полами твоими ходит скот [2]).

Есть для этого случая более подробная песня:

Кан кудаідың көзі тіін — Пусть смотрят на тебя глаза бога,
Карының алкыжы јәдіп — Пусть дойдет до тебя благословение старших.

Јаба конып јаја јуртап — Вместе ночуй, широко (долго) живи.
Узак јашту полуб — Пусть годы твои длинны будут.
Алдыңға әдәгін пала базып — Впереди твоих пол пусть ходят дети.
Төн әргә сўн салып — Позади пол пусть скот ходит.
Төбө јәргә малының кўт — На высоком месте поставь дом,
Талчылап пырчыктоп — На горном месте пусть пасется твой скот.

Ітчылап кўчўктәп — Размножайся, как ива, плодись, как собака.

Кускундыі бажың јажаіңанча — Вороненая голова твоя, пусть побелеет,

Кудыі тіжің сарғаланча — Белые зубы, как лебедь, пусть пожелтеют.

Мәнің алкаған јәтпәзә — Если мое благословление не достигнет тебя,

Өрө кудаі алказын — Пусть тебя благословит бог [3])!

---

[1]) Записано Константином Вертковым в Улусе Черге 15 июля 1924 года.
[2]) Записано со слов.
[3]) Записано со слов 67-летнего старика, Семира.

Получив благословение от старших невесты во время яраштыка, жених сам покрывает невесту шалью, завязывая ее назад концами, которые огибает около головы. Затем берет невесту за руку и уводит на улицу. Вслед им поют песни. Сначала родные жениха:

Кызыл јардың кырлыңы	Стриж красного яра,
Кызыл јар боілоі талбып уч	Летай по верхнему краю красного яра!
Кысты пäріп јаткан	Старшие, отдающие девицу замуж,
Карылар кысканбаі алкыш пäрігäр	Не сокрушаясь дайте благословение!
Јажыл јардың кырлыңы јажыл	Стриж зеленого яра,
Јар поілоп талбып уч	Летай по верхнему краю зеленого яра!
Јаш ардаңарды пäріп јажыба	Выдающие молодую из своей среды
Алкышты пäрігäр.	На всю жизнь, дайте благословение!

Вслед за родней жениха поет родня невесты [1]):

Аіңа тіккäн көжögöм	Вышитая при месяце моя занавесь
Алтындыі пўрў јајалдың	Пусть украсится золотыми листьями;
Алкап пірäн ärдäм тўшкäн	Пусть будет счастье над жилищем
Јуртуна кут ползын	Благословенной нами девицы!
Кўнга тіккäн көжögöм	При свете солнца вышитая мною занавесь
Кўмўшті пўрі јајалзын	Пусть покроется серебряными листьями;
Көрўп бäрäн балам	Пусть будет счастье над жилищем,
Тўшкäн јуртуна кут ползын	С осторожностью выданной мною девицы:
Јардын пажына отуруп	Сидя на яру,
Јастык кураңан кызыбыс	Наша дочь вышила подушку.
Јастыңына пакатын кўјў	Любуясь подушкой, зять присватался
Тўшкäн јурт јакшы	Из хорошего рода.
Кырдың пажына отуруп кыімаш	Сидя на горочке, наша дочь вышила пояс.
Кураңан кызыбыс	Позарившись на пояс, присватался зять
Кыімажына пакатын	Из хорошего рода.
Пурма, пурма тämірді пура	Повертывай, повертывай железо,
Пура сокkон ус јакшы	Завивший (железо) хороший кузнец (мастер).
Пууры башка јурту	Живущая у сердца других (буквально у печени),
Öскö тартkан кыс јакшы	Другими взятая девица хороша.

[1]) Эту песню поют по приезде к ограде жениха.

Јалбак, јалбак тӓмірді	Плоское, плоское железо,
Јаја соkkон ус јакшы	Разбивает кузнец хороший.
Јады башkа кіжінӓ	У других живущая
Кыс јакшы	Девица хороша!
* * *	* * *
Кастың палазың азырап	Воспитавши гусенка,
Коҕанду кӧlгӧ учурдың	Пустил летать на озеро с камышем.
Јаш ардамды азырап	Воспитавши молодое дитя,
Јакшы јуртkа тӱжӱрдім	Отдаю в хорошую семью.
Куудың палазын азырап	Воспитавши лебеденка,
Кумакту кӧlгӧ учурдым	Пускаю летать в песчаное озеро.
Кучу ардамды азырап	Воспитавши малое дитя,
Кубатту јуртkа тӱжӱрдім	Отдаю в веселую семью.

В сопровождении этих песен жених уезжает вместе с невестой к себе; с ними едут некоторые родственники; большинство же родственников остается и угощается у невесты, ходит в гости к родне невесты, а потом уезжает домой.

После первой ночи до свадьбы невесте заплетают от корня волос косы, к концу соединяют их в одну, причем косы не закидывают назад, а спускают спереди за воротник платья.

Свадьба назначается с согласия родни невесты и жениха чаще всего во время соглашения; иногда же старшие из родни жениха ездят сговориваться о свадьбе в дом невесты и в этом случае везут с собою вино.

После окончательного сговора о свадьбе, как с той, так и с другой стороны, оповещаются родственники.

Свадьба начинается в доме невесты рано утром. От жениха присылается баітал [1]), овца или лошадь. Сам жених тоже приезжает, а невеста остается в доме жениха.

Перед угощением жених совершает религиозный обряд, прося у огня благословения и разрешения на брак. Около шестка перед огнем он держит чашку с маслом. Один из родни невесты, знающий читать молитвы, произносит молитву От-ӓнӓ, побрызгивая в огонь маслом с ложки.

Угощение происходит на улице в особой, имеющей форму круга, загородке из плах, называющейся по телеутски кӱрӓ [2]),

[1]) Жертвенное животное.

[2]) У монголов кӱрӓ — место, где совершается богослужение. У телеут же круглая форма кӱрӓ напоминает основание юрты, прежнего жилища их.

окружность которой зависит от количества гостей (бывает около 40 саж. или больше). В средине кӱрӓ имеется очаг, т. е. место, где варилось мясо и суп. За очагом, против входа, садится главный сват. Направо от входа располагаются женщины, налево — мужчины по старшинству (все гости, следовательно, помещаются в кӱрӓ); остальная же публика размещается снаружи. Родня невесты, став на левое колено, угощает вином (в настоящее время — арачкой). Вместе с тем гостям подается угощение (главным образом, мясо и суп), расставленное на траве в деревянной посуде или на бересте. К 9 часам утра угощение заканчивается.

После кӱрӓ жених со своей родней уезжает домой, чтобы скорей приготовиться к приему гостей.

Родня невесты остается дома и приготовляет приданое [1]).

Приданое довоенное:

Рубах 10 — 15,
Лопотов 5 — 6,
Шуб 3 — 4,
Сапог 1 — 2 пары,
Чарыков 2 — 3 пары,
Потников 3 (богатые 6),
Полотенец 10 — 15,
Серег 2 — 3 пары,
Колец несколько,
Занавес к кровати,
Скатертей несколько,
Казан,
Чугун,
Сковорода (у богатых самовар),
Чашка для чая,
Чашка для еды,
Тарелка,
Ложек 10,
Колбан,
Коса,
Серп,
Прялка,
Нитки,
Иголки,
Наперсток.

Приданое теперь:

Рубах 3,
Лопот 1,
Шуба 1,
Шапка (не у всех, только у тех, кому перешла от старших, вновь не приобретается),
Сапог 1 пара,
Обуток 1 — 2 пары,
Чарыги,
Платков 2 — 3,
Чулок 2 — 3 пары,
Поясов 2 — 3 пары,
Потник
Полотенец 2 — 3,
Серьги
Занавеску к кровати (делают из холста).
Казан (привозят не все, у кого имеется лишний)

Чугун (не всегда — очень редко),
Ложка,
Деревянная чашка.

---

[1]) Приданое настоящего времени, сравнительно с довоенным, ничтожно. То и другое я перечисляю отдельно.

Открываются сундуки, все складывается в них. В этот момент старшие родственники сидят за столом и поют песни.

Приданое выносят на улицу, с пением песен складывают на телеги, после чего уезжающие с приданым просят благословения у старших; последние поют:

Ана Чарҕының сулары	В Черге реке вода вышла из берегов.
Ак капкаҕтаң ажынзын	Наших старших благословение,
Пістїң ак kailjap алкыжы	Как чистый навар разойдись (расплывись).
Ак ўрўс полуб jaiлзын	
Кўнä чарҕының сулары	В этой же Черге воды пусть выйдут из берегов.
Kӧгii капкатаң ажынзын	

Затем поезд быстро уезжает в дом жениха.

Вместе с приданым везут также ämäгäндäр, которые шьются самой старшей родственницей дома; в крайнем же случае, их доставляют перед рождением первого ребенка, так как без ämäгäндäр во время первых родов, по мнению телеут, женщина может сама умереть, или ребенок родится слепым.

Нужно отметить, не везде возможно ехать на телеге, почему в большинстве случаев ездят в седлах; во время езды все время поют.

Если горное место, то на горе, если степное — в степи, весь поезд останавливается и делает кропление горному или степному духу; при этом на березку или тальник вешают ленточки (если место безлесное, березку везут с собою) и произносят следующую молитву Ыjык (районный дух):

Äдälў сіindў äкі пошту	Старшая, младшая — две сестры,
Корум болҕон äдäктў	С полами из каменных россыпей,
Корҕолjын болҕон моінду	С свинцовой шеей,
Баі аҕажын чäрў болҕон	С богатыми деревьями, как войско,
Алтын тажып kyjak болҕон	С броней из золотых камней,
Тажын сäнің jастыктыі	Подушка у тебя из камней,
Табалҕы сäң таjaктыі	Посох у тебя из товоложки.

* * *

Кўн тўштўгі jанда	На подсолнечной стороне (стоящая)
Кўмўш шібääм kaiраkан	Серебряная моя Шібää (гора) досточтимая!
Аі тўшттўгў jанда	На подлунной стороне стоящая,
Алтын шібääм kaiраkан	Золотая моя Шібää, досточтимая!
Адäгінä äl jатkан	У подошвы твоей живет народ,
Jaказына мал турҕан	По краям твоим стоит скот.

Ак малыма одор бäр
Албатыбіскä піjан бäр
Тосма болҕон сыныҥ
Тарак болҕон jіжöн
Оҥ көзінä көрўп көр
Оҥ алкыжым пäріп тур

Белому скоту пищу дай,
Нам (народу) милости дай!
По ровному хребту,
Как гребень лес.
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

* * *

Кäндіктіҥ бажы Көк Чаҥкыр

Ак таштыҥ бажы ак сўрі
Ўlбўрäктў ўч сўрі
Ўч кіндіктў баі Алтаі
Кўҥ тўштўгі jанда кўмўш Чаҥкыр

У Кандыка (имя ыjыка) вершина синий Чаҥкыр,
Вершина белых камней, белая сопка,
Три сопки с украшениями,
С тремя пуповинами богатый Алтай.
Серебряный Чанкыр на подсолнечной стороне.

* * *

Аі падыжы jанда
Алтын Чаккыр
Тасма болҕон сыҥыҥ
Баі аҕаты чäрў болҕон
Алтын тажын куjак
Алтын торыҕар тартып
Алты ороло курчап туруҕар

На стороне заката месяца
Золотой Чаккыр (название горы);
По ровному хребту
Богатый лес, как войско;
Кольчуга из золотых камней;
Обнесите кругом золотом,
Обвивши шесть раз, — скрепите!

При перевозке приданого с песнями выезжают из дому невесты, поют всю дорогу, с песнями подъезжают к дому жениха. Иногда ехать приходится очень далеко, свадебных песен не хватает, в таком случае поют песни обыкновенные, только в известном порядке.

Завидя гостей, родня жениха с вином выезжает навстречу и тут же угощает их, а потом стремглав мчится обратно. Родня невесты подъезжает более спокойно.

Все привезенное имущество кладут на полу. Прежде чем разместить его, родня жениха должна дать выкуп за него, т.-е. угостить вином; причем каждую вещь выкупают у отдельного лица; в конце концов, все сводится к тому, что выкуп нужно дать почти каждому приехавшему.

Постепенно разместив вещи, гостей приглашают за стол. Почетное место занимает уважаемая или одна из старших родственниц; налево от нее усаживаются по старшинству женщины, направо—мужчины. Угощают чаем и всевозможным печеньем.

После чая приготовляется кўрä.

В это же время знающий молитвы старик становится у сомов [1]), а другой из старших, тоже знающий молитвы — Алкышчы, становится у печки. Над невестой же две женщины — одна со стороны жениха, другая со стороны ее — снова совершают религиозный обряд заплетания кос. До настоящего времени косы у нее были спрятаны впереди за воротник рубахи; теперь заплетают две косы и закидывают их назад. Во время обряда волосы три раза смазывают бедреной костью с имеющимся на ней жиром и читают трижды молитву:

Туҕан аідың јаркыныба	При нарождении света месяца,
Чыҕар кӱнӱн чоҕуна	При восходе солнечного света
Ilгäк чалҕан кäдäрі полуп	Ссоры вражды пусть не будет!
Јаја конуп јаба јуртап	Широко и тесно живите.
Конҕон јäрін так болуп	Там, где живете, пусть будет место вытоптанным,
Козулу коідоң кöп полуп	Пусть будет много скота!
Алдынҕы äдäгäнді бала пазып	Пусть за передними полами твоими ходят дети,
Кіінгі äдагäнді мал пазып	Пусть за задними полами твоими ходит скот.
Кан кудаідың кöзі тіп	Пусть тебя благословит бог (пусть на тебя воззрят глаза бога),
Карының алкыжы äдіп	Пусть на тебе почивает благословение старших.
Алдынаң аі чалып	Впереди пусть светит месяц,
Кініңнäң кӱн чалып	Назади пусть светит солнце!

Во время этого обряда невеста и другие, с ней находящиеся, закрываются занавескою от присутствующей родни и зрителей. Края занавески прикреплены к березкам, которые держат три человека: в середине племянник жениха, слева младший племянник невесты, справа младший или двоюродный брат жениха. (Стоящие по краям, вместе с березкой в руках, держат по заднему ребру с мясом). За занавеску с невестою становится жених, взяв с собою бутылку с вином и чашку. С другой стороны невесты стоят две женщины: рядом — ее родственница, с краю — родственница жениха. Невеста и ее родственница с головою закрыты шелковыми

[1]) Земные духи. Их несколько категорий. В честь их ставят на дворе у восточной стороны дома березки. Они имеют также изображение в виде наших икон.

кафтанами — очкор. Родственница жениха держит на руке платки.

Пока заплетают косы упомянутый выше старик, повернувшись к шестку, трижды читают молитву матери огню (От-ӓнӓ). После каждого раза льет по очереди в три стоящие тут очкор, из которых в каждый воткнута веточка тальника, с привязанной к нему белой, красной или синей ленточкой. После третьего раза к старику подходит из-за занавески жених и угощает его вином. Как только жених скроется за занавеской, на его место к старику подходит родственница жениха, молча кладет старику на колени развернутый платок и молча же уходит за занавеску на свое место. Старик платком утирается и снова расстилает его на колени.

Затем выходят на улицу молиться сомам; сначала, держащие занавеску, за ними, предварительно повернувшись раз кругом по солнцу, жених с невестой. Старик, стоящий около сомов, совершает религиозный обряд: кропит наваром от мяса так называемый ӱрӱс (чашку с наваром держит жених) и читает:

1. Тӓмір канӈа	Железному хану.
2. Јоо канӈа	Сомов хану.
3. Баі ӰІгӓнгӓ	Великому Ульгеню.
4. Ыјыктарӈа	Священным животным.
5. Јер судың адазы поручі канӈа	
6. Су ӓзінӓ (талас канӈа)	Водному духу.
7. Мар ӓзінӓ	
8. Адамза	

По прочтении молитвы присутствующие кланяются сомам и уходят в дом.

В дальнейшем вся эта группа идет по домам родни жениха; начиная со старшего дяди, идут к старшим братьям и т. д. В каждом доме молятся огню, в угол на полку против чела вешают платок в честь кровных духов ӓмӓгӓндӓр'ов. (Платок в это время носит значение выкупа — жертвы чалуӈа ілтӓт). Затем, каждый из гостей берет со стола приготовленный для гостей хлеб и закусывает. Выйдя на улицу, молятся сомам и уходят в следующий дом.

Обойдя родню жениха, вся группа возвращается к жениху. В это время невеста и ее родственница снимают с себя очкор'ы, в продолжении чего у жениха в течение

7 — 10 минут происходит кўрä. Рассаживаются совместно гости жениха и невесты, но по старшинсту: в таком же порядке, как на кўрä у невесты. Угощение начинается с подачи грудины (төш) самой почетной родственнице со стороны невесты и задней части (уча) — почитаемому гостю со стороны жениха; остальное мясо, разложенное вместе с костями[1]) на деревянных тарелках, раздается остальным гостям; подается мясо также и стоящим за кўрä. Прежде, чем есть мясо, старшей сватье подается вино; она пьет и, отрезав кусок поданного ей мяса, закусывает. Вторая чашка вина подается почетному гостю со стороны жениха; он пьет, режет поданное ему уча и закусывает. После этого төш и уча передаются всем гостям, вино тоже подается по очереди. Остальное угощение раздается гостям без всякой очереди.

Толпа быстро хмелеет, поет песни и помаленьку разбредается по домам родственников жениха. Каждый считает долгом побывать у всех родных жениха; всюду подается угощение и вино. Такая гулянка продолжается далеко за полночь. Родные той и другой стороны поют песни, хваля друг друга. Поет родня жениха:

Ақ таш јақалаі көп пастым	У белого камня много ходил,
Ақ таштың сызық таппадым	У белого камня щели не нашел.
Алты аімақ көп јурдым	У шести народов много ходил,
Туғанан артық таппадым	Лучшей родни не нашел.
Көк таш јақалаі, көп пастым	У синего камня много ходил,
Көк таштың сызық таппадым	У синего камня щели не нашел.
Көп аімақа көп јурдым	У многих народов много бывал,
Көкшін туғанан артық таппадым	Почетнее родни не нашел.

Родня жениха и невесты поет по очереди, как по окончании яраштыка, так и во время свадьбы.

Родня жениха:

Пылан кіік ажығын	Бабки зверя сохатого... (см. стр. 226).

Родня невесты:

Кастың балазың азырап	Воспитавши гусенка,
Коғанду көлгө учурдым	Я пустил летать на озеро с камышом.
Јаш палады азырап	Воспитавши молодое дитя,
Јақшы јуртқа тўжўрдім	Отдал в хорошую семью.

[1]) Объеденные кости в кўрä и за кўрä бросаются собакам.

Кудуң палазын азырап
Кумакту көlгө учурдым
Күчү артамды азырап
Кубатту јуртка түжүрдім.
Кынадың јајып учпаза

Костың учкур кäм біläр
Конаттажып јүрбäзä

Туған болған кäм біläр
Курkунун јајып учпаза

Кудуң учкурың кäм біläр
Куботтажа јүрбäзä
Куда болғонын кäм біläр.

Воспитавши лебеденка,
Пустил летать в песчаное озеро.
Воспитавши молодое дитя,
В веселую родню отдаю.
Если бы не летал с распростертыми крыльями,
Кто бы знал полет гуся?
Если бы не ходили, взяв друг друга под руки,
Кто бы знал, что мы родня?
Если бы не летал с распростертыми крыльями,
Кто бы знал полет лебедя?
Если бы не веселились вместе,
Кто бы знал, что мы сваты между собой?

Родня жениха:

Ағарған сының појуна
Ак јібäк чöізäм јäдäрбä
Аккам балазы алдына
Ағус чöігäм јарарба?
Көгöргöн сының појуна
Кök јібäк чöізöм јарарба?

На самом чистом хребте
Растягивая белую нитку,—хватит ли?
Если пою перед старшими песни,
То хорошо ли?
На синем хребте
Растягивая синюю, шелковую нитку, — хватит ли?

Көкшін балазы алдына
Көп кү чöізöм јарарба

Если пою перед старшими
Много мелодий, то хорошо ли?

Родня невесты:

Ашмак сын алтам
äткäн ак пос таі
Пуру башка јатты
оскö тäрткан кыс јакшы
Käсмäк, käсмäк сынды
алтам äткäн ак пос таі

Пуру башка јатты
Туған äткäн кыс јакшы

Перевал через хребет сиво-серый конь переходит одним шагом.
В чужие, неродные, чужими взятая девица хороша.
Перевалы и перевальчики хребта одним шагом перешагнул мой бело-сивый конь.
Чужие, неродные,
Устроившие родство через девицу, хороши.

Второй день тоі называется Паітал бажы, т. е. варка головы животного, предназначенного для жертвы или для торжественного случая. Рано утром начинают варить оставшееся мясо с костями и головой. Когда варка кончится, присутствующие поют песню:

Ағарып таң адыптыр
Ак баітал бажы быжыптыр.
Ак баітал бажы пышғажып

Ясная заря осветилась (появилась),
Чистая голова кобылы сварилась.
Когда сварится белая голова,

Аҕыі столын салыптыр	Ставится белый стол.
Кары көкшінің јунарҕаі	Собирай старших и почетных!
Күгүрүп таңын адыптыр	Голубая заря осветилась.
Көк баітал бажы пыжыптыр	Синяя голова сварилась.
Көк баітал бажы пышканда	Когда сварится голова,
Көк столды салыптыр	Ставится синий стол.
Көп туҕаның јунарҕаі.	Собирай многих родных!

Родные невесты, ночующие у родни жениха, утром пьют чай там, где кто ночевал, и после собираются к жениху и рассаживаются, как в первый день свадьбы. Опять начинается күрä (около 10 часов утра). Уча и төш нет, но остальное мясо раздается по порядку; все сидящие угощаются вином.

По окончании күрä жених, взяв с собою вина, едет вместе с невестой и ее родней к тестю и теще. Опять начинается обычное угощение. Жених с невестой сидят рядом на почетном месте, потом ходят по гостям к родне невесты. Остаются ночевать у тестя. Утром уезжают домой, причем отец невесты дарит им лошадь или корову, или кого-нибудь из мелкого скота, что он находит возможным (денег дарить нельзя).

Третий день свадьбы называется Пälмäн, — тогда приготовляются пельмени. Собираются все гости, угощаются. Ритуальным блюдом считаются блины и пельмени.

Не всегда свадьба кончается на третий день: в мирное время кололи девять-двенадцать лошадей, покупали очень много вина и гуляли до тех пор, пока не съедали все мясо и не выпивали все вино (пьют не только мужчины, но и женщины). Бывали случаи, когда свадьба продолжалась неделю, а три дня, — это явление очень частое.

Во время свадьбы у телеут допускается ссора и даже драка между родней жениха и невесты. Бывает это в том случае, если кто-либо из родственников чем-нибудь недоволен. Чтобы доказать свое неудовольствие, поют песню:

Пурыл, пурыл, кап пурылды	Чалого, чалого, настоящего чалого;
Пуратпас нämä пуратсын	Такого держи, хоть не держи.
Пуры башка туҕанды	Чужую родню
Јунатпас нämä јунат сын	Хоть собирай, хоть не собирай.
Чалдар, чалдар кап чалдарды	Игреневого, игреневого, настоящего игреневого

Јаратпас нӓмӓ јаратсын	Хоть держи, хоть не держи.
Јады пашка туѓанды	Постороннюю родню
Јалынбас нӓмӓ јалынзын.	Такую хоть проси, хоть не проси.

Сторона, к которой относится эта песня, просит объяснить, в чем дело, в чем заключается недовольство, но песня продолжается. Тогда возмущается таким поступком другая сторона родственников, вследствие чего начинается ссора, кончающаяся часто дракой.

Вдовы замуж вторично убегают, предварительно сговорившись через посредство родственниц своих и—жениха. Если вдова убежала за вдовца, — то ни яраштыка, ни тоі не бывает; религиозных обрядов тоже не бывает. Если же на вдове женится холостой, то при его желании тоі может быть. В таком случае созывает он свою родню, приглашает несколько человек от невесты и этим ограничивается. Свадьбы у невесты-вдовы никогда не бывает. Калыма не может быть,— „стыдно“, как говорила мне вдова, недавно убежавшая замуж.

Спустя 3—4 недели жених с невестою и несколько человек родных жениха приезжают с вином в дом невесты. Сидят за столом в таком порядке, какой указан в тоі и яраштыке. Но жених и невеста сидят где-либо с краю. Угощение бывает родных невесты, а вино — жениха.

После молодые по очереди обходят все дома родных невесты, начиная по старшинству. В каждый дом жених несет свое вино (бывает оно, конечно, и у родственников невесты).

Все приехавшие ночуют; жених с невестою остаются гостить несколько дольше. Невеста этим временем шьет и чинит необходимое. При отъезде она увозит с собою старых ӓмӓгӓндӓр.

А. Ефимова.

Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут [1]).

Турецкие племена Алтая — алтайцы (алтаі-кіжі) и телеуты (наз. себя täläңät) — живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии. Каждый род, называемый сöök (что означает в переводе кость), хорошо помнит свою генеалогию. Так, например, сöök Мäркіт в улусе Чарге удержал в памяти 10 поколений своих предков. В Мыйту, где уже телеуты обрусели, все же, напр., сöök Мäрät, доходят в своих воспоминаниях до 9-го колена (колено, а также народ, стойбище по-алтайски jурт). Алтаец Сарыш сööка Мундус пересчитывал „зайсанов" своего сöök'а до 12 поколений.

Также хорошо помнит сöök о своих переселениях и каждый член его знает и чувствует свое общее происхождение от одного родоначальника. Так, сöök Мäркіт сохранил подробное предание о своем ближайшем предке, отстоящем от них на 5 колен, с которым связано переселение сöök'а из Бачат, Кузнецкого уезда, в нынешнее его местожительство на р. Чарге. Предок этот, по имени Тӱдräш, откочевал из Бачат; долго перекочевывал он с места на место — жил в Какши, Сарысу, Мыйту, Б. Чарге, Мукур-Чарге и сто лет тому назад прикочевал с женой из сöök'а Тумат и гнедой кобылицей на место нынешнего улуса Чарги. Занимался он здесь сначала охотой, а потом скотоводством. Однажды, во время охоты он заблудился на горе Ӱч Мӱстӱ Баі Оны (трехрогий, богатый – Оны) и не мог выбраться из тайги. Долго бродил он и, наконец, подошел к каменной юрте. Внутри юрты сидела старуха; она сердито

[1]) Район работы — Ойратская автономная область. В улусе Чарга и Мыйту собран телеутский материал; алтайский—в Агаіры и Актеле.

спросила Тӱдрäша, зачем он пришел и что ему нужно. Тӱдрäш просил лишь накормить его и указать ему дорогу. Грозная старуха дала ему талкан, молоко и указала путь к дому. На прощание она сказала ему: „Твоя гнедая кобылица жеребится весной соловым жеребенком, не забудь принести этого жеребенка мне в жертву; имя мое Ӱч Мӱстӱ Баі Оны. Если исполнишь мое желание, будешь богат и счастлив со своим родом". Тӱдрäш благополучно пришел домой. Слова старухи исполнились. Он принес в жертву ей солового жеребенка. С того дня он стал богатеть скотом и при своей жизни имел уже 150 табунов лошадей. Род его Мäркіт разросся. И до сих пор его потомки весной приносят в жертву Ӱч Мӱстӱ Баі Оны солового жеребенка.

Еще в более глубокой старине они помнят своего родоначальника Дорбоі (князь), который жил с 9-ю сыновьями в Минусинском крае и впоследствии сдался русским. Старший сын его, Дабыт, перекочевал уже в Томск и его окрестности. У телеут и сейчас существует о них такая легенда: „Во время Ойратского владычества телеуты сӧӧк'а Мäркіт жили в Минусинском крае (Мӱнӱсӱн). При царице Екатерине Дабыт вместе с 57 семействами добровольно перешел в русское подданство. Договор о переходе к русским он заключил в Томске и переехал из Минусинска в местечко Кандäлäр, около Кузнецка. Дабыт был князем; у него был богатырь Алаӈанчыk из сӧӧк'а Тодош. Дабыт ушел к русским без разрешения Ойратского хана. Узнали об этом в Ойрате и нарядили оттуда с войском двух богатырей: Мылтыккашка и Поідо. Подступили они близко к Кандäлäр и начали воевать с Алаӈанчыk'ом и другим русским богатырем Петром, который помогал Алаӈанчыk'у. Алаӈанчыk и Петр разбили Ойратское войско. Многих убили и в плен взяли. Богатырь Поідо на коне ускакал, а за ним Алаӈанчыk и Петр погнались. У Алаӈанчыk'а гнедая кобылица была, а у Петра гнедой конь. Петр отстал. А Алаӈанчыk догнал уже было Поідо, но ему нельзя было убить его, как кровного родственника: Поідо был старший богатырь его сӧӧк'а. Слез тогда Алаӈанчыk с коня и притворился раненым. Но Петр увидел этот обман и велел ему убить Поідо, иначе он стал бы изменником перед русскими. Побоялся русских Алаӈанчыk, догнал Поідо и убил его. Это было неслыханное дело, так

как тут была пролита своя кровь; от крови богатыря Поідо ключ по имени тӓлӓп в Кузнецком уезде, где сражались они, окрасился в красный цвет — и стали называть его кантӓлӓп (от слова кан — кровь).

У рода Маіман (или Наіман) существует предание, как они первые стали воевать с монголами, за что их „монгол" и сейчас не любит, как они получили за свою доблесть тамгу, подобную сердцу, и затем, как в более позднее время, разделился их род на два: Кара Маіман и Көгӧл Маіман, которые до сих пор называют друг друга карындаш кіжі и не вступают между собой в брак (род Маіман р. Каракол). Сказания о своем роде сохранились и у обруселых телеут, включая и историю их крещения. О происхождении сӧӧк'ов часто даются лишь схематические ответы, вроде того, что жил человек такой-то, и как табун его множится, так и люди от него родились одной кости. И стал их сӧӧк по его имени называться.

О происхождении некоторых сӧӧк'ов имеются мифические предания: Так, сӧӧк Мундус происходит по преданию от девушки, которая родила ребенка, проглотив льдинку. (Упоминание об этом имеется у Вербицкого — „Алтайские инородцы"); сӧӧк Торо происходит от земляного духа Саңыс кajракан, и сӧӧк Очы происходит от водяного хозяина — су ӓзі.

Есть также предания некоторых сӧӧк'ов о их как бы тотемном происхождении. Так, например, сӧӧк Мӓркіт считает себя происшедшим от беркута (род ястреба) и рассказывает, что их сородичи (дальше в горах Алтая) в юрте вешают когти этой птицы. Сӧӧк Jутты имеет своим родоначальником барана, а Jуртас — орла с белой головой.

В Чамале даже священник из алтайцев, перечисляя генеалогию своего сӧӧк'а Кӓргіл, указал на медного быка jӓспуӈа, как своего родоначальника.

Старший в роде, служащий до сих пор объединяющим звеном сӧӧк'а, пользуется уважением сородичей. Он вмешивается в их дела и играет главную роль в хозяйственных и особенно религиозных вопросах жизни сӧӧк'а. Как одно из прав его до сих пор еще остается право выбора имени для новорожденных, хотя теперь это право переходит и к отцу ребенка, и к тому, кто первый вошел в юрту в момент рождения.

В отдельных семьях уже теперь главенствует отец. При женитьбе сына от него зависит выделение новой семье скота и имущества. Неженатый алтаец не должен иметь отдельной юрты - аила. После женитьбы сына, отец ставит ему новую юрту, при участии всех родственников. Скот выделяет часто не сразу: обычно дает скот после рождения у сына ребенка, главным образом, мальчика [1]).

Чаще всего члены одного сöök'а стараются жит в одном месте; напр., улус Чарга почти исключительно занят сöök'ом Мäркіт за исключением единичных семей других сöök'ов. Такие поселения одного сöök'а называются улусами. Если же сöök расселяется, то все же сородичи стараются ставить юрты свои в одной ограде. Таковы поселения сöök'а Іркіт в Верх. Чарге.

Члены одного сöök'а до последнего времени землею пользовались сообща; даже в тех местах, где отчасти занимались и земледелием, работали у сородичей все вместе по очереди; скот пасся вместе и в более отдаленное время был общей собственностью всего сöök'а. В недавнее же время лишь более близкие сородичи имели общий скот [2]).

Каждый сöök имеет свою особую тамгу (знак собственности), которая ставится на посуде, кошмах, потниках и т. п. Но, главным образом, тамгой помечаются кони. Тамга выжигается раскаленным железом на левом боку „крупа" лошади Каждый почти сöök помнит о своей родовой тамге. Отцовская тамга переходит к младшему сыну; старшие обычно усложняют отцовскую или берут новую. Тамгу меняют и в том случае, если не ведется скот. Бывают случаи, когда выжженную тамгу заменяют пометкой на ухе лошади. Иногда, когда семья или целый род делится, некоторые члены, оставив прежнюю тамгу, еще „пятнают" уши своих коней.

---

[1]) Если у алтайца умрет жена и не останется детей, то родственники его разрушают его юрту, и он переходит жить или к отцу, или к старшему брату. Если скот у него уже был поделен с ними, то он временно до новой женитьбы опять присоединяет свой скот к их табунам. Потому алтайца, вместо того, чтобы спросить, женат ли он, — спрашивают: аілдуба jokба? т.-е. есть ли у тебя аил или нет?

[2]) Интересно, что и теперь еще скот колют по очереди и обычно делят мясо с сородичами.

В алтайских и телеутских сöök'ах тамга крепко держится, и отдельные сородичи, далеко разбросанные по всему Алтаю, сразу узнают табуны своего сöök'а. Однако, приходилось видеть у одного и того же сöök'а иногда совершенно разные тамги. Основных типов, которые повторялись в различных вариантах и изменялись в разветвленных сöök'ах, пришлось видеть только десять [1]).

Происхождение тамги, как знака собственности, алтайцы и телеуты объясняют необходимостью каждому сöök'у отмечать свой скот, — свои табуны. Тамга ставится, говорят обычно, для того, чтобы скот не терялся. В местах обрусения прежние типичные алтайские и телеутские тамги заменяются русскими начальными буквами имени и фамилии владельца или утрачиваются совсем. „Зачем нам тамги, мы ведь грамотные", — высказал свое мнение о тамге учитель алтаец в Ak-töl'e.

Родовая помощь сородичей была необходимым условием их кочевой и скотоводческой жизни, когда каждый из них из-за падежа скота в любой момент мог сделаться из богача нищим. Помощь эта широко практиковалась, и жаль, конечно, что сейчас этот обычай, под влиянием русских, местами выходит из употребления. „Бывало, — рассказывают алтайцы, — как обеднеет кто, — едет он с аракой по своим сородичам, и каждый уж непременно даст или нетеля или жеребца. Глядишь, через год-два выправится человек; в нужде и он другому сородичу поможет".

Также обязательна у алтайцев и телеут помощь родственников в уплате калыма за невесту (так, например, на свадьбе в Küzlülü родственники отца жениха сообща заплатили калым). Помощь при свадьбе считается настолько необходимой, что сохраняется в обычае невозможность приехать на свадьбу к сородичам без араки. В Küzlülü одна из приехавших на свадьбу русских женщин (замужем за алтайцем) оказалась одного сöök'а с отцом жениха. Она не знала этого и не привезла с собой араки. Чтобы иметь право присутствовать на свадьбе и войти в юрту молодых, она должна была взять охапку поленьев, чтобы хотя чем-нибудь оказать им помощь.

---

[1]) Этот вопрос я разберу в специальной статье.

Родовая помощь сказывается и в отношении приемных детей. Сирот непременно должен взять сӧӧк отца [1]). Они пользуются одинаковыми правами с родными детьми, и обязанность сӧӧк'а (теперь ближайшей родни отца) женить их и при этом наделить имуществом [2]).

Особенно сказывается роль и значение всего сӧӧк'а во время приезда сватов; отец невесты созывает свою родню — членов сӧӧк'а и спрашивает их согласия; при сговоре о калыме, когда гости жениха садятся за стол, с ними вместе садятся только родственники невесты, а отец с матерью отходят.

Все равно, как каждый сӧӧк имеет одного общего предка — родоначальника, точно также он имеет своих особых родовых богов и отделяет себя от богов чужого сӧӧк'а [3]). Различные сӧӧк'и отличаются по тому, какого сына Ульгеня они чтят своим родовым духом; причем, например, у сӧӧк'а Тодош в Верхней Чарге, почитающего Каршита, сохранилось предание, по которому этому сӧӧк'у запрещено камлать самому Ульгеню. Когда-то давно принес сӧӧк Тодош в жертву Ульгеню белого барана. Баран был косой. За это Ульгень так рассердился на кама и на весь сӧӧк, что хотел их совсем уничтожить. Тогда просили они Каршита, сына Ульгеня, который и заступился за их сӧӧк. С тех пор Ульгень перестал их наказывать. Снова стал у них водиться скот и женщины стали родить. Только запретил он их сӧӧк'у камлать себе, а каму этого сӧӧк'а — когда-либо ходить к нему. С тех пор не камлает Тодош Ульгеню, а чтит

---

[1]) В крайнем случае ребенка берет сӧӧк матери; причем часто ребенок этот впоследствии получает имя этого сӧӧк'а.

[2]) Сироты, усыновляемые сӧӧк'ом, не могут между собою вступать в брак, хотя они и из разных сӧӧк'ов. Жениться на родне отчима или мачехи можно.

[3]) У телеут есть обычай каждую весну ставить в ряд с восточной стороны дома, как жертву верховному божеству Ульгеню и родовым духам, 4—6 украшенных лентами березок (1-я березка небесному божеству Ульгеню, 2-я — земным духам Тӓмір-кану, и Талаj-кану — водяному хану, 3-я — Ада-кіжі — родоначальнику). Тут-же рядом, немного лишь отступя, ставится березка чужому духу — богу кумандинцев, из сӧӧк'а которых телеуты, еще будучи в Кузнецком уезде, брали себе жен. Этого духа они не любят, привязывают ему темные ленты и кропят отдельно, — лишь делают уступку женам.

только его сына Каршита. И еще запретил Ульгень мужчинам есть половые органы барана, а женщинам — его внутренности.

Члены одного сӧӧк'а связаны и общими жертвоприношениями. Женщины, вышедшие замуж в чужие сӧӧк'и, считаются уже чужими, так как они бросают свой очаг и своих богов (берут лишь ӓмӓгӓндӓр — женских духов покровительниц) [1]). Они присоединяются к очагу и богам сӧӧк'а своего мужа, почему при свадьбе совершается кропление огню и другим духам. После замужества они не имеют права присутствовать при камланиях; когда, например, устраивают камлание родовому огню (огонь считается родовым), чествуя его белой овцой, то вышедшие замуж женщины не допускаются [2]).

Каждый род внутри себя экзогамен: никто не женится на женщине своего сӧӧк'а (т.-е. сӧӧк'а своего отца; называется карындаш — что значит единоутробный) в какой бы далекой степени родства она ни приходилась ему. Предпочтительно берут жен из многолюдных сӧӧк'ов. Сӧӧк'и малочисленные, а особенно вымирающие избегаются. Обязательных родов для женитьбы нет, хотя, обычно, придерживаются определенных сӧӧк'ов [3]). Но преимущественно женятся на роде своей матери. Из брачных норм отметим следующие:

Кузены — дети двух сестер, вышедших замуж в два различных сӧӧк'а — называют друг друга пӧлӧ и женятся между собою в первом поколении у алтайцев и во втором и третьем — у телеут. Сын брата не женится на дочери сестры, но дочь брата может выйти замуж за сына сестры или, выражаясь терминологией алтайцев, у таі (таі — дядья — братья матери)

---

[1]) Однако, случается, что на вопрос: какого она сӧӧк'а, алтайская женщина называет сӧӧк отца, а не сӧӧк мужа. Имени мужа своего она также никогда не назовет постороннему.

[2]) Зятьям же, наоборот, разрешается вставать даже близко к огню. Таким образом, зятья становятся как бы своими, и им разрешается участвовать в жертвоприношениях сӧӧк'а жены.

[3]) Сӧӧк Маіман в Караколе женат, за немногими исключениями, на женщинах из сӧӧк'а Тодош. Туда же стараются выдавать и своих женщин. Объясняют это тем, что с этим сӧӧк'ом всегда удачные браки и много детей, говорят: јараш ҡан — хорошая кровь. В сӧӧк'е Мӓркіт в улус Чарга из 30-ти браков, наиболее, частые были из рода Тумат (11), меньше из сӧӧк'а Јутты и Чарос (по шести) и остальные уже из случайных сӧӧк'ов.

можно брать дочерей в жены, а у јään (поколения сестер отца) — нельзя. Женитьба на дочери брата матери носит характерное название Таідан баркы алар или Таідан баркы кабар — брать (или хватать) от дяди подарки. За таі — сына брата матери — нельзя выходить по крайней мере до четвертого колена (төрт ўjä), а во многих местах и дольше. Можно женить сына на младшей сестре матери, так что мать и невестка будут родными сестрами. Два родных брата не могут жениться на двух родных сестрах, но зато каждый алтаец и телеут имеет право взять хотя трех сестер своей жены, но в порядке старшинства, т.-е. при условии, что сначала он женится на старшей (тогда „младшие от него никуда не уйдут"). Если он сначала возьмет младшую сестру, то старшие становятся для него запретными. Так, например, Кўнді сöök'а Мäркіт был женат по очереди на двух родных сестрах своей жены сöök'а Мундус.

Сохранился институт левирата. Младший брат женится на вдове старшего, но старший не может жениться на жене младшего: она для его запретна.

Свадьба называется тоі. Женятся в очень раннем возрасте: [1]) лет 8-9-12 (12-летн. у алтайцев считается уже подросшим женихом) на девицах 15-16 лет, а иногда и старше. Побуждающей причиной этому служат, главным образом, экономические соображения — необходимость в работнице, а также желание иметь побольше детей. Мне пришлось слышать, что еще до сих пор существует обычай совместной жизни взрослой невестки со своим свекром во время малолетства мужа, причем дети их считаются детьми мужа, а не отца.

Такие взрослые жены заставляют своих малолетних мужей качать своих ребят, а зачастую и бьют их. Бывают случаи, когда в семье отец только на 6-7 лет старше своих сыновей. Это довольно обычное явление. Иногда, когда малолетний муж вырастет, он бьет жену и детей не терпит, но это редко.

---

[1]) Кроме браков между малолетними, бывают еще обручения неродившихся детей. Так, например, в Улусе Чарга, Егора сöök'а Мäркіт и Татьяну сöök'а Jутты сговорили еще, когда они не родились. Когда они подросли, Егор и увез Татьяну, считая ее уже своей вполне законной женой.

И муж вправе иметь несколько жен, хотя сейчас многоженство не встречается, что вызвано обеднением населения. „Куда уж тут жен, когда самому под голову положить нечего", — обычное объяснение алтайцев. Раньше же оно имело место в силу, главным образом, двух причин: 1) старение жены ко времени зрелости мужа, 2) экономических соображений. Жена, которая противилась приобретению мужем другой жены, сильно осуждалась, но это случалось редко. Муж ставил для другой жены отдельную юрту и часто она имела свое особое хозяйство. Старшая жена ограничивалась лишь своей властью в выборе и распределении подарков, которые алтаец привозил женам.

Родство различается: по отцу — карындаш, т.-е. единоутробный, по матери — таі и в замужестве каін (мужчины двух породнившихся женитьбой сöök'ов называются кудат (сваты), женщины — кудаŋаі).

II.

В номенклатуре родственных названий алтайцев и телеут существуют общие классовые термины, т.-е. термины, которые обнимают целый класс лиц. Так, в своем сöök'е, например, всех братьев и родных, и двоюродных, и троюродных, и т. д. называют общим классовым термином ача и карындаш; также и сестер — äjä сііні; дедушек и бабушек, а также их братьев и сестер называют общим термином абаш и äнäш.

Дифференциации родства по старшинству сказываются в различных терминах названий для старшего брата (все равно родного или нет, но непременно своего сöök'а) — ача и для младшего — карындаш (у телеут), аŋа и ііні у алтайцев; для старшей сестры äjä, для младшей — сііні. Так, дядя — старший брат отца — называется абаŋаі, младший брат отца — ача (как свой старший брат), но дядю, который моложе племянника — зовут карындаш, как младшего брата у телеут и у абуŋа и очы у алтайцев. Точно также теток (сестер отца); старшую называют, как свою старшую сестру — äjä или абуŋаja у алтайцев; младшую, как младшую свою сестру — сііні; мужа старшей тетки — jäстä и младшей — кўjў. Таким образом, в своем сöök'е в зависимости от возраста дяди и тетки как бы меняются своим местами с племянниками и племянницами в общей лестнице поко-

лений. Точно также совершенно различно называется старший брат мужа — kаінаӈа и младший jўрчў или ул. Старшая сестра мужа — kаінаjа и младшая сестра его — сііні-пала или jўрчў жена старшего брата kаін-äjä называет жену младшего брата мужа келім или пазым.

Все эти различия в терминологии отражаются и в запретах брака и в так наз. психических запретах [1]) между определенной категорией лиц. Так на вдове старшего брата жениться можно, у многих даже обязательно; на вдове младшего — запрещается. В Верхней Чарге, мальчика Кара, 12-ти летнего сына Остапея, сöök'а Іркіт, заставили жениться на 28-летней жене его только что умершего двоюродного брата. На жене дяди, младшего, брата моего отца, носящего название ача (как старший мой брат, когда дядя старше племянника), племяннику разрешается жениться. На жене же младшего брата отца, наз. kарындаш, т.-е. дяди, который моложе племянника, не только не разрешается жениться, но существует целый ряд психических запретов между ней и племянником мужа. Так, невестка не имеет права показывать старшему брату мужа kаін-аӈа непокрытую голову и голые ноги, быть без чегедека [2]), никогда не может называть его по имени. Каін-аӈа не имеет права садиться на ее постель и даже на скамейку, ведущую к ее постели. Брат отца мужа — если он старше последнего, подвергается тем же запретам по отношению к своей невестке. На младшей сестре жены можно жениться, на старшей не только нельзя жениться, но нельзя называть ее по имени. Телеут, когда первый раз после женитьбы приезжает в юрту тестя, не имеет права снять шапку. Он должен итти к старшей сестре жены kаін-äjä с аракой и просить ее снять шапку. То же может сделать и тетка жены, младшая сестра ее матери, если нет у жены старшей сестры.

Существуют психические запреты между свекром и невесткой и между тещей и зятем. Свекор kаін-ада (абаӈаі) не может шутить с невесткой, не должен садиться на ее постель. Невестка не имеет права ходить босиком при нем,

---

[1]) Термин, введенный проф. Л. Я. Штернбергом.

[2]) Женская одежда, без рукавов, которую женщина одевает после свадьбы. Девушки не имеют права ее носить. После смерти мужа вдова ее снимает.

быть в его присутствии без чегедека и без платка, не должна повертываться к свекру спиной. Она не может войти прямо в юрту свекра, а обязана обойти ее несколько раз, походить по аилам и только тогда войти в дверь юрты. Невестка не может не только называть свекра по имени, но даже произносить его имя и называть предметы, по названию напоминающие имя свекра. Так, например, если фамилия свекра Мальтусов или Коноков, невестка не должна называть ни топора — малта, ни ведро — кӧнӧк, даже не может переступать или наступать на эти предметы.

Русские невестки не исполняют этих требований, чем очень обижают свекров алтайцев. Такие психические запреты между свекром и невесткой есть отклик тех прав свекра на половые отношения к своей невестке, которые еще сейчас местами сохранились между свекрами и женами их малолетних сыновей. Такие психические запреты существуют между тещей и зятем: им не разрешается шутить между собою и показывать друг другу босые ноги.

Родственники по матери считаются уже другого сӧӧк'а и не являются родственниками в буквальном смысле слова. Тут уже не соблюдается дифференциация по возрасту: всех теток и дядей по матери одинаково называют таі и таі-ӓjӓ. Бабушка и дед со стороны матери также обозначаются термином, отличным от бабки и деда со стороны отца: они называются таі-ӓнӓ и таі-абажі у телеут, таі-ӓнӓ, таі-ада у алтайцев. Внуков по женской линии называют jӓӓн, тем же термином, как племянников. В то время, как внуков по мужской линии называют бала. Сестры матери называются просто таі-ӓjӓ, реже jӓнӓ, т.-е. тетка, независимо от возраста. Дети тетки — двоюродные братья и сестры — считаются уже в менее близком родстве, обычно они взаимно называют друг друга пӧлӧ. Родство по матери считается только до третьего поколения (ӱч ӱjӓ), четвертое поколение уже не родственники и потому, выражаясь словами алтайцев, — „если кто умный, так назовет еще таі, а то и забудет".

Но зато особым преимуществом пользуются кузены, дети брата матери. Какого бы они возраста ни были, хотя бы это был маленький ребенок, все равно они будут считаться дядьями и тетками таі и таі-ӓjӓ для своих кузенов, детей сестры отца. Алтайцы и телеуты объясняют это уважение даже

к маленьким кузенам — детям брата матери — тем, что одни остались в своем сöök'е-сöök'е отца, а мать других ушла в чужой сöök, следовательно, дети ее будут уже им приходиться племянниками, jään и относиться должны к своим кузенам таі и таі-äjä с уважением. Особенным уважением пользуется кузен, сын брата матери. Детям сестры отца нельзя даже тронуть его рукой, иначе будут трястись руки. Обычно алтайцы говорят: таідың тапkаі jан", т.-е. дядина щепа всегда больше, т.-е. будь у дяди сын хоть младший, все же он старше своего кузена и будет ему таі-дядя или jан jäрчäдä кўчў, таі тарkаі-чазы улу-хотя племянник будет величиной с землю, будет меньше, дядя-таі величиной с щепку — больше. Особенно четко сказывается роль брата матери в жизни племянников. Большое участие таі принимает в браке племянника. Таі чаще других родственников едет с племянником сватать. Когда же племянник украдет невесту, то таі едет с аракой — вином к родителям невесты просить прощения, мириться. Чаще всего его то именно и бьют рассерженные родители украденной девушки. Он же участвует и в уплате калыма. Дядя по матери обязан делать подарки своим племянникам (баркы). Племянник имеет право требовать любую вещь от таі и дядя обязан дать, только в крайних случаях он может упросить племянника заменить требуемую вещь какой-нибудь другой. Даже если маленький племянник придет с аракой к дяде и будет что-либо просить, тот должен скрепя сердце отдать. По этому поводу у алтайцев и у телеут существует поговорка: „лучше иметь 7 волков, чем одного племянника" [1]). Несомненно, что все это пережитки матернитета, который, повидимому, в глубокой древности пережили и турки.

В тех местах Алтая, где внедряются русские, где самим членам рода приходится откочевывать и перекочевывать, особенно там, где алтайцы и телеуты смешались с русскими и обрусели, медленно и постепенно утрачиваются и черты родового быта и строго соблюдаемые половые нормы. Но

---

[1]) Или „лучше поссориться с семью волками, чем с одним племянником". Алтайцам очень вредят волки, нападая на скот, но надоедливый племянник, приезжая часто с аракой к дяде, может также постепенно выпросить порядочное количество скота.

термины родства каждого народа наиболее консервативны, они остаются еще долго жить среди уходящих в область прошлого социальных форм, как объективное свидетельство об отошедших брачных нормах, и умирают последними. Термины родства эти сохранились даже в тех местах, где уже алтайца и телеута иногда по внешнему виду и по быту трудно отличить от русского,— и ясно свидетельствуют о классификационной системе родства.

Н. Дыренкова.

Родство и психические запреты у шорцев [1]).

Род у шорцев агнатный, потому наиболее близкое родство — туӈан — будет по роду отца. Это родство выражается термином карындаш [2]). Родство по матери таjының туӈанары; родство по браку каын; родня мужа — казынымның туӈанары; родня жены — äпчімнің туӈанары; термином куда называют друг друга мужчины двух переженившихся родов или фамилий; жены их называют друг друга кудаӈай.

У шорцев, как и у соплеменных им алтайцев, терминология родства классификационная. Так, деда по отцу и его братьев родных и боковых называют улда или ула, бабку и ее сестер — ӱlö ӱlӌе; братьев и сестер родных и боковых называют общим именем ача или аӌа и туӈма; сестер — пеӌе или пече и туӈма.

Как у алтайцев, термины родства строго различаются в зависимости от возраста. Так, например, дядю — старшего брата отца — племянник называет улда (как деда) или ула; обратно, дядя зовет племянника туӈма; жену своего улда племянник зовет ӱle (бабка); обратно, тетка называет племянника по имени или ул—сын, а племянницу кысчак (дочь, девушка). Дядю, младшего брата отца, племянник зовет аӌа, как своего старшего брата; обратно, дядя называет его туӈма. Жену дяди зовет негеӌі; обратно, она называет племянников по имени или кыс,ул. Дядю брата отца по годам младше племянника, — последний зовет туӈма, как своего младшего брата; дядя, в свою очередь, называет племянника, старше себя по возрасту, аӌа, ача, как старшего брата. Жену дяди,

---

1) Район работы—Томская губ., Горно-Шорский район, верховья и низовья реки Мрассу и р. Кобурсу.

2) Буквально единоутробный, термин, являющийся несомненно пережитком матернитета, когда члены рода действительно были общего происхождения по женской линии.

младше себя по возрасту, племянник зовет келін (невестка); обратно, она называет последнего касты, а племянницу пеце.

Тетку — старшую сестру отца — племянник зовет улуӈ-пеце или аӈалы; обратно, называет последнего по имени или очумның палазы. Мужа тетки племянник зовет чăстă; обратно, называет племянника чӱрчӱ и племянницу — пасты. Тетку — младшую сестру отца — зовет очу неце; обратно, — туӈма; мужа ее зовет — очу чăстă; обратно, чӱрчӱ и пасты или кастының палазы. Тетку — сестру отца, по возрасту младше племянников, — последний зовет туӈма; — обратно называет их аца и пеце; мужа тетки зовут кӱзä; обратно, племянников казынаӈа и егечі. Старший брат носит имя аца, младший — туӈма; старшая сестра пеце, младшая — туӈма [1]).

То же строгое разделение, по возрасту господствует и в названиях родства по браку. Так, мужчина зовет старшую сестру жены егечі (егеці), младшую — пасты; старшего брата жены — казына или казыноӈа, а младшего — чӱрчӱ. Женщина зовет старшего брата мужа касты (редко аца); обратно, последний называет ее келім; старшую сестру мужа она зовет пеце; обратно, она называет невестку келім; младшего брата мужа невестка зовет или по имени, или оӈлым (сын мой). После смерти свекра невестки перестают называть младшего брата мужа по имени, а называют лишь очол, потому что он наследует юрту старика и будет считаться для них за свекра. Младшую сестру мужа женщина называет кызым (дочь моя) или по имени; обратно, она называет невестку негечі. Тестя мужчина зовет касты, тещу — казыне; точно также зовет женщина отца и мать мужа. Мужья двух сестер называют друг друга баца, невестки (жены братьев) — абызыны.

Термины родства несомненно связаны с брачными и с психическими запретами вообще. Так, например, на вдове старшего брата, негеці, жениться можно, на жене же младшего брата, келін, не только не разрешается, но по отношению к ней существует целый ряд психических запретов. На жене дяди, старшего брата отца, ӱле, и на жене дяди, который

1) Название туӈма применяется и к младшей сестре и к младшему брату, причем брата называют ăр туӈма, а сестру — кыс туӈма. Самого младшего брата и сестру называют старшие очу.

моложе племянника, kelin, жениться нельзя, на жене младшего брата отца, по возрасту старше племянника, негеці, женитьба разрешается. Также на младшей сестре жены, пасты, жениться можно, на старшей, егеці, — нельзя.

Ряд психических запретов существует в отношении зятя — кӱзӓ, к теще — kазене, старшей сестре жены — егеці, ее тетке. Так, зять не имеет права называть их по имени, садиться на скамейку, на которой они спят, браться с ними за руки; не должен снимать в их присутствии шапки, а если уж снимет, то дарит кольца и только после этого уже все время имеет право быть без шапки в их присутствии. Во время женитьбы до мировой (чараш), жених в присутствии старшей женской родни невесты ходит с повязанным на голове платком [1]). Когда приходят мириться, жених подает старшей сестре жены или тетке вино, и она снимает ему платок. Тут же он дарит ей на рубаху, или что-либо другое.

Но наиболее строгие запреты налагаются между невесткой и свекром. Она не имеет права быть в присутствии свекра без платка и без кендира (верхней тканой одежды), нельзя показать свекру голые ноги, нельзя шутить с ним, смеяться в его присутствии, нельзя называть по имени. Обычно невестка зовет свекра апшак или даст какое-нибудь описательное имя. Она не называет предметов, название которых близко к имени свекра. В юрту будущего свекра женщина не входит, не будучи еще невестой, не входит и сразу после свадьбы [2]). Она не подает руки свекру, ничего не передает из рук в руки, не дотрагивается до него и даже до вещей, имеющих к нему какое-нибудь отношение. Помещается невестка справа от входа в юрту и не имеет права заходить за половину поперечной скамейки на сторону свекра. Не садится никогда на его постель. Когда подходит к огню готовить, идет с правой стороны, никогда

[1]) Шорцы часто вообще вместо шапок, тканых из кендира — конопли, носят вокруг головы платок. Платком повязывается и кам при камлании.

[2]) В продолжении 3-х дней после свадьбы молодые живут в юрте одаӡ или аланцык, построенной из нескольких тонких берез, с оставленными на них верхушками и крытой берестой. Юрта эта ставится специально для невесты ко времени свадьбы (только в том случае, если шорец женится на вдове, ее разрешается привозить сразу в юрту его родителей) и после трех дней юрта разбирается и березы уносятся в лес. Невеста вином входит в юрту свекра.

не повертывается спиной к свекру и выходит из юрты в его присутствии, повернувшись лицом к свекру и пятясь задом. Также осторожно должно быть отношение свекра к невестке — он не должен даже улыбаться ей, садиться или подходить к ее постели, ходить босыми ногами. Эти запреты заставляют, обычно, строить для женатого сына отдельную юрту. Такое же отношение невестки должно быть и к старшим братьям мужа и старшим дядьям его. Часто невестка до года после свадьбы совершенно не заходит в юрту старшего брата мужа [1]). Не подает ему ничего из рук в руки, не протягивает руки (Уjат kолым пäрäргä — „давать руку стыдно", — говорят шорки), никогда не зовет старшего брата мужа по имени. Так, например, уже в низовьях Мрас-су, где население более сталкивается с русскими, лодочника Акулякова до сих пор все в улусе Усть-Мрассу зовут Пäткä, тогда как настоящее его имя Василий. Оказалось, что священник окрестил его Василием, а у отца был старший брат Василий, и мать не имела права называть ребенка по имени и стала звать его Пäткä. К старшему брату мужа невестка также не повертывается спиной. Они говорят: — „Улуӈ кіжі кесті äiläнäргä чарабаӈа — к старшему человеку задом повертываться нельзя. Вот почему старший сын всегда выделяется после женитьбы младшего.

В настоящее время принцип экзогамности утрачивается. В некоторых местах, однако, экзогамность еще сохраняется. Но сöök Kобыі, например, и Кыі уже разрешает браки внутри рода. Адора, старик 68 лет, из рода Kобыі, рассказывал, что только отец его первый взял жену из своего рода, до этого брали из чужого, дед его еще брал жену из рода Кызаі. Причем интересно то, что предварительно старики совещались по этому вопросу, съехавшись вместе. Факт этот весьма любопытен, так как фиксирует нам определенный этап в социальном быту. Причиной перехода рода к эндогамии, — сейчас старики считают, — многочисленность рода и скученность его на одной территории. В настоящий

[1]) Исключение делается только в тех случаях, если, например, в юрте старшего брата помещается ручная мельница и невестке необходимо итти молоть. Тогда она идет через несколько дней после свадьбы вместе с мужем, неся для kасты вино. Тот должен дать в ответный подарок чашку, ложку или что другое.

момент брак разрешается внутри рода только из разных фамилий, tölö, но не раньше 4-х поколений. Преимущество женитьбы на родне матери уже утрачивается. В большинстве случаев и теперь шорец имеет право жениться на 2-х родных сестрах в том случае, если сначала женится на старшей, а после ее смерти на младшей. „За хорошего зятя отчего не выдать вторую дочь", — говорят и сейчас еще старики [1]). Но в других местах (из сöök'а Карашор, например)—уже перестают отдавать за одного человека 2-х дочерей.

Соответственно институту сорората существует и левират: младший брат имеет право жениться на вдове старшего, но не наоборот. Хотя теперь уже некоторые женщины (сööка Кара-шор, Кызаі, например) считают за стыд выходить за брата мужа. Обычно уже говорят: „егі kарындаш бір кіжі парӈа чарабаӈа" — нельзя выходить за двух родных братьев [2]).

Жена не имеет права называть мужа по имени. Чаще всего она называет его по имени детей — Актолдыӈ, абазы или по имени брата или сестры его — Трофимыӈ, ачазы. Если детей нет, зовет апшыі — старик, ӓр-кіжі — мужчина. Постороннему женщина также никогда не скажет имени мужа. Разрешается мужа „закричать по имени только в том случае, если он тонет или какой грех с ним случится", — говорили женщины. Мужчина тоже называет жену по имени детей — Яков, ічӓзі, если нет детей — öрökön — старуха или ӓпчім—жена, женщина моя (кат—женщина в низовьях реки). Детей называют ол, kыс или пала.

Термины родства в отношении рода матери отличны от отцовского. Так, деда и бабку по материнской линии внуки зовут общим термином таіда в районе верховья Мрассу и таідаӈы и нанегі в низовьях ее. Они, в свою очередь, назы-

---

1) Если у вдовца не осталось детей, то он после смерти первой жены переходит жить или к брату, или к отцу; женившись вторично, он переносит юрту на другое место.

2) До сих пор еще существует обычай сговора детей; бывают браки между малолетними 6 — 10-летними мальчиками и 20 — 30 летними женщинами; есть выкрадывание невесты — kыс орларӈа, причем бывают случаи, что и она, и родители ее, и вся родня скручиваются веревками нападающей родней жениха. Обычно, же сейчас выдают 16 — 17 лет и чтобы другие женихи не „перехватили", дают задаток и откладывают свадьбу — тоі на 2 — 3 года. Многоженство отсутствует.

вают внуков пала или чӓӓн (как племянников), теток: старшую сестру матери племянники зовут аӈалы, младшую сестру матери - пеӆе. Братьев матери племянники зовут таі, независимо от возраста. Тетки и дядья называют племянников, также независимо от возраста,—чӓӓн. Дети брата матери зовут своих кузенов, детей сестры отца, также чӓӓн; те, в свою очередь, зовут их таі, как дядю, хотя бы они были и младше их. Кузены—дети двух сестер—зовут друг друга пӧлӧ.

В значении брата матери (дяди — таі) мы можем здесь усмотреть остатки былого значения рода матери. Дядя—таі помогает племяннику при уплате калыма, он же часто ездит сватать ему невесту. Особое же отличие дяди—таі от дядей по линии отца в отношении племянников сказывается в обычае дарить племяннику. Брат матери дарит племянникам, когда те приезжают к нему с вином, — скот, кушак (кур) или шапку (пӧрӱк). Без вина не разрешалось ехать к таі и племянника никогда не отпускали без подарка [1]). До таі—никогда не дотрагивались руками, ругаться с таі—наибольший стыд—уjат. То же самое переносится и на сына таі—кузена. Про тая говорят: „Таjы таӈ ӆені улуӈ, чӓӓн кіжі чӓрӆені кічіг—дядя величиной с гору, племянник как земля маленький (т. е. низкий).

В заключение необходимо отметить, что в Шории, такой смешанной и по физическому типу, и по наречиям, окруженной лесами, изрезанной бесконечным множеством рек и реченок, разделенной невысокими, но зато пересекающимися в различных направлениях хребтами—мы можем видет различные этапы и в традициях брака, и в социально-родовом быту. Вот почему район этот особенно нуждается в изучении по определенным незначительным по пространству территориям и родовым единицам. И работа эта, надо думать, даст существенный и значительный материал для освещения многих вопросов социальной культуры турецких народов Сибири.

Н. Дыренкова.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

---

[1]) Подарки племянникам называются кумарткы (на память). Обычный подарок—сыі (сыілап пӓрчӓ).

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
От редакции	1
I. Новые материалы по свадьбе.—Проф. Л. Я. Штернберг	6
II. Северно-великорусская свадьба.—К. Мыльникова и В. Цинциус.	17
III. Свадьба в Салтыковской вол., Моршанского у., Тамбовской г.—Н. Гагенторн	171
IV. Свадебный подарок на Украине.—Е. Карачевская	196
V. Игра в „бачу“ на Печоре.—Д. Травин	197
VI. Свадебные причитания зырян.—Г. Старцев	199
VII. Некоторые данные о браке и свадьбе остяков.—Г. Старцев	218
VIII. Телеутская свадьба.—А. Ефимова	225
IX. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут.—Н. Дыренкова	247
X. Родство и психические запреты у шорцев—Н. Дыренкова	260